Sovremennik 1x3

СОВРЕМЕННИКЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ИЗДАТЕЛИ И РЕДАКТОРЫ: ВЪ 1836 А. С. ПУШКИНЪ; ВЪ 1837 В. А. ЖУКОВСКІЙ И КНЯЗЬ П. А. ВЯЗЕМСКІЙ СЪ НѢКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ. СЪ 1838 П. А. ПЛЕТНЕВЪ.

43

ТОМЪ СОРОКЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній.

1846.

СОВРЕМЕННИКЪ.

XLIII.

СОВРЕМЕННИКЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ИЗДАТЕЛИ И РЕДАКТОРЫ: ВЪ 1836 А. С. ПУШКИНЪ; ВЪ 1837 В. А. ЖУКОВСКІЙ И КНЯЗЬ П. А. ВЯЗЕМСКІЙ СЪ НѢКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ. СЪ 1838 П. А. ПЛЕТНЕВЪ.

ТОМЪ СОРОКЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній.

1846.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
LEIPZIG 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/70 — 1169

ТЮЛЬПАННОЕ ДЕРЕВО.

СКАЗКА.

Жилъ-былъ (я думаю, съ тѣхъ поръ прошло
Лѣтъ болѣ тысячи) одинъ богатый
И добрый человѣкъ. Онъ былъ женатъ.
И всей душей любилъ свою жену,
Но не было у нихъ дѣтей; и это
Ихъ сокрушало; и они молились,
Чтобы Господь благословилъ ихъ бракъ;
И къ Господу молитва ихъ достигла.
Былъ садъ кругомъ ихъ дома; на полянѣ
Тамъ дерево тюльпанное росло.
Подъ этимъ деревомъ однажды (это
Случилось въ зимній день) жена сидѣла
И съ яблока румянаго ножемъ
Снимала кожу; вдругъ ей острый ножъ
Легонько палецъ оцарапалъ; кровь
Пурпурной каплею на бѣлый снѣгъ
Упала; тяжело вздохнувъ, она
Подумала: о если бъ Богъ намъ далъ
Дитя, румяное, какъ эта кровь,
И бѣлое, какъ этотъ чистый снѣгъ!
И только-что она сказала это, въ сердцѣ
Ея, какъ будто что зашевелилось,
Какъ будто изъ него утѣшный голосъ
Шепнулъ ей: сбудется. Пошла въ раздумьи

Домой. Проходитъ мѣсяцъ — снѣгъ растаялъ.
Другой проходитъ — все въ лугахъ и рощахъ
Зазеленѣло. Третій мѣсяцъ миновался —
Цвѣты покрыли землю, какъ коверъ.
Прошелъ четвертый — всѣ въ лѣсу деревья
Срослись въ одинъ зеленый сводъ, и птицы
Въ густыхъ вѣтвяхъ запѣли голосисто,
И съ ними весь широкій лѣсъ запѣлъ.
Когда же пятый мѣсяцъ былъ въ исходѣ —
Подъ дерево тюльпанное она
Пришла; оно такъ сладко, такъ свѣжо́
Благоухало, что ея душа
Глубокою, невѣдомой тоскою
Была проникнута. Когда шестой
Свершился мѣсяцъ — стали наливаться
Плоды и созрѣвать; она же стала
Задумчивѣй и тише. Наступаетъ
Седьмой — и часто, часто подъ своимъ
Тюльпаннымъ деревомъ она одна
Сидитъ и плачетъ, и ее томитъ
Предчувствіе тяжелое. Прошелъ
Осьмой — она въ концѣ его больная
Слегла въ постелю и сказала мужу
Въ слезахъ: когда умру, похорони
Меня подъ деревомъ тюльпаннымъ. Мѣсяцъ
Девятый кончился — и родился
У ней сынокъ, какъ кровь, румяный, бѣлый,
Какъ снѣгъ; она жъ обрадовалась такъ,
Что умерла. И мужъ похоронилъ
Ее въ саду, подъ деревомъ тюльпаннымъ.
И горько плакалъ онъ объ ней; и цѣлый
Проплакалъ годъ, и начала печаль

Въ немъ утихать, и наконецъ утихла
Совсѣмъ; и онъ женился на другой
Женѣ, и скоро съ нею прижилъ дочь.
Но не была ничѣмъ жена вторая
На первую похожа: въ домъ его
Она не принесла съ собою счастья.
Когда на дочь свою она родную
Смотрѣла, въ ней смѣялася душа;
Когда жъ глаза на сироту, на сына
Другой жены невольно обращала,
Въ ней сердце злилось: онъ какъ будто ей
И жить мѣшалъ; а хитрый искуситель
Противъ него нашептывалъ всечасно
Ей злые замыслы. Въ слезахъ и въ горѣ
Сиротка росъ, и ни одной минуты
Веселой въ домѣ не было ему.
Однажды мать была въ своей каморкѣ,
И передъ ней стоялъ сундукъ открытый
Съ тяжелой, кованной желѣзомъ кровлей
И съ острымъ нутренымъ замкомъ. Сундукъ
Былъ полонъ яблокъ. Тутъ сказала ей
Марлиночка (такъ называли дочь):
Дай яблочко, родная, мнѣ. — Возьми,
Ей отвѣчала мать. — И братцу дай,
Прибавила Марлиночка. — Сначала
Нахмурилася мать, но врагъ лукавый
Вдругъ что-то ей шепнулъ; она сказала:
Марлиночка, поди теперь отсюда;
Обоимъ вамъ по яблочку я дамъ,
Когда твой братъ воротится домой
(А изъ окна ужъ видѣла она,
Что мальчикъ шелъ, и чудилося ей,

Что будто на нее съ нимъ вмѣстѣ злое
Шло искушенье). Кровлею захлопнувъ
Сундукъ, она глаза на двери дико
Уставила; когда жъ ихъ отворилъ
Малютка и вошелъ, ея лице
Бѣлѣе стало полотна; поспѣшно
Она ему дрожащимъ и глухимъ
Сказала голосомъ: вынь для себя
И для Марлиночки изъ сундука
Два яблока. При этомъ словѣ ей
Почудилось, что кто-то подлѣ громко
Захохоталъ; а мальчикъ, на нее
Взглянувъ, спросилъ: зачѣмъ ты на меня
Такъ страшно смотришь? — Выбирай скорѣе!
Она, поднявши кровлю сундука,
Ему сказала, и ея глаза
Сверкнули острымъ блескомъ. Мальчикъ робко
За яблокомъ нагнулся головой
Въ сундукъ; тутъ ей лукавый врагъ шепнулъ:
Скорѣй! И кровлею она тяжелой
Захлопнула сундукъ, а голова
Малютки, какъ ножемъ, была желѣзнымъ
Отрѣзана замкомъ и, отскочивши,
Упала въ яблоки. Холодной дрожью
Злодѣйку обдало. Что дѣлать мнѣ?
Подумала она, смотря на страшный
Захлопнутый сундукъ. И вотъ она
Взяла изъ шкапа шелковый платокъ,
И, голову отрѣзанную къ шеѣ
Приставивъ, тѣмъ платкомъ ихъ обвила
Такъ плотно, что примѣтить ничего
Не можно было; и потомъ она

Передъ дверями мертваго на стулъ
(Давъ въ руки яблоко ему и къ стѣнкѣ
Его спиной придвинувъ) посадила;
И наконецъ, какъ будто не была
Ни въ чемъ, пошла на кухню стряпать. Вдругъ
Марлиночка въ испугѣ прибѣжала
И шепчетъ: посмотри туда; тамъ братецъ
Сидитъ въ дверяхъ на стулѣ; онъ такъ бѣлъ;
И держитъ яблоко въ рукахъ; но самъ
Не ѣстъ; когда жъ его я попросила,
Чтобъ далъ мнѣ яблоко, не отвѣчалъ
Ни слова, не взглянулъ; мнѣ стало страшно.
На то сказала мать: поди къ нему
И попроси въ другой разъ; если жъ онъ
Опять ни слова отвѣчать не будетъ,
И на тебя не взглянетъ, подери
Его покрѣпче за ухо; онъ спитъ.
Марлиночка пошла, и видитъ: братецъ
Сидитъ въ дверяхъ на стулѣ, бѣлъ, какъ снѣгъ;
Не шевелится, не глядитъ и держитъ,
Какъ прежде; яблоко въ рукахъ, но самъ
Его не ѣстъ. Марлиночка подходитъ
И говоритъ: дай яблочко мнѣ, братецъ.
Отвѣта нѣтъ. Тутъ за ухо она
Тихонько братца дернула, и вдругъ
Отъ плечь его отпала голова
И покатилась. Съ крикомъ прибѣжала
Марлиночка на кухню. Ахъ! родная,
Бѣда! бѣда! я братца моего
Убила! голову оторвала
Я братцу! — И бѣдняжка заливалась
Слезами и кричала крикомъ. Ей

Сказала мать: Марлиночка, ужъ горю
Не пособить; намъ надобно скорѣй
Его прибрать, пока не воротился
Домой отецъ; возьми и отнеси
Его покуда въ садъ, и спрячь тамъ: завтра
Его сама въ оврагъ я брошу: волки
Его съѣдятъ, и косточекъ никто
Не сыщетъ; перестань же плакать; дѣлай,
Что я велю. — Марлиночка пошла;
Она, широкой бѣлой простынею
Обвивши тѣло, отнесла его,
Рыдая, въ садъ, и тамъ его тихонько
Подъ деревомъ тюльпаннымъ положила
На свѣжій дернъ, который покрывалъ
Могилку матери его... И что же?
Могилка вдругъ раскрылася, и тѣло
Взяла, и снова дернъ зазеленѣлъ
На ней и разцвѣли на ней цвѣты,
И изъ цвѣтовъ вдругъ выпорхнула птичка,
И весело запѣла и взвилась
Подъ облака и въ облакахъ пропала.
Марлиночка сперва оторопѣла;
Потомъ (какъ будто кто въ ея душѣ
Печаль заговорилъ) ей стало вдругъ
Легко; пошла домой и никому
О бывшемъ съ нею не сказала. Скоро
Пришелъ домой отецъ. Не видя сына,
Спросилъ онъ съ безпокойствомъ: гдѣ онъ? Мать,
Вся помертвѣвъ, поспѣшно отвѣчала:
Ранехонько ушелъ онъ со двора,
И все еще не возвращался. Было
Ужъ за-полдень; была пора обѣдать.

И накрывать на столъ хозяйка стала;
Марлиночка жъ сидѣла въ уголку,
Не шевелясь и молча; день былъ свѣтлый;
Ни облачка на небѣ не бродило,
И тихо блескъ полуденнаго солнца
Лежалъ на зелени деревъ, и было
Повсюду все спокойно. Той порою
Спорхнувшая съ могилы братца птичка
Летала да летала; вотъ она
На кустикъ сѣла подъ окошкомъ дома,
Гдѣ золотыхъ дѣлъ мастеръ жилъ. Она,
Расправивъ крылышки, запѣла громко:
«*Зла мачиха зарѣзала меня*;
«*Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ*;
«*Сестрица же Марлиночка меня*
«*Близъ матушки родной моей въ саду*
«*Подъ деревомъ тюльпаннымъ погребла*.»
Услышавъ это, золотыхъ дѣлъ мастеръ
Въ окошко выглянулъ; онъ такъ плѣнился
Прекрасной птичкою, что закричалъ:
Пропой еще разъ, милая пичужка.
«Я даромъ дважды пѣть не стану, птичка
«Сказала, подари цѣпочку мнѣ,
«И запою.» — Услышавъ это, мастеръ
Богатую ей бросилъ изъ окна
Цѣпочку. Правой лапкою схвативши
Цѣпочку ту, свою запѣла пѣсню
Звучнѣй, чѣмъ прежде, птичка, и допѣвши
Спорхнула съ кустика съ своей добычей,
И полетѣла далѣе, и скоро
На кровлю домика, гдѣ жилъ башмачникъ,
Спустилася и тамъ опять запѣла:

«Зла мачиха зарѣзала меня;
«Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ;
«Сестрица же Марлиночка меня
«Близъ матушки родной моей въ саду
«Подъ деревомъ тюльпаннымъ погребла.»
Башмачникъ въ это время у окна
Шилъ башмаки; услышавъ пѣсню, онъ
Работу бросилъ, выбѣжалъ на дворъ,
И видитъ, что сидитъ на кровлѣ птичка
Чудесной красоты. Ахъ! птичка, птичка,
Сказалъ башмачникъ, какъ же ты прекрасно
Поешь. Нельзя ль еще разъ ту же пѣсню
Пропѣть? — «Я даромъ дважды не пою,
«Сказала птичка, дай мнѣ пару дѣтскихъ
«Сафьянныхъ башмаковъ.» Башмачникъ тотчасъ
Ей вынесъ башмаки, и лѣвой лапкой
Ихъ взявъ, свою опять запѣла пѣсню
Звучнѣй, чѣмъ прежде, птичка, и допѣвши
Спорхнула съ кровли съ новою добычей,
И полетѣла далѣе, и скоро
На мельницу, которая стояла
Надъ быстрой рѣчкою во глубинѣ
Прохладныя долины, прилетѣла.
Былъ стукъ и шумъ отъ мельничныхъ колесъ,
И съ громомъ въ ней мололъ огромный жерновъ,
И въ воротахъ ея рубили двадцать
Работниковъ дрова. На вѣтку липы,
Которая у мельничныхъ воротъ
Росла, спустилась птичка и запѣла:
«Зла мачиха зарѣзала меня;»
Одинъ работникъ, то услышавъ, поднялъ
Глаза и пересталъ рубить дрова.

«Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ;»
Оставили еще работу двое.
«Сестрица же Марлиночка меня;»
Тутъ пятеро еще, глаза на липу
Обративъ, работать перестали.
«Близъ матушки родной моей въ саду;»
Еще тутъ восемь вслушалися въ пѣсню;
Остолбенѣвши, топоры они
На землю бросили и на пѣвицу
Уставили глаза; когда жъ она
Умолкла, послѣднее пропѣвъ:
«Подъ деревомъ тюльпаннымъ погребла;»
Всѣ двадцать разомъ кинулися къ липѣ
И закричали: птичка, птичка, спой намъ
Еще разъ пѣсенку твою. На это
Сказала птичка: «дважды пѣть не стану
«Я даромъ; если же вы этотъ жерновъ
«Дадите мнѣ, я запою.» — Дадимъ,
Дадимъ, въ одинъ всѣ голосъ закричали.
Съ трудомъ великимъ общей силой жерновъ
Поднявъ съ земли, они его надѣли
На шею птичкѣ, и она, какъ будто
Въ жемчужномъ ожерельи, отряхнувшись
И крылышки расправивши, запѣла
Звучнѣй, чѣмъ прежде, и допѣвъ спорхнула
Съ зеленой вѣтки и умчалась быстро —
На шеѣ жерновъ, въ правой лапкѣ цѣпь,
А въ лѣвой башмаки. И такъ она
На дерево тюльпанное въ саду
Спустилась. Той порой отецъ сидѣлъ
Передъ окномъ; по-прежнему въ углу
Марлиночка; а мать на столъ сбирала.

Какъ мнѣ легко! сказалъ отецъ; какъ свѣтелъ
И тепелъ Майскій день! — А мнѣ, сказала
Жена, такъ тяжело, такъ душно!
Какъ будто бы сбирается гроза. —
Марлиночка жъ, прижавшись въ уголокъ,
Не шевелилася, сидѣла молча,
И плакала. А птичка той порой,
На деревѣ тюльпанномъ отдохнувши,
Полетомъ тихимъ къ дому полетѣла.
Какъ на душѣ моей легко! опять
Сказалъ отецъ: какъ будто бы кого
Роднаго мнѣ увидѣть. — Мнѣ жъ, сказала
Жена, такъ страшно! все во мнѣ дрожитъ,
И кровь по жиламъ льется какъ огонь.
Марлиночка жъ ни слова; въ уголку
Сидитъ, не шевелясь, и тихо плачетъ.
Вдругъ птичка, къ дому подлетѣвъ, запѣла:
«*Зла мачиха зарѣзала меня*;
Услышавъ это, мать въ оцѣпенѣньи
Зажмурила глаза, заткнула уши,
Чтобъ не видать и не слыхать; но въ уши
Гудѣло ей, какъ будто шумъ грозы,
Въ зажмуренныхъ глазахъ ея сверкало,
Какъ молнія, и потъ смертельный тѣло
Ея, какъ змѣй холодный, обвивалъ.
«*Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ.*»
Жена, сказалъ отецъ, смотри, какая
Тамъ птичка! какъ поетъ! а день такъ тихъ,
Такъ ясенъ и такой повсюду запахъ,
Что, скажешь, вся земля въ цвѣты одѣлась;
Пойду и посмотрю на эту птичку.
— Останься, не ходи, сказала въ страхѣ

Жена; мнѣ чудится, что весь нашъ домъ
Въ огнѣ. — Но онъ пошелъ. А птичка пѣла:
«*Близъ матушки родной моей въ саду*
«*Подъ деревомъ тюльпаннымъ погребла.*»
И въ этотъ мигъ цѣпочка золотая
Упала передъ нимъ. Смотрите, онъ
Сказалъ, какой подарокъ дорогой
Мнѣ птичка бросила. Тутъ не могла
Жена отъ страха устоять на мѣстѣ,
И начала, какъ въ изступленьи, бѣгать
По горницѣ. Опять запѣла птичка:
«*Зла мачиха зарѣзала меня;*»
А мачиха блѣднѣла и шептала:
О если бъ на меня упали горы,
Лишь только бъ этой пѣсни не слыхать!
«*Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ.*»
Тутъ повалилася она на землю,
Какъ мертвая, какъ трупъ окостенѣлый.
«*Сестрица же Марлиночка меня*» —
Марлиночка, вскочивъ при этомъ съ мѣста,
Сказала: побѣгу, не дастъ ли птичка
Чего и мнѣ. И выбѣжавъ, глазами
Она искала птички. Вдругъ упали
Ей въ руки башмаки; она въ ладоши
Отъ радости захлопала: мнѣ было
До этѣхъ поръ такъ грустно, а теперь
Такъ стало весело, такъ живо! —
Нѣтъ, простонала мать, я не могу
Здѣсь оставаться; я задохнусь; сердце
Готово лопнуть. И она вскочила;
На головѣ ея стояли дыбомъ,
Какъ пламень, волосы, и ей казалось,

Что все кругомъ ея валилось. Въ двери
Она въ безумьи кинулась... но только
Ступила за порогъ, тяжелый жерновъ
Бухъ!... и ее какъ будто не бывало;
На мѣстѣ же, гдѣ казнь надъ ней свершилась,
Столбомъ огонь поднялся изъ земли.
Когда жъ исчезъ огонь, живой явился
Тамъ братецъ; и Марлиночка къ нему
На шею кинулась. Отецъ же долго
Искалъ жену глазами; но ея
Онъ не нашелъ. Потомъ всѣ трое сѣли,
Усердно Богу помолясь, за столъ;
Но за столомъ никто не ѣлъ, и всѣ
Молчали; и у всѣхъ на сердцѣ было
Спокойно, какъ бываетъ всякой разъ,
Когда оно почувствуетъ живѣй
Присутствіе невидимаго Бога.

В. Жуковскій.

1845 г.
Франкфуртъ на М.

ОВЕРБЕКЪ.

Есть люди на всякомъ поприщѣ дѣятельности, съ именами коихъ тѣсно соединяется періодъ времени, въ который они дѣйствовали, состояніе общества, на которое они имѣли вліяніе, потомъ его направленіе, жизненные его приливы и отливы; однимъ словомъ, есть такіе люди, которыхъ только назовешь, сейчасъ же имена ихъ обрисуютъ время, народъ, современность, движеніе идей, и между-тѣмъ сами они явятся со всею силою самобытности. Такихъ людей мы зовемъ людьми вѣка, предводителями или представителями школы, смотря потому, являются ли они въ области человѣческой воли, или только въ области ума и сердца.

Чтобы не ходить далеко за примѣрами и не рыться въ Исторіи, мы можемъ представить рѣзкій образецъ такаго рода дѣятелей въ одномъ изъ современныхъ намъ сильныхъ талантовъ, именно во Французской писательницѣ, извѣстной въ письменномъ мірѣ подъ именемъ *Жоржъ Зандъ*. Сочувствуете ли вы ея убѣжденіямъ, или враждуете съ ними, вы не можете отвергнуть однаго, что въ ней, какъ въ зеркалѣ, отразилось и отражается современное западное общество, общество, живущее дѣятельно, а не страдательно, самобытно, а не подражательно; что въ ея произведеніяхъ слышны и стоны чахлой

жизни, и буйные клики голоколѣннаго цинизма, и взыванія къ погибшей теплотѣ чувства, и даже иногда, впрочемъ всего рѣже, чистыя мольбы о ниспосланіи міру благодати, въ которой Провидѣніе никогда не отказываетъ покорному Ему человѣку, но которой не даетъ Оно горделивому уму, захотѣвшему всего искать въ самомъ себѣ. Коротко сказать: произнесите имя *Жоржъ Зандъ,* и всякому, кто знакомъ съ ея произведеніями, явится все современное намъ западно-Европейское общество, со всѣми его недугами, со всѣми надеждами, или по крайней мѣрѣ со всѣмъ ожиданіемъ лучшаго. Вы можете, говорю я, враждовать съ ея убѣжденіями, называть ихъ больными, неистовыми, вредными, все это дѣло вашей личности, но не можете не согласиться, что она талантъ и талантъ великій.

Разумѣется, міръ литературный, міръ политическій и гражданскій близки къ нашей обиходной жизни и непосредственнѣе соприкасаются съ нашими нуждами и требованіями, нежели міръ науки и искуства, особенно послѣдняго, и потому уже однону имена литературныхъ, политическихъ и гражданскихъ дѣятелей извѣстнѣе намъ и важнѣе для насъ, нежели имена ученыхъ и особенно художниковъ. Но не менѣе того жизненный составъ всякаго отдѣльнаго міра во многоміровой, или, правильнѣе, многообластной жизни человѣка, совершенно одинаковъ: и здѣсь, какъ и тамъ, есть свои представители времени и общества; и въ мирную, укромную, незнакомую съ житейскими бурями мастерскую ху-

дожника современность и жизнь проникаютъ такъ же, какъ онѣ входятъ въ открытыя двери всѣмъ доступной пріемной народнаго глашателя. Роды ихъ дѣятельности разнятся между собою одною внѣшнею оболочкою, однимъ способомъ дѣйствія. Если хотите, при вникаиіи въ явленія дѣятельности каждаго изъ нихъ, вы замѣтите еще важное между ними различіе. Мысль народнаго глашателя часто извѣстна одному ему; какъ опытный врачь, онъ часто даетъ больному, по понятіямъ его, народу, то, что временно, кажется, усиливаетъ болѣзнь, за то ведетъ его къ полному, коренному выздоровленію, или, говоря ближе къ дѣлу, сущность его дѣйствій частехонько бываетъ скрыта до того, что, вникая въ отдѣльные его поступки, теряете ихъ общность и превратно объясняете его дѣятельность. Художникъ, я разумѣю истинный художникъ, не знаетъ отношеній въ своей заботѣ: тутъ въ сердцѣ его нѣсть льсти и лукавства. Захочетъ ли онъ схитрить, измѣнить своему убѣжденію? холодность его собственнаго произведенія измѣнитъ самому ему и, противъ его воли, откроетъ его задушевную тайну. Истинный художникъ весь виденъ въ своей работѣ, и, наоборотъ, истинно художественное произведеніе передаетъ вамъ всего художника. Но тутъ тоже есть свои условія, и условія весьма важныя. Первое, чтобы читать душу художника изъ его художественныхъ произведеній, и, тѣмъ еще больше, читать современность, необходимо нужно хорошо овладѣть азбукою. Второе, не читать его по частямъ; не брать, на при-

*

мѣръ, у живописца или одинъ предметъ его картинъ, или одно ихъ сочиненіе, или одинъ колоритъ, или наконецъ одно выраженіе лицъ, изображенныхъ на картинѣ, или, еще тѣмъ менѣе, одно исполненіе, одно умѣнье владѣть кистію; нѣтъ, надобно взять его во всей его полнотѣ и изъ связи всего извлечь то, что проникало всѣ частности. Наконецъ третіе, не смотрѣть на художника съ-высока; видѣть въ немъ не заказнаго забавника праздной толпы, а общественнаго дѣятеля; уважать въ немъ не только человѣка, но и рабочаго въ общей мастерской, именуемой современностію; судить его добросовѣстно какъ сотрудника-товарища, а не произносить приговора по однимъ произвольнымъ общественнымъ крикамъ. Это послѣднее весьма важно въ мірѣ искуства въ настоящую минуту, когда всѣ начали кричать—и мы не можемъ рѣшительно отвергнуть справедливости такихъ криковъ, но не можемъ также и безусловно съ ними согласиться — всѣ, говорю, начали кричать, что наше время самое противохудожественное. Прокричали, подписали приговоръ, и кончено. Произведенія художниковъ перестаютъ быть частію общественной дѣятельности, ими любуются мимоходомъ, объ нихъ судятъ отъ бездѣлья; а мастерскія? мастерскія сдѣлались мѣстомъ лѣниваго отдыха, и то тамъ, гдѣ ихъ много, и то тамъ, гдѣ незнаніе ихъ считается варварствомъ, то есть, въ столицѣ искуства, въ *вѣчномъ городѣ*, въ великомъ Римѣ. Я, въ свою очередь, никакъ не могу не допустить противохудожественности настоящаго времени;

но она въ моихъ глазахъ не уничтожаетъ существованія истинныхъ художниковъ, напротивъ, на каждаго изъ нихъ заставляетъ смотрѣть еще съ большимъ уваженіемъ, и при каждомъ необыкновенномъ явленіи, выходящимъ изъ обиходнаго быта, еще болѣе вникать въ его значеніе и въ его отношенія къ современной жизни человѣка.

Какъ не остановишь, на примѣръ, всего своего вниманія теперь, когда, при такомъ, враждебномъ искуству, времени, вдругъ является въ Римѣ человѣкъ, который одною силою таланта собираетъ въ свою мастерскую и заѣзжаго путешественника, и художниковъ всѣхъ странъ, школъ и направленій, и туземца, издавна привыкшаго къ чудесамъ искуства, прибавлю еще одно, завлекаетъ рѣшительно однимъ своимъ художественнымъ величіемъ, потому-что ни своими произведеніями, ни своею личностію, ни наконецъ своими привычками не льститъ и не угождаетъ обществу? Не всѣ, и далеко не всѣ остаются имъ довольны; но всѣ уносятъ изъ его мастерской или полноту впечатлѣній, или негодованіе, или глубокую думу. Онъ, или растревоживая сердце, или пробуждая мысль, дѣйствуетъ различно на всѣхъ, но дѣло въ томъ, что онъ дѣйствуетъ: одни благоговѣютъ предъ молитвою художника, то облекающеюся въ Евангельскій расказъ, то принимающею видъ повѣствованія о мірѣ Ветхозавѣтномъ; другіе не переходятъ за предѣлы очерковъ, не читаютъ далѣе мертвой буквы, и съ остервененіемъ порицаютъ его за нечеткость письменъ, или орео-

графическія ошибки въ дѣлѣ искуства. Но ни тѣ, ни другіе, побывавъ въ мастерской его, не могутъ забыть имени ея хозяина. Вступите съ ними въ разговоръ, вы услышите отъ первыхъ:

Овербекъ—величайшій талантъ нашего времени; въ каждомъ рисункѣ его душа и молитва—и, взглянувъ на его рисунокъ, долго съ молитвою соединяемъ мы именно то, что видѣли, чѣмъ плѣнялись и предъ чѣмъ благоговѣли въ мастерской его.

Вторые, большею частію художники-академики, за ними вслѣдъ люди ученые, имѣющіе сильное притязаніе на знаніе искуства, вторые говорятъ:

Овербекъ? да онъ не понимаетъ рисунка. Всмотритесь въ его картины: въ нихъ нѣтъ ни однаго правильно сочиненнаго состава; всѣ фигуры—какіе-то вытянутые, сухіе уроды. Къ-тому же у него все копіи и самыя робкія копіи съ древнихъ и то давно устарѣвшихъ живописцевъ; самъ онъ не въ состояніи сдѣлать виньетки для молитвенника; а въ колоритѣ? помилуйте, да онъ не имѣетъ и понятія окраскахъ.

Какъ ни различны такія мнѣнія, но у тѣхъ и другихъ есть свои защитники. Одни думаютъ, что правъ Петрарка, провозглашая, что душа есть единственный источникъ наслажденій, и что созерцаніе предмета любви есть самое высшее наслажденіе на землѣ, другимъ можетъ показаться, что рядомъ съ нимъ правъ Бокаччіо, когда съ своимъ *Декамерономъ* хочетъ заставить васъ признаться, что все наслажденіе въ земныхъ утѣхахъ.

Но дѣло пока не въ различіи мнѣній, а въ ихъ

единствѣ на счетъ того, что и тѣ и другіе говорятъ объ *Овербекѣ*.

Предъ посредственностію не благоговѣютъ, на посредственность не вооружаются съ остервененіемъ.

И-такъ на первый разъ согласимся съ общимъ голосомъ, высказывающимся благоговѣніемъ и враждою, согласимся, что *Овербекъ* талантъ и талантъ великій; этаго уже довольно для того, чтобы заставить изучать его.

У насъ это имя извѣстно очень и очень мало, потому мы здѣсь не будемъ говорить о художникѣ, какъ о талантѣ, уже получившемъ право на полное уваженіе, то есть, какъ о человѣкѣ, о которомъ бы всѣ слушали и читали съ любопытствомъ, котораго, слѣдовательно, всѣ подробности жизни были бы занимательны. Нѣтъ, мы постараемся разборомъ самыхъ произведеній его и объясненіемъ вліянія ихъ на современное искуство доказать, что дѣйствительно это самый замѣчательный талантъ нашего времени, и потомъ въ жизни его указать на то, что̀ сходится совершенно съ направленіемъ его произведеній и что̀ помогаетъ понять самое развитіе таланта, различные его періоды и переходы.

Нѣмецъ родомъ, родившійся въ Любекѣ, протестантъ по религіи, живописецъ по занятіямъ, Овербекъ въ ранніе годы пріѣхалъ въ Римъ съ единственною цѣлію, общею всѣмъ художникамъ, изучать искуство. Искуство и холодъ протестантскаго ума не могли ужиться въ ладу между собою: одно требовало сердца, воззывало его къ жизни и

къ жизни самой полной, воззывало на каждомъ шагу, воззывало ежеминутно; другой уничтожалъ каждое безотчетное стремленіе сердца, налагалъ оковы сужденія на каждый сильный порывъ его. И вотъ въ Овербекѣ художникъ вошелъ въ борьбу съ протестантомъ. Величіе *вѣчнаго города*, увлекательно краснорѣчивый языкъ его развалинъ, великолѣпіе храмовъ, теплота никогда неумолкаемыхъ моленій, природа, климатъ, самое небо — все въ Римѣ соединилось воедино и взяло сторону сердца. На сторонѣ холоднаго протестантскаго сужденія была одна гордость ума, поддерживаемая Германскими противокатолическими криками.

Какъ можно перемѣнить религію? и къ чему? развѣ нельзя во всякой религіи быть тѣмъ же самымъ Христіаниномъ? Вотъ что говорили умѣренные.

Возвращаться назадъ, попрать всѣ вѣковые успѣхи человѣчества, обратиться къ той западнокатолической Церкви, которая со дня появленія Лютерова ученія сдѣлалась предметомъ поруганія на всемъ протестантскомъ западѣ — это дѣло рѣшительнаго сумасшествія, или низости и исканія выгодъ, однимъ словомъ, тутъ что-нибудь — или безуміе, или торговая сдѣлка. Такъ говорили люди современности, умы западной Европы.

Но истина проходитъ сквозь всѣ современности и пробивается неизмѣнною сквозь всѣ условія времени; и здѣсь она превозмогла ихъ и на зло уму заставила цѣлый рядъ избранныхъ отказаться отъ протестантства и возвратиться къ католичеству, по-

руганному ихъ отцами. Я вижу въ этомъ истину — таково мое убѣжденіе; вижу ее не въ томъ, что новопринятые въ лоно Церкви избрали формы западно-католической религіи, но въ томъ, что они промѣняли холодное ученіе на теплое вѣрованіе, и промѣняли въ той области человѣческаго существа, гдѣ все идетъ изъ вѣрованія и все въ немъ заключается.

И-такъ, въ слѣдствіе долгихъ внутреннихъ бореній, *Овербекъ* и многіе изъ его сверстниковъ и товарище-художниковъ, каковы: Корнеліусъ, Шадовъ, Файтъ и другіе Франкфуртскіе, Любекскіе и Дюссельдорфскіе Германцы, перемѣнили религію. Вотъ сильный переворотъ въ жизни Овербека; но еще сильнѣе онъ отразился въ его художественныхъ произведеніяхъ и чрезъ нихъ во всемъ тогдашнемъ мірѣ живописи. Но возвратимся къ первымъ шагамъ его на художественномъ поприщѣ.

По преданіямъ, и преданіямъ самымъ свѣжимъ, едва ли не изустнымъ, едва ли не изъ самыхъ ихъ источниковъ, принявши высокія, хотя и сильно классическія, понятія Рафаэля Менгса о воплощеніи прекраснаго въ картинѣ, Овербекъ въ раннія годы сдѣлался поклонникомъ искуства. Въ тоже время, благодаря сильнымъ порывамъ Карстенса, бившагося не съ Менгсомъ, а съ его заклятымъ классицизмомъ, онъ, на первомъ шагу художнической дѣятельности, высвободился отъ Менгсова рабскаго ига и безусловнаго его подчиненія академическимъ понятіямъ объ искуствѣ, желавшимъ все вставить въ опредѣленныя рамы, выраженіе всего опредѣлить

извѣстными начертаніями, однимъ словомъ, составить какъ бы лексиконъ и грамматику для очертанія чувствъ, страстей, порывовъ, подвести всю внутреннюю жизнь подъ строгіе законы формы, то есть, другими словами, ввести величайшую беззаконность въ свободную отъ природы внутреннюю жизнь человѣка. Благодаря этимъ двумъ наставникамъ, первому, назначенному въ живописцы со дня рожденія, высоко превознесенному прошедшимъ классическимъ, академическимъ вѣкомъ, и другому, успѣвшему въ тиши своей нищенской мастерской воспротивиться общему влеченію, умѣвшему на 22 году отъ рожденія изъ сына бѣднаго мельника, силою однаго таланта и внушеніемъ однаго призванія, сдѣлаться замѣчательнымъ живописцемъ, благодаря имъ, Овербекъ пріѣхалъ въ Римъ уже съ высокими понятіями объ искуствѣ, готовый вступить на прямую дорогу въ мірѣ художнической дѣятельности.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, едва ли не болѣе, онъ уже былъ *художникомъ* въ полномъ смыслѣ этаго многосмысленнаго слова, въ чемъ можно удостовѣриться, взглянувъ на фрески его въ комнатѣ, служившей когда-то мастерскою знаменитому Клодъ Лорреню, что подлѣ Trinita di monte въ Римѣ, и изъ другихъ въ Villa Massima. Онъ былъ, говорю, художникомъ, но художникомъ формы. Вглядитесь во фрески: въ нихъ соблюдены всѣ условія искуства, есть и душа, но ни предметы, ни исполненіе не удовлетворютъ души зрителя. Опытный худож-

никъ находитъ въ этихъ произведеніяхъ множество прекраснаго, восхищается ими; дивится тому, какъ современникъ холоднаго Камучини и ледянаго Давида могъ вмѣстить въ себѣ столько жизни; не можетъ дать себѣ отчета, какимъ образомъ искуство подъ кистію молодаго художника сбросило оковы тысячи условій и приблизилось къ безусловной простотѣ своей. Простый, непосвященный въ тайны искуства, если только оно имѣетъ такія непроницаемыя тайны, или пожалуй неподчиняющійся навязаннымъ на него условіямъ, нашъ братъ, простый человѣкъ, пройдетъ мимо, похвалитъ ихъ, полюбуется ими, и послѣ едва только объ нихъ вспомнитъ.

Такова вообще участь поэтовъ формы: какъ онѣ, сами по себѣ, ни прекрасны, ими можно плѣняться, но невозможно къ нимъ привязаться душою; для души нужна душа, то есть, нужно содержаніе.

Эти фрески были сдѣланы въ первое время Овербековой дѣятельности и яснѣе всего обозначаютъ собою первый періодъ его хужественнаго развитія. Я бы сказалъ, что это было его дѣятельностію протестантскою, хотя и не знаю точно, были ли работы этаго періода окончены прежде, или послѣ обращенія художника къ религіи. Объ этомъ періодѣ много говорить нечего; тутъ въ Овербекѣ виденъ истинный художникъ, но художникъ еще нисколько ни на чемъ не остановившійся; художникъ, живущій въ мірѣ искуства, но еще на пути къ его святынѣ, еще до нея не достигшій.

Вѣрованіе одержало побѣду, какъ я сказалъ, не надъ Овербекомъ, но надъ цѣлымъ того времени поколѣніемъ. Отчетливо, или безотчетно, съ яснымъ понятіемъ о дѣлѣ, или руководимые одною потребностію души — это зависѣло отъ множества обстоятельствъ, отъ множества личностей — протестанты, особенно протестанты-художники начали, по общественному выраженію, перемѣнять религію. Вопросъ: могли ли они, очищенные холодною протестантскою разсудительностію отъ заблужденій западнаго католичества, могли ли они принять одну чистоту его вѣрованій? Отвѣтъ простъ — разумѣется, нѣтъ. Вмѣстѣ съ внѣшностію богослуженія, они приняли и всѣ другія внѣшности. Они сдѣлались поклонниками престола намѣстника св. апостола Петра. Подобно средневѣковымъ католикамъ, они начали участвовать во всѣхъ церковныхъ ходахъ; служить, то есть, быть прислужниками, во время обѣдни, наблюдать всѣ самыя мелкія предписанія не Церкви, а католическаго духовенства, преслѣдовать людей инаго убѣжденія. Все это такъ; что же они сдѣлали въ самомъ дѣлѣ? они вздумали надѣть панцырь, шлемъ, налокотники, наколѣнники и желѣзныя перчатки рыцарей; нѣтъ силъ снести — они сдѣлали ихъ изъ картонной бумаги и подкрасили подъ цвѣтъ стали и желѣза. Одно извиняетъ ихъ — все это дѣлалось изъ чистаго убѣжденія, потому только ихъ и не испортило нравственно.

Какъ ни рѣзко явилось такое убѣжденіе въ жизни Нижнерейнскихъ Германцевъ, но оно еще

рѣзче отразилось въ искуствѣ, именно, въ живописи: вся она подчинилась западнокатолической религіи, и точно такъ же, какъ и жизнь, если не больше, подчинилась безусловно. Здѣсь является въ мірѣ искуства въ первый разъ сомнѣніе и вслѣдъ за нимъ вопросъ: всѣ ли совершенства соединены въ Рафаэлѣ и современныхъ ему великихъ его сподвижникахъ на поприщѣ искуства? Странна природа человѣческая: пробудилось сердце; казалось бы, что умъ, сомнѣніе, пытливость и не тронутся, а тутъ-то именно они и ожили. До сихъ поръ художники формы объ этомъ не спрашивали, потому-что Рафаэль безусловно удовлетворялъ ихъ требованіямъ; теперь это требованіе перешло въ предѣлы формы, нача̀ло всего искать въ содержаніи, и нашло, что, при всей художественной высотѣ величайшаго изъ живописцевъ, въ немъ менѣе души, нежели въ его предшественникахъ. Замѣтьте, что они искали одной души исключительно, а не полнаго ея явленія въ стройности художническаго созданія, гдѣ есть свое тѣло, своя оболочка ея. И вотъ не прошло и тридцати лѣтъ послѣ того, какъ Менгсъ доказалъ по пальцамъ, что въ соединеніи трехъ великихъ художниковъ: Рафаэля, Тиціана и Корреджіо, сосредоточены всѣ совершенства живописи; теперь новоприведенные въ католическую Церковь художники открыли, что въ Фра Анджелико да Фіэзоле душа недосязаемо выше души всѣхъ его послѣдователей, что у Перуджино чувства несравненно больше, нежели у ве-

ликаго ученика его. Едва только они нашли это, тотчасъ же устремились къ новымъ, чистымъ источникамъ прекраснаго.

Но душа понятна душѣ; подъ нее не поддѣлаешься внѣшними формами; вотъ въ чемъ они не дали себѣ отчета въ порывахъ благоговѣнія, приняли самыя формы за неизмѣнный глаголъ души и впали на-время въ сильныя ошибки. То, что древле было неразвитіемъ искуства, что обѣщало все впереди, у нихъ сдѣлалось какъ бы какимъ-то правиломъ, своего рода *академическою нормою*, послѣднимъ звукомъ великаго слова.

Здѣсь начало тѣхъ ошибокъ, за которыя такъ сильно нападали и нападаютъ на школу новыхъ художниковъ Западныхъ Христіанъ, извѣстныхъ въ живописи подъ именемъ *пуристовъ* (мимоходомъ замѣчу, что это названіе пуристовъ послѣ приняло въ живописи совсѣмъ иное значеніе, и теперь обозначаетъ художниковъ, сбросившихъ съ себя академическія условія искуства и приблизившихся къ самому чистому и высокому его времени, не вводя сюда въ расчетъ религіозныхъ убѣжденій). Впрочемъ, сколько ни было у нихъ ошибокъ, но нельзя не сказать, что и въ самое жаркое время послѣдованія древнимъ, то есть, лѣтъ 10, или 12 тому назадъ, эта школа была гораздо выше прочихъ послѣ-Рафаэлевскихъ, особенно уже ей современныхъ, и ближе къ истинному понятію объ искуствѣ. Не говоря уже о томъ, что она обратилась къ душѣ, какъ источнику искуства, къ религіи, какъ самому высокому вдохно-

вителю; но въ самомъ исполненіи она отбросила, или старалась отбросить тѣ искаженія, какія ввелись въ живопись періодами болѣзненнаго ея существованія. Она рѣшительно возстала противъ грубаго и неподвижнаго академическаго классицизма, сбросила съ себя тяжелыя его оковы, перестала бояться повелительнаго голоса Болонской школы и ввела въ сужденія различіе между личною силою таланта художника и высотою искуства въ его произведеніяхъ.

Здѣсь *Овербекъ* является главою школы и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ даровитымъ, а слѣдовательно и самымъ главнымъ ея представителемъ. На что ни взгляните въ многочисленныхъ его произведеніяхъ, все проникнуто простымъ, тихимъ религіознымъ чувствомъ, и если только душа зрителя можетъ вмѣщать въ себѣ подобное чувство, она непремѣнно отзовется на него при взглядѣ на его картины.

Это было вторымъ періодомъ художественнаго развитія Овербека.

Но здѣсь, рядомъ съ высотою, видны и сильные недостатки: на что ни взгляните, все или едва, едва не копіи, какъ на примѣръ исцѣленіе прокаженныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ и разслабленныхъ, взятое прямо съ фрески Фра Анджелико да Фіэзоле; или подражаніе, какъ на примѣръ положеніе Спасителя во гробъ, которое прямо переноситъ васъ къ Перуджино, не смотря на различіе сочиненія; или наконецъ, въ собственныхъ оригинальныхъ его произведеніяхъ, проглядываютъ слабость, сомнѣніе и

неувѣренность, какъ на примѣръ въ проповѣди Іоанна Крестителя, въ рисункахъ, изображающихъ: Христа въ видѣ друга дѣтей, смерть Іосифа, Спасителя, молящагося въ вертоградѣ, и во множествѣ другихъ произведеній Овербека, относящихся къ этому второму періоду его художественнаго развитія. Здѣсь высота Овербека, болѣе относительная, нежели собственная, самобытная, виднѣе по вліянію на современное искуство, нежели выказывается въ собственныхъ его произведеніяхъ. Она состоитъ первое въ томъ, что онъ преобразилъ искуство и изъ языческаго храма превратилъ его въ домъ Христіанской молитвы; второе, что онъ силою своего таланта, на перекоръ художникамъ-матерьялистамъ, сталъ главою школы и представителемъ направленія времени въ живописи. Разумѣется, онъ не создалъ этаго направленія, потому-что никогда никакое направленіе общества не созидается отдѣльными дѣятелями, а только ими высказывается, и, высказываясь, вмѣстѣ съ тѣмъ ими же и движется впередъ.

Въ одно и тоже время съ Овербекомъ начали дѣйствовать и другіе въ томъ же духѣ.

Штейнла или *Стейнла* вздумалъ ввести чистоту и школы и души въ Вѣнѣ; но чистота души и Вѣна такія двѣ противоположности, которыя ни на какомъ поприщѣ жизни никогда не могутъ ужиться. Онъ самъ впалъ въ Іезуитизмъ, изувѣріе, и началъ изображать фигурно то, что только и чисто и высоко въ простотѣ своей. Такъ напримѣръ, въ видѣ креста, на которомъ пригвожденъ Спаситель мі-

ра, онъ изобразилъ прессъ, давящій виноградъ и тому подобное.

Фейтъ (Veit) понялъ простоту библейскаго расказа, прекрасно передалъ его въ святой Аннѣ, учащей отроковицу дѣву Марію, но не совершенно проникнулся ею. Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ прекрасными его произведеніями, вы видите двухъ Марій при гробѣ Господнемъ и въ нихъ замѣчаете вычурность Французской школы въ рѣзкомъ, усиленномъ освѣщеніи и черезъ-чуръ въ полной, какой-то разгульной наброскѣ одежды, никакъ не ладящей съ простотою линій, какой требуютъ и простота Евангельскаго расказа и чистота, съ какою онъ принятъ художникомъ. Его *двѣ Маріи* болѣе *tableau de genre* — *картинка,* нежели Евангельское повѣствованіе.

Бездарный, или пожалуй, чтобъ не говорить такъ рѣзко, слабый по таланту *Шадовъ* хотѣлъ быть всѣмъ въ одно и тоже время: онъ хотѣлъ вмѣстѣ и угодить религіи, и избавиться отъ протестантскихъ нападковъ—и сдѣлался ничѣмъ въ своихъ слабыхъ произведеніяхъ.

Генрихъ *Гессъ,* художникъ впрочемъ второстепенный, насильно настроивалъ душу подъ религіозное чувство, и сдѣлался приторнымъ — не по избытку чувствъ, а по ихъ неестественности и по своему женоподобію, которое въ мущинѣ невольно заставляетъ предполагать поддѣльность.

Новое ученіе проникло и во Францію, и тамъ въ лицѣ *Шеффера,* частію *Циглера* и нѣкоторыхъ другихъ обратилось къ простотѣ линій. Но со всѣмъ

уваженіемъ къ Французамъ, я не могу не сказать, что они по природѣ своей никакъ не въ состояніи ничего оставить въ душѣ завѣтнаго, не украсивши имъ своей пріятной и блестящей наружности; и вотъ простота линій, откровенность чувства доставили Французамъ-пуристамъ новый источникъ кокетства.

Все это или сподвижники, или послѣдователи Овербека, но всѣ только частію принадлежали той школѣ, которой главою поставило его Провидѣціе, давъ ему силу таланту, чистоту души и пламенное сердце, способное проникнуться вѣрованіемъ. Онъ одинъ остался неизмѣнно вѣренъ ей, хотя, какъ мы увидимъ ниже, и не остановился въ предѣлахъ, ею очерченныхъ, а, не измѣняя ея основнымъ правиламъ, пошелъ далѣе. Случалось, что, дѣйствуя какъ учитель школы, онъ переступалъ даже за рубежъ искуства, съ изступленіемъ защищая свое убѣжденіе; но такова судьба человѣчества: безъ фанатизма, безъ сильнаго, безграничнаго увлеченія не дѣлается, покрайней мѣрѣ никогда не дѣлалось на землѣ великихъ преобразованій.

Не думайте, чтобы школа Овербека осталась въ предѣлахъ однаго отвлеченнаго ученія; нѣтъ, она вошла во всѣ подробности исполненія. Прослѣдимъ ихъ всѣ поодиначкѣ.

Отъ сочиненія она потребовала всей его строгости — но подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ вездѣ и все подчинялось вѣрованію, чтобъ вездѣ и во всемъ преобладало чувство и чувство чистое. Гдѣ былъ недостатокъ его — а это къ нес-

частію являлось очень часто — тамъ невольно явилось подражаніе и даже рабская покорность древнимъ живописцамъ. Это ошибка; но, произнося осужденіе, вспомните, что это первый шагъ, или по крайней мѣрѣ не послѣдній, не окончательный. Возставая здѣсь противъ школы, не забудьте и услугъ, оказанныхъ ею искуству. Она громко начала говорить художникамъ-матерьялистамъ: вы правы, природа прекрасна, и прекраснѣе ея нѣтъ ничего на землѣ, и быть не можетъ; но не забудьте, что и душа человѣческая часть той же природы, и часть самая лучшая, чистый отблескъ божества, само божество, введенное дуновеніемъ Божіимъ въ человѣка, созданнаго по образу Его и подобію. Зачѣмъ же исключаете ее изъ вашего воззрѣнія? для чего хотите смотрѣть на міръ однимъ тѣлеснымъ зрѣніемъ, не очищая его зрѣніемъ духовнымъ?

Отъ выраженія лицъ она потребовала безусловной чистоты чувства, во всей естественной простотѣ его; замѣтьте здѣсь одно: все дѣло шло о томъ, что самое высшее назначеніе живописи есть живопись религіозная. Здѣсь также не обошлось безъ ошибокъ и искаженій: фигуры сдѣлались длинными и сухими, головы склонились немного на бокъ и у многихъ впали въ единообразіе выраженія. Худо, никакъ не защищаю этаго; но не хуже ли того были заказныя изображенія вдохновенія съ поднятыми вверхъ пальцами, съ глазами на выкатѣ, съ растрепанными волосами, съ распростертыми руками, или, по одному понравившемуся образцу, съ го-

ловою, поднятою къ верху, какъ все это мы встрѣчали на каждомъ шагу и встрѣчаемъ безпрестанно въ изображеніи Апостоловъ, Евангелистовъ и Святыхъ.

Отъ наброски платья потребовалась естественность, тишина, простота линій, и прямое обозначеніе изображаемаго движенія или положенія, а не отдѣльно отъ него придуманная накидка одежды. Здѣсь школа Овербека сдѣлала рѣшительно безукоризненное пріобрѣтеніе; самыя ея искаженія, слѣдовательно недостатки не школы, а художниковъ, въ тысячу разъ сноснѣе второстепенныхъ достоинствъ той разгульной наброски одежды и тѣхъ удалыхъ накидокъ различныхъ покрововъ, какія встрѣчаемъ мы едва ли не у всѣхъ художниковъ, за исключеніемъ самыхъ высокихъ талантовъ, избавившихся отъ нихъ, и то въ-половину, силою своего дарованія, и начинаемъ встрѣчать съ половины, едва ли даже не ранѣе, шестнадцатаго столѣтія.

Отъ размѣщенія и положенія фигуръ потребовались отдѣльность и ясность, которыя тоже избавили живопись отъ сильной ереси. Теперь намъ уже странны на картинѣ та сбивчивость и то столпленіе, при которыхъ съ трудомъ дашь себѣ отчетъ въ чемъ-нибудь отдѣльномъ, и гдѣ народъ толпится съ большимъ азардомъ и врядъ ли не съ меньшею художественностію, нежели на самомъ многолюдномъ рынкѣ, и то въ дни базарные.

Колоритъ введенъ въ бóльшую стройность. Здѣсь, по моему мнѣнію, новая школа, желая выиграть въ

художественности, совершенно потеряла живость, чистоту и естественность красокъ, съ которыми не могли уладить строгія ея требованія. Вообще въ колоритѣ новой школы я не вижу никакихъ красотъ, и развѣ только одно то внесла она въ этомъ отношеніи, что возвратила снова нашъ глазъ къ требованію стройности, а не одной силы красокъ, но сама по себѣ лишилась совершенно ихъ живости и неподмѣшанной чистоты каждаго отдѣльнаго цвѣта.

Наконецъ отъ самой работы потребовалась отчетливость, отдѣлка и оставленіе размаховъ кисти, иногда умѣстныхъ и позволительныхъ рукѣ опытной, но весьма уродливыхъ, когда они дѣлаются принадлежностію школы. Природа не перестаетъ быть прекрасною, говоритъ новая школа, не смотря на самую отчетливую окончательность своихъ работъ; она не требуетъ точки для созерцанія красотъ своихъ; нужна точка только для того, чтобы сдѣлалось видно все явленіе: для чего же вы, художники, въ вашихъ картанахъ непремѣнно указываете мѣсто, съ котораго нужно смотрѣть на нихъ? Шагомъ ближе—и полосы кисти, или цѣлые куски красокъ уничтожаютъ обманъ глаза: это прекрасно и нужно для театральныхъ декорацій, которыхъ непремѣннымъ условіемъ поставлено извѣстное, опредѣленное отдаленіе отъ зрителя; но въ картинѣ оно—удалая, большею частію грубая штука, никакъ не болѣе. Вообще можно принять за неизмѣнное правило, что никакой обманъ — будетъ ли то обманъ

глаза, уха, чувства—никакое отступленіе отъ истины никогда не дружится съ истиннымъ искуствомъ.

Вотъ заслуги и подвиги новой школы. Главнѣйшій подвигъ Овербека въ этотъ второй періодъ его художественнаго развитія тотъ, что онъ является въ ней представителемъ и главою; другими словами: заслуга школы есть личная его услуга искуству.

Сюда же, по времени, то есть къ этому періоду, относится исполненіе очень извѣстной его картины: *Вліяніе религіи на искуство*, или *Торжество религіи въ искуствѣ* — не помню хорошенько, подъ какимъ названіемъ она стоитъ въ каталогѣ Франкфуртскаго музеума. Судя и по содержанію и особенно по сочиненію, я отнесъ бы эту картину ко времени, служившему переходомъ отъ перваго ко второму періоду художественнаго развитія Овербека.

Подчинившись католичеству, Овербекъ въ первое время обращенія не могъ вдругъ перестать быть исключительно Германцемъ, то есть, протестантомъ по природѣ; онъ все еще, по временамъ, искалъ вдохновенія въ мысли—и мыслію думалъ молиться, мыслію возноситься въ тѣ предѣлы, которые доступны одному сердцу, именно вѣрованію. Вся картина *Вліяніе религіи на искуство* есть просто мысль, высказанная формами, и вовсе не аллегорія, не иносказаніе, какъ многіе называли ее и теперь называютъ. Дѣло въ томъ, что въ ней нѣтъ ничего условнаго, іероглифическаго, обозначеннаго тѣмъ или другимъ образомъ; есть, если хотите, частныя иносказанія, но и тѣ встрѣчаются только потому,

что для мысли нѣтъ другой возможности явиться въ осязаемыхъ образахъ—и тѣ входятъ не больше, какъ сколько того требуетъ мысль при облеченіи себя въ видимые образы.

Вотъ коротко ея содержаніе: въ верхней части, посреди картины, Божія Матерь; вокругъ Нея Патріархи Ветхозавѣтнаго міра, Апостолы, Евангелисты, Святые и Мученики, которыхъ имена сколько-нибудь соприкасаются съ искуствомъ. Тутъ вы находите Соломона, строителя Іерусалимскаго храма, царя пѣснопѣвца Давида, св. Апостола и Евангелиста Луку, по преданіямъ считающагося первымъ Христіанскимъ живописцемъ, далѣе святую Цецилію, покровительницу музыки, и многихъ другихъ изъ предстателей нашихъ предъ престоломъ Всевышняго. Нижняя часть картины занята художниками всѣхъ родовъ, но именно тѣми изъ нихъ, которыхъ кисть, рѣзецъ, слово, или зодческое творчество были служителями религіи. Посрединѣ картины, на возвышеніи нѣсколькихъ приступковъ, стоитъ фонтанъ; вода его бьетъ къ верху и потомъ ниспадаетъ въ бассейнъ, изображенный при его подножіи. Подлѣ фонтана виденъ Леонардо да Винчи: онъ указываетъ ученикамъ на бьющую вверхъ воду — это значитъ, тамъ, въ небѣ, ищите чистаго вдохновенія, единственнаго источника искуства, тамъ найдете и предметъ для кисти. Кругомъ, на приступкахъ, на разныхъ разстояніяхъ, сидятъ великіе художники того времени: сильный по таланту, но гордый душею Микель Анджело Буонаротти; погруженный въ думу,

онъ какъ бы борется съ покорностію религіи, которая тогда хотя еще и властительно правила міромъ, но уже не такъ спокойно, какъ во времена до-Лютеранскія. Не знаю, хотѣлъ ли передать это Овербекъ въ лицѣ Микель Анджело, но знаю, что онъ это передалъ, можетъ быть, и потому, что оно передается самымъ талантомъ великаго зодчаго, великаго живописца, замѣчательнѣйшаго изъ ваятелей Христіанскаго міра, однаго изъ лучшихъ современныхъ ему поэтовъ, человѣка, вездѣ перешагнувшаго въ предѣлы геніальности, но за то вездѣ и удержаннаго отъ первенства демонскою гордынею, которая нигдѣ не позволила ему подчиниться ни религіи, ни искуству, но остановила его во всѣхъ областяхъ дѣятельности на предѣлахъ высоты личной.* Такова судьба человѣка: тамъ онъ начинаетъ первенствовать, гдѣ по-видимому всего менѣе заботится о первенствѣ, то есть, другими словами, тамъ является великимъ зодчимъ, гдѣ Провидѣніе избираетъ его не болѣе, какъ своимъ орудіемъ. Но къ картинѣ Овербека: налѣво отъ фонтана (налѣво отъ зрителя) вдали виденъ Данте. Поднявъ къ верху указательный палецъ, онъ обращается съ рѣчью къ множеству предводимыхъ имъ художниковъ. Звучное слово великаго поэта отзывается въ сердцахъ ихъ: загробная жизнь является имъ видимо, ясно, понятно и осязательно. Что въ догматахъ было однимъ отвлеченіемъ, то живыми звуками самаго живаго сердца перешло въ сердца Итальянцевъ—и вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, оно ожило въ

ихъ воображенія и тотчасъ же начало жить на полотнѣ и на каменныхъ стѣнахъ храмовъ и кладбищъ. Вотъ отношеніе Данте къ изобразительному Христіанскому средневѣковому искуству. Вблизи его другъ и собесѣдникъ его Джіотто, отецъ собственно Итальянской, собственно западной живописи; потомъ, далѣе, за нимъ слѣдуютъ художники слѣдующаго вѣка: Мемми, Липпи, Масаччіо и многіе другіе; кто именно изъ нихъ изображенъ?—всѣхъ я теперь не припомню. Между этимъ столпленіемъ художниковъ и Леонардомъ да Винчи стоятъ Перуджино и Рафаэль. Направо, на приступкѣ, съ библіею въ рукахъ, отдѣльно отъ другихъ, сидитъ монахъ-живописецъ, столь же чистый въ своихъ произведеніяхъ, какъ былъ онъ чистъ и въ жизни: это *Фра Анджелико да Фіэзоле* — отецъ Анджелико Фіэзольскій, прозванный *beato*, блаженный, хотя католическая Церковь и не причла его къ числу блаженныхъ. Тутъ же разсѣяны знаменитые того времени зодчіе и ваятели. Вдали, на правой сторонѣ, виднѣется Готическій храмъ, кажется, что Франкфуртскій соборъ, потому-что картина назначалась для Франкфуртской галлереи, гдѣ она теперь и находится. Внизу, какъ блюстители и вмѣстѣ покровители религіознаго направленія искуствъ, стоятъ съ одной стороны Папа, которому, если я не ошибаюсь въ портретѣ, Бальтазаръ Перуцци показываетъ планъ базилики, съ другой Императоръ. У подножія фонтана вы видите Виварини, Беллини, Тиціана и другихъ живописцевъ Венеціанской школы. Всѣ они

смотрятъ въ бассейнъ и въ него указываютъ своимъ послѣдователямъ. Этимъ Овербекъ хотѣлъ обрисовать сущность Венеціанской школы. Они тоже видятъ небо, также въ небѣ ищутъ вдохновенія, но не въ немъ самомъ, а въ земномъ, имянно водяномъ ето отраженіи. Мысль очень удачная и превосходно высказывающая сущность Венеціанской школы; можно ли было передавать ее кистію — это другое дѣло.

Вообще я думаю, что читатели и безъ моего указанія найдутъ, что все это можетъ быть понято не иначе, какъ съ толкованіемъ, и не ошибутся. Самъ Овербекъ замѣтилъ это прежде всѣхъ и написалъ объясненіе картины; только съ такимъ толкованіемъ, или при руководствѣ самаго художника, можно понять смыслъ ея и значеніе подробностей.

Самое уваженіе къ таланту Овербека не позволяетъ умолчать, что такой величайшій недостатокъ картины прямо указываетъ на нелѣпость избрать мысль ея предметомъ. Недостатокъ этотъ до такой степени важенъ, что онъ не можетъ вознаградиться никакимъ исполненіемъ, потому-что всегда эта картина для зрителя останется простою формою безъ всякаго содержанія. Французскіе критики укоряли Овербека за то, что онъ не ввелъ сюда великихъ музыкантовъ католическаго міра; пожалуй, и это правда, но это уже недостатокъ самый второстепенный.

Оставивши разборъ предмета картины и, если только можно, раздѣливши съ художникомъ убѣж-

деніе, что мысль изобразима въ живописныхъ образахъ, нельзя не восхищаться исполненіемъ. Всѣ лица переданы превосходно: каждое, оставаясь истиннымъ портретомъ, вознесено на всю высоту художественнаго первообраза (типа), каждое совершенно согласуется съ художественнымъ характеромъ той особы, которой оно принадлежитъ. Постепенность между лицами художниковъ и тѣхъ, которые помѣщены въ верхней картинѣ, соблюдена удивительно. Но врядъ ли здѣсь не всего выше расположеніе фигуръ и ихъ размѣщеніе; оно здѣсь таково, что едва ли можно найти что-либо подобное въ какой-либо изъ картинъ современныхъ. Одно странно, на что я не могу не обратить вниманія моихъ читателей: смотря на картину Овербека, невольно мыслію переносишься къ Рафаэлевой *Аѳинской школѣ*. Защитники художника говорятъ: это происходитъ отъ того, что тутъ размѣщеніе и расположеніе фигуръ, по изяществу, всего ближе къ самому высокому произведенію въ этомъ отношеніи. Порицатели, и даже мы всѣ, имѣющіе притязаніе на безпристрастіе, говоримъ: это потому, что здѣсь видно явное подражаніе Рафаэлю Можетъ статься, оно было и не намѣренно, но тутъ какъ будто бы читаешь, что, писавъ картину, Овербекъ безпрестанно воображалъ себѣ *Аѳинскую школу*, или, наоборотъ, изучая Аѳинскую школу Рафаэля, онъ говорилъ себѣ: вотъ именно также я изображу школу Христіанскаго искуства; однимъ словомъ, что вся эта

картина была произведеніемъ, писаннымъ на заданную тему.

Для меня лично это замѣчаніе важно потому, что на немъ частію основываю я время, когда картина была задумана. Переходя отъ формъ къ душѣ, отъ внѣшности къ содержанію, то есть, не переходя произвольно и отчетливо, а находясь въ этомъ переходномъ періодѣ, художникъ не былъ еще до того силенъ, чтобы изъ собственной души вызвать образы своего вѣрованія — и подчинился тѣмъ, какія считалъ лучшими. Послѣ, какъ я развилъ выше, онъ перешелъ далѣе, онъ увлекся душею живописи — и, все еще не будучи въ состояніи вызвать самобытнаго изъ собственной души, онъ совершенно подчинился тѣмъ формамъ, въ какихъ высказалась высота и лѣпота души въ самыя блестящія и самыя чистыя минуты ея западной жизни. Художникамъ-академикамъ, или художникамъ формы кажется, что Овербекъ въ этомъ второмъ періодѣ не подвинулся въ художественномъ своемъ развитіи, но отступилъ назадъ. Правда, что формы сами по себѣ, смотря на нихъ отдѣльно, стали ниже; въ нихъ нѣтъ ни полной правильности рисунка, ни послѣдней степени пластической красоты очертаній, и сочиненіе внѣшностей, или, какъ наши старики говаривали, *доличнаго*, потеряло буйный разгулъ свой; но за то, тамъ преобладала внѣшность, здѣсь начало преобладать религіозное чувство. Нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что здѣсь нѣтъ еще полной гармоніи, полнаго согласія міра духовнаго съ тѣ-

лесным; душа еще рвется изъ своихъ земныхъ оболочекъ; она еще не достигла того Христіанскаго спокойствія, той Христіанской покорности Провидѣнію, на которомъ то, что ей казалось прежде заключеніемъ, дѣлается законнымъ, непремѣннымъ условіемъ ея земнаго, сознательнаго существованія. Что далѣе, то въ рукѣ Божіей. Все это такъ; но безъ такой, можно сказать, разладицы, безъ такаго исключительнаго развитія одной, давно забытой стороны искуства, воззванной Овербекомъ къ жизни, безъ него, говорю, никогда художникъ не дошелъ бы до третьяго періода собственной, самостоятельной, независимой ни отъ кого, художественной высоты своей.

Этотъ послѣдній періодъ Овербековой художнической жизни начался недавно, лѣтъ пять тому назадъ, пожалуй даже — если считать съ того времени, когда онъ очертился явственно — и того менѣе, именно года четыре. Въ теченіе этихъ-то четырехъ лѣтъ Овербекъ сдѣлалъ около 20 рисунковъ Евангельскаго содержанія, и въ большей части ихъ явился совершенно новымъ, какъ въ выборѣ предметовъ, такъ равно и въ сочиненіи ихъ и даже въ исполненіи.

Однимъ изъ первыхъ было *Воззваніе Іисуса Христа къ книжникамъ и фарисеямъ: горе вамъ, книжники и фарисеи лицемѣри*... Христосъ изображенъ сидящимъ, за нимъ ученики его, предъ нимъ книжники и фарисеи. Въ картинѣ нѣтъ никакаго внѣшняго

дѣйствія; но надобно видѣть его въ рисункѣ Овербека. Тутъ грозное спокойствіе Спасителя, не измѣнившее нисколько его Богочеловѣческаго лика, съ представленіемъ котораго мы неразлучно соединяемъ понятіе о недостижимой для насъ добротѣ и о воплощенной любви. Предъ нимъ гордая, надменная, непокорная душа учителей Израилевыхъ; они впервые слышатъ укоръ — и чей же? по ихъ понятію, незнающаго, неученаго, и укоръ, не облеченный въ ихъ витіеватыя выраженія, не обставленный ссылками на книжное знаніе, а между-тѣмъ они остаются предъ нимъ нѣмы и безгласны.

Напрасно бы я сталъ входить въ подробности состава рисунка; каждое искуство имѣетъ свои стороны, недоступныя для другаго, и потому что высоко, прекрасно и живо въ картинѣ, то дѣлается растянутымъ и безжизненнымъ при словесной ея передачѣ. Скажу только одно, что мнѣ не случалось еще ниразу видѣть, чтобъ художнику удалось передать такъ просто Евангельское сказаніе, выдержавъ все его достоинство, и при этомъ сохранивъ не только все значеніе, какое оно имѣетъ въ Евангеліи, но даже и тоже впечатлѣніе на зрителя, какое тамъ производится на слушателя. Въ исполненіи здѣсь трудно желать чего-либо лучшаго; пожалуй, можно желать одного, чтобъ это не оставалось простымъ рисункомъ, а сдѣлалось бы картиною. Многіе упрекаютъ Овербека именно за то, что онъ ограничивается теперь одними рисунками, и спрашиваютъ: могъ ли бы онъ съ такимъ же достоинствомъ

написать картину, особенно въ полный ростъ человѣческій? Вопросъ этотъ имѣетъ всю законность, особенно въ дѣлѣ критики; потому-что, ставя Овербека весьма высоко между современными художниками, мы имѣемъ право требовать отъ него, чтобы онъ совершенно оправдалъ безпристрастіе нашего сужденія, и потому считаемъ себя въ-правѣ судить его не только за дѣйствительные недостатки, но и порицать за то, что онъ остановился на половинѣ, и не довелъ своей мысли до послѣдней степени ея развитія. Но оставимъ пока его, и будемъ продолжать перечень замѣчательнѣйшихъ его рисунковъ.

Рождество Спасителя тоже совершенно отлично отъ прочихъ по сочиненію, хотя въ немъ и нѣтъ того величія, какаго мы ожидаемъ при мысли объ изображеніи этаго событія. Младенецъ Христосъ лежитъ на соломѣ; кругомъ него группа Ангеловъ; они стоятъ на колѣнахъ; въ окно хлѣва видны пастухи съ гудками и свирѣлями. Свѣтъ исходитъ отъ Спасителя.

Въ Избіеніи младенцевъ, мимоходомъ будь сказано, въ событіи, чрезвычайно трудномъ для истинно художественнаго его изображенія, Овербекъ умѣлъ освободиться отъ передачи тѣхъ ужасныхъ явленій, какія, при всей недостижимой высотѣ великаго Рафаэля и при огромномъ талантѣ Гвидо Рени, по самому же своему предмету, никакъ не ладятъ съ величіемъ искуства. Онъ все сочиненіе основалъ на Евангельскомъ стихѣ (Матѳ. гл. 2, ст. 17): *Тогда сбыстся реченное Іереміемъ пророкомъ глаголю-*

щимъ: гласъ въ Римѣ слышанъ бысть, плачь и рыданіе и вопль многъ: Рахиль плачущися чадъ своихъ и не хотяше утѣшитися, яко не суть. На первомъ планѣ вы видите матерей, рыдающихъ надъ убитыми младенцами; за ними тихій, покойный, величественный и вмѣстѣ грустный видъ; тутъ тянутся длинные водопроводы, и между арками ихъ въ отдаленіи виденъ одинъ изъ палачей-дѣтоубійцъ, а въ самой глубинѣ ландшафта Бѣгство въ Египетъ Іосифа и Дѣвы Маріи съ Младенцемъ Іисусомъ. Здѣсь опять я укажу на то, о чемъ упомянулъ выше: тутъ Евангеліе не въ одномъ расказѣ происшествія; нѣтъ, художникъ умѣлъ передать его, согласно съ Евангеліемъ, и произвести на душу тоже грустное впечатлѣніе, какое произведено Евангельскимъ повѣствованіемъ. Тайна этаго никакъ уже не въ формѣ, а въ душѣ живописца.

Проповѣдь Іисуса къ народу изъ лодки хороша, но не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго.

Се человѣкъ (*Ecce homo*) изображенъ въ ту минуту, когда Пилатъ представляетъ его народу, предлагая отпустить вмѣсто Варравы. Народъ кричитъ: не его, но Варраву. Пилатъ въ Римской тогѣ и съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ; Христосъ съ терновымъ вѣнкомъ, едва прикрытый отъ наготы.

Явленіе Ангела Іосифу во снѣ (Матѳ. гл. 2, ст. 13) ново по предмету и по сочиненію. Здѣсь вниманіе зрителей сильно сосредоточивается на свѣтѣ отъ Ангела; сквозь свѣтъ видно изображеніе

мѣстности. Съ перваго взгляду все это бросается въ глаза; но потомъ разсмотришь, что тутъ освѣщенію дано больше значенія, нежели сколько требовалъ бы этаго самый предметъ рисунка — что и уничтожаетъ величіе и простоту Евангельскаго расказа.

Притча о десяти дѣвахъ сочинена очень хорошо и, что довольно трудно въ этомъ родѣ, изображена такъ, что не требуетъ толкованія.

Въ *истязаніи Спасителя* Овербекъ ввелъ духовное, или вѣрнѣе, догматическое его значеніе. Правду сказать, это послѣднее не можетъ быть понятно безъ толкованія, но, какъ Евангельское событіе, оно и безъ него имѣетъ свое историческое значеніе. Онъ въ лицѣ семи истязателей ввелъ семь смертныхъ грѣховъ. Вообще это одинъ изъ слабыхъ его рисунковъ.

Врядъ ли не лучшимъ, послѣ воззванія Христа къ фарисеямъ, надобно признать передачу словъ Евангелія (Луки гл. 23, ст. 12): *Бысть же друга Иродъ же и Пилатъ въ той день съ собою: прежде бо бѣста вражду имуща между собою.* Здѣсь на рисункѣ — встрѣча Ирода съ Пилатомъ въ день мученія Іисуса Христа. Пилатъ въ лаврахъ; въ гордой осанкѣ и суровомъ взглядѣ его видно надмѣннаго Римлянина, владыку древняго міра. Изгибающійся предъ нимъ Иродъ, съ короною на головѣ, съ улыбкою на устахъ, сожмурившй глаза, усердно жметъ руку Пилата, которую тотъ подаетъ ему слегка. Тутъ въ одномъ и томъ же лицѣ и безсильный властитель Галилеи

и заклятый врагъ Христа, какъ Царя Іудейскаго. Все это происходитъ во дворцѣ идолопоклонника, украшенномъ статуями боговъ; все это видно на первомъ планѣ, а на второмъ съ лѣстницы спускаютъ побоями Спасителя рода человѣческаго.

Было бы долго пересчитывать и тѣмъ больше описывать содержаніе всѣхъ послѣднихъ рисунковъ Овербека; къ-тому же очень скучно читать подобныя описанія. Я не могъ избѣжать ихъ; иначе сужденія мои ни на чемъ не были бы основаны въ глазахъ моихъ читателей и ничѣмъ не могли бы быть подтверждены: но для этаго, кажется, довольно и тѣхъ, которые я перечелъ. Между тѣми 20 рисунками, которые Овербекъ сдѣлалъ въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ моего пребыванія въ Римѣ (не говоря объ остальныхъ 5 или 6, сдѣланныхъ послѣ меня — а я, теперь ровно годъ, какъ оставилъ Римъ), есть и слабые, даже странные. Такъ, на примѣръ, чтобъ передать слова Евангелиста Луки гл. 2, ст. 41: *и бѣ повинуяся има*, Овербекъ изобразилъ Отрока Спасителя со стругомъ въ рукѣ, работающаго вмѣстѣ съ нареченнымъ отцемъ своимъ Іосифомъ. Въ оправданіе немногихъ такихъ исключеній можно сказать одно то, что западнокатолическое духовенство допускаетъ такаго рода словесное пониманіе Евангелія, даже любитъ во Христѣ Богочеловѣкѣ видѣть человѣка Іисуса. Подчиняяся совершенно Церкви, Овербекъ подчиняется и прихотямъ католическаго духовенства, а слѣдовательно не можетъ не благоговѣть предъ его ополченіемъ —

Iезуитами, которые стараются *сдружить* человѣка съ Богомъ, не возвышая перваго, а низводя Божество съ высоты поклоненiя на степень прiятельскихъ отношенiй съ людьми.

Въ число описываемыхъ мною рисунковъ я не включилъ 12 Апостоловъ Овербека, изъ которыхъ нѣкоторые теперь уже и гравированы. Это тоже одни изъ генiальныхъ его произведенiй: каждый изъ нихъ глубоко понятъ и сильно почувствованъ художникомъ. Правда, что нѣкоторые не вполнѣ оригинальны; но это произошло не отъ недостатка таланта, а отъ художественной высоты его, умѣющей дѣятельно чтить истинно-прекрасное. Есть изъ нихъ такiя изображенiя, каково на примѣръ Апостола Петра, которыя удержали неизмѣнность первообраза во всѣ вѣка и при всѣхъ переходахъ живописи. Какъ это произошло — отъ того ли, что ликъ его вѣрно дошелъ до того времени, когда онъ сдѣлался достоянiемъ искуства, или потому, что кто-либо изъ древнихъ, еще Византiйскихъ художниковъ такъ высоко постигъ образъ верховнаго ученика Христова, что изображенiе его, тѣмъ художникомъ начертанное, слилось въ душахъ всѣхъ вѣрующихъ съ представленiемъ этаго перваго изъ учителей Христовой Церкви — такъ ли, говорю, это случилось, или иначе, но ликъ Петра сохранился неизмѣннымъ при всѣхъ произвольныхъ измѣненiяхъ различныхъ школъ и при всѣхъ прихотяхъ художниковъ. Таковъ онъ и у Овербека.

Изображенiе Апостола Павла весьма близко къ

первообразу, сотворенному геніемъ Рафаэля. Здѣсь опять та же причина: никто не постигъ и не передалъ такъ силы вѣры сильнѣйшаго изъ первыхъ распространителей Христіанства, какъ понялъ и передалъ ее высокій Урбанскій живописецъ въ картинѣ своей, изображающей св. Цецилію, что въ Болоніи, едва ли не лучшей изъ всѣхъ многолицевыхъ картинъ Рафаэля.

Въ наперсникѣ Спасителя Іоаннѣ Богословѣ Овербекъ умѣлъ вдохновенію придать наитіе благодати и вѣрующимъ сердцемъ постигъ тайну того, какъ изобразить въ немъ Боговдохновеннаго провозвѣстника слова Божія, а не восторженнаго поэта, хотя бы даже и со всею чистотою восторженности, такаго, какимъ восхищаемся мы въ Іоаннѣ Богословѣ Доминикина.

Однимъ словомъ, каждому изъ Апостоловъ приданъ его характеръ — и, что весьма важно, онъ выдержанъ со всѣмъ спокойствіемъ, необходимымъ спутникомъ глубокаго убѣжденія на той его степени, когда оно проникаетъ весь составъ человѣческій. Увлеченія и порывы прекрасны и достойны глубокаго уваженія и полнаго сочувствія, когда они производятся чистыми побужденіями; но вѣра переходитъ за ихъ предѣлы, и спокойствіемъ замѣняетъ то, что до нея, казалось, только и было возможно при волненіи и потрясеніяхъ. Это отвѣтъ на возраженія противъ Овербека тѣхъ восторженныхъ художниковъ, которые никакъ не могутъ изображать Апостоловъ безъ нахмуренныхъ бровей, или

не приведя лица ихъ и всего тѣла въ самое сильное, чуть не отчаянное движеніе.

Вотъ послѣднія произведенія Овербека, послѣдній шагъ его на художественномъ поприщѣ по настоящую минуту. Что пріобрѣло искуство этими послѣдними трудами его? Оно пріобрѣло въ немъ великаго художника, а въ самыхъ его произведеніяхъ убѣжденіе, что *время самостоятельной религіозной живописи на Западѣ прошло уже невозвратно*, то есть, что *она теперь сдѣлалась достояніемъ отдѣльныхъ талантовъ, и трудно изъ нея образовать школу*.

Не будь Овербекъ такъ высокъ художественно и нравственно, не обладай онъ огромнымъ талантомъ, онъ остановился бы на созданной имъ, или вѣрнѣе и правильнѣе, на *вызванной* имъ школѣ, что и сдѣлала большая часть его учениковъ и послѣдователей. Но сила таланта и чистота повели его далѣе; они ввели его въ предѣлы собственной художнической самостоятельности, и безъ его сознанія открыли ему великую правду, что въ школѣ, воззванной имъ къ жизни, есть много истины, но сама она во всемъ своемъ объемѣ никакъ не истинна; что по этому только вполнѣ истинная ея часть можетъ быть достояніемъ времени, вся же школа составитъ не болѣе, какъ переходъ, какъ очищеніе живописи отъ искаженія и отъ грѣховъ отцевъ и дѣдовъ настоящаго художественнаго міра.

Все это въ отношеніи къ художнику и его школѣ. Въ отношеніи къ современности, послѣднія произведенія точно такъ же, какъ и вся художествен-

ная жизнь Овербека, отразили въ себѣ всю ея сущность и всѣ ея переходы.

Художникъ-ученикъ, художникъ формы, Овербекъ въ первомъ періодѣ своего развитія былъ законнымъ сыномъ времени, въ которомъ самомъ не было никакой сущности. Западно-Европейское общество, или пожалуй, люди западной Европы, уставши отъ бурь и волненій, истративши на нихъ множество силъ своихъ, искали пріюта въ формахъ жизни; но когда его не было въ душахъ, могъ ли онъ выйти самъ изъ формъ и создать для себя какія-либо новые образы? Недовольные безгражданственностію, они или въ семьѣ Бурбоновъ обращались къ формамъ прошедшей своей исторіи, или дѣлили Европу, достояніе народовъ, по образцамъ, указаннымъ прадѣдами, забывши, что прадѣды отдѣлены отъ нихъ цѣлымъ періодомъ народныхъ бурь, въ которыхъ народы западные цѣною крови пріобрѣтали право на собственное народное существованіе. Потерявши всякое вѣрованіе въ существенность и дѣйствительность и нравственности, и убѣжденій, и вѣры, они высказывались или безвѣрнымъ Фаустомъ, или желчтными и вмѣстѣ грустными взываніями Байрона, который, прося у судьбы души: *give me a soul, give me a soul*, первый, въ самомъ себѣ, уничтожилъ всякое безрасчетное, чистое чувство, первый высказалъ презрѣніе къ простой, правильной жизни сердца, не знающей *зачѣмъ* и *почему*

But why should I for others grown
When none would sigh for me?

«Зачѣмъ же я-то буду грустить о другихъ, когда никто не хочетъ вздохнуть обо мнѣ?» Католическая Церковь приняла полупокинутыя ею формы—и только; она существуетъ, но объ ней нѣтъ и помину; совершенное равнодушіе замѣнило кощунство конца XVIII столѣтія, и вся религія Запада стала какимъ-то прибавкомъ къ жизни, терпимымъ только потому, что онъ остается незамѣченнымъ. Самая наука, по-видимому, удаленная отъ внутреннихъ движеній души человѣка, ищетъ всего отъ внѣшности. Она обставляетъ себя бездною изслѣдованій и не думаетъ, не заботится о томъ, что сама она никогда не составится наукою, если та же душа человѣческая, животворнымъ дуновеніемъ ума и генія, не дастъ имъ дыханія жизни.

Художникъ-основатель и представитель школы, Овербекъ шелъ рука объ руку со временемъ. Нѣсколько частныхъ потрясеній въ западной Европѣ обратили ея стремленіе къ народности. Вездѣ начали убѣждаться, что народъ и его благосостояніе должны быть главными заботами, а внѣшнія общественныя и государственныя формы только путемъ къ нему. Это стремленіе рѣзко высказалось въ литературѣ. Первый ея сподвижникъ, предводитель и начальникъ новой школы, Викторъ Гюго, первый изобразилъ человѣка на разныхъ степеняхъ его нравственнаго и общественнаго развитія и умѣлъ возжечь сочувствіе къ такому, созданному имъ, образу человѣческому, въ которомъ, казалось, написалось все человѣческое, даже и внѣшность, не говоря уже

о прочихъ, болѣе или менѣе, условныхъ достоинствахъ и условныхъ правахъ на наше къ нему сочувствіе. Величайшая заслуга Гюго въ томъ, что онъ первый подалъ голосъ въ пользу человѣка, но человѣка несчастнаго, тѣмъ болѣе несчастнаго, чѣмъ онъ далѣе удаленъ отъ своего первообраза, что бы его ни удалило: судьба, обстоятельства, люди, или общественныя прихоти и причуды. Вслѣдъ за Викторомъ Гюго появилось множество литературныхъ дѣятелей. Вступаясь за человѣческое достоинство, они перешли предѣлы и вздумали ввести историческое ученіе въ дѣло нравственности. «Что есть. то законно,» заговорили они—и вотъ въ лицѣ Софи вы видите оправданіе высшей безнравственности, въ лицѣ Тренмоза облагороженіе самыхъ отвратительныхъ искаженій нравственной и общественной стороны человѣка. Съ перваго взгляду, и особенно для современниковъ, такая литературная дѣятельность показалась ужасною, безнравственною и отвратительною. Но всмотритесь глубже въ ея источники и еще больше, такъ сказать, въ органъ, двигавшій обществомъ, а вмѣстѣ съ нимъ и литературою, какъ законнымъ его явленіемъ: въ этомъ предстательствѣ за человѣка, въ этихъ крикахъ за законность его пороковъ, вы видите обращеніе людей къ самимъ себѣ. Люди полюбили людей (не идеалы ихъ), даже несовершенныхъ изъ нихъ, которыхъ не любить никогда было невозможно; нѣтъ, они полюбили просто человѣка со всѣми его человѣческими недугами и искаженіями; они посѣтили его и въ

больницѣ, не оставили и при преступной его смерти, зашли и туда, гдѣ, въ бурѣ самыхъ низкихъ страстей и пороковъ, отброшенный обществомъ, онъ хочетъ забыть на-время свое нравственное униженіе. Смотря съ этой точки зрѣнія, въ ходѣ литературы протекшаго для насъ періода, я вижу законное и самое законное движеніе ясно къ лучшему. Тутъ по неволѣ надобно было изучить болѣзни людей. Но зачѣмъ же, вы мнѣ скажете, было бросаться на однѣ этѣ болѣзни? Я отвѣчу Евангельскимъ словомъ: не требуютъ здравіи врача, но болящіе; къ-тому же такова и природа человѣческая—ея уже не перемѣнишь. Человѣкъ въ самомъ себѣ открылъ новую землю, тамъ, гдѣ, казалось, все было ему извѣстно и все изслѣдовано—и отдался весь своему новому открытію. Но чтобъ еще болѣе видѣть законность движеній этаго періода и стремленіе къ лучшему порядку вещей—къ тому, чтобъ отбросить формы и сблизиться съ душею, чтобъ очеловѣчить человѣка, потерявшаго много человѣчности черезъчуръ въ умномъ, за то и черезъ-чуръ условномъ періодѣ новой исторіи—чтобъ яснѣе, говорю, видѣть все это, взглянемъ на другія стороны жизни. Я не упомяну объ обращеніяхъ протестантовъ къ католичеству: ихъ было множество, особенно между художниками; но все это было частностію—пойдемъ далѣе. Два, три, четыре года небольшихъ внутреннихъ бореній въ Европѣ—и вдругъ, незамѣтно для современниковъ, религія овладѣваетъ дѣятелями во всѣхъ областяхъ человѣческой природы. Ксандеръ на

каѳедрѣ исторіи не видитъ инаго пути къ ея уразумѣнію, кромѣ длинныхъ, неизмѣримыхъ переходахъ людскаго вѣрованія, теряющихся въ самомъ непроницаемомъ мракѣ первобытнаго состоянія людей. Все говоритъ о религіи, все пишетъ о региліи — и даже Дюпенъ, въ дѣлѣ законовѣдѣнія, приноситъ день времени, взявъ на себя трудъ разобрать дѣло объ осужденіи Спасителя по законамъ права и справедливости, основываясь на прямыхъ данныхъ того времени, то есть, на законахъ Еврейскихъ, и ими доказываетъ несправедливость суда надъ Христомъ-человѣкомъ, по понятію Евреевъ, не говоря уже о распятіи Богочеловѣка. Въ самой частной жизни западной Европы являются религіознообщественныя секты—не потому я называю ихъ религіозными, чтобъ ихъ послѣдователи обратились къ религіи, но потому, что изъ собственныхъ обыкновенно нелѣпыхъ началъ составили какъ бы новую религію и даже обставили ее богослуженіемъ. Одни все и всѣхъ собираютъ вокругъ алтаря, на которомъ, подъ видомъ человѣческихъ добродѣтелей, возжигается ѳиміамъ гордому понятію о человѣческомъ совершенствѣ; рядомъ съ ними другіе все строятъ на ученіи о человѣческихъ порокахъ и страстяхъ. Коротко говоря: самая система частной жизни не ушла отъ религіи—и тоже, отброся формы, начала искать всего въ душѣ человѣческой.

Овербекова школа не устояла во всемъ объемѣ своемъ и оставила по себѣ одно прекрасное воспоминаніе, какъ о переходѣ къ очищенному состоянію живописи, точно также и время тридцатыхъ и самыхъ

первыхъ изъ сороковыхъ годовъ перевело западнаго человѣка къ жизни, менѣе исключительной, менѣе натянутой, однимъ словомъ—болѣе согласной съ полнотою человѣческаго существованія.

Наступаетъ третій и послѣдній періодъ Овербековой дѣятельности: онъ дѣлается просто художникомъ, но художникомъ самостоятельнымъ. Выше я перечелъ большую часть трудовъ его въ этомъ періодѣ его художественнаго развитія; сколько могъ, оцѣнилъ ихъ достоинства; но тамъ я не показалъ существеннаго отличія ихъ отъ произведеній, имъ предшествовавшихъ. Въ нихъ, какъ я уже говорилъ, Овербекъ былъ исключительно религіознымъ, такъ сказать, образнымъ, иконнымъ живописцемъ католической церкви. Совсѣмъ не то въ послѣднемъ періодѣ. Не переставая быть религіознымъ, онъ, не давая себѣ отчета, до такой степени, что вѣроятно самъ испугался бы, если бы замѣтилъ то, что мы подмѣтили въ его произведеніяхъ, онъ дѣлается *историческо-религіознымъ живописцемъ* и перестаетъ быть иконописцемъ католической церкви. Здѣсь оттѣнки такъ тонки, что я по-неволѣ долженъ войти въ нѣкоторыя объясненія. Тамъ, на что ни взгляните, все проникнуто однимъ религіознымъ чувствомъ; вы смотрите, вглядываетесь — и въ вашемъ сердцѣ остается одна молитва, забывается и художникъ и искуство. Не то въ послѣднихъ его произведеніяхъ: въ нихъ Овербекъ остается глубоко вѣрующимъ, рисунки остаются неизмѣнно вѣрны Евангельскому повѣствованію; но вы читаете Евангеліе,

а не молитесь. Не забудьте, что въ самомъ Евангеліи—и молитва и расказъ, смотря по тому настроенію души вашей, молитесь ли вы читая, или узнаете жизнь Спасителя. Въ произведеніяхъ втораго періода Овербекъ молится; третьяго — читаетъ Евангеліе.

Вотъ почему выше упомянулъ я, какъ онъ доказалъ послѣдними своими произведеніями, что вѣкъ самостоятельной католической религіозной живописи прошелъ невозвратно. Не то ли же говоритъ и вся современность? Когда время обратило весь Западъ къ молитвѣ, онъ распростерся предъ иконами, хотѣлъ высказать свою душу въ моленіяхъ; мы слушаемъ — и слышимъ не собственный его голосъ, а заученую молитву отцевъ, только мѣстами очищенную отъ обветшалыхъ оборотовъ языка (вездѣ, говоря *молитва*, я беру ее въ самомъ обширномъ смыслѣ, то есть, все богослуженіе, со всѣмъ тѣмъ, что соединено съ нимъ неразлучно, съ иконами и съ языкомъ молитвословія). Школа Овербека явное подражаніе школѣ древнихъ западнокатолическихъ живописцевъ; неестественная религіозность Запада— явное стремленіе къ средневѣковой религіозной жизни прежней Европы. И тамъ и тутъ мимолетность была не случайностію, а непремѣннымъ слѣдствіемъ самаго направленія, не имѣющаго твердыхъ опоръ въ самомъ себѣ. Что же далѣе? Часъ молитвы прошелъ, люди Запада увидѣли, что они не могутъ отдать ей всѣхъ сторонъ своей жизни; но они остались не безъ пріобрѣтенія: они увѣрились въ необходимости

религіи, а слѣдовательно и богослуженія, неизмѣннаго ея спутника, необходимаго въ предѣлахъ земнаго бытія человѣка, гдѣ душа его, не могши существовать безъ внѣшняго образа, не иначе можетъ и принимать что бы то ни было, какъ посредствомъ внѣшнихъ своихъ оболочекъ и въ внѣшнихъ образахъ того, что она принимаетъ въ себя. Еще вопросъ: какими молитвами молиться людямъ Запада? Составятъ ли они свои собственныя? Отвѣтъ простъ: если въ минуту всеобщаго увлеченія они не могли вызвать изъ души своихъ собственныхъ моленій — гдѣ же теперь, въ уединенной молитвѣ домашней, и еще прибавьте, не вызываемой ни мгновеніями душевнаго восторга, ни душевнымъ страданіемъ, а въ ежедневномъ привычномъ моленіи, гдѣ же, говорю, сердце найдетъ теперь силы для того, чтобы для молитвы своей создать свои собственные внѣшніе образы? Примутъ ли они молитвенникъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ? Не думаю, чтобы приняли: онъ былъ сочиненъ ими самими, болѣе приноравливался къ требованію времени, нежели относился къ неизмѣннымъ основамъ души человѣческой — слѣдовательно долженъ и пройти со временемъ и его потребностями. Между-тѣмъ сердце ищетъ безвременной чистоты душевной — такой, гдѣ бы вся душа была олицетворенною молитвою; а это могло быть только тогда, когда весь составъ человѣка былъ въ молитвѣ и богослуженіи—тогда, когда душа человѣческая до того проникласъ божествомъ и дѣломъ искупленія, что не могла остановиться на ти-

хой молитвѣ въ своей храминѣ, но высказалась во всей полнотѣ богослуженія, и высказалась такъ, что въ послѣдствіи всѣ народы Христіанскіе и на всѣ вѣка приняли его *первообразомъ* моленій и славословій собственной души своей Другими словами, это было во времена Отцевъ Церкви и вселенскихъ соборовъ, составившихъ всю полноту нашего богослуженія и утвердившихъ его общимъ, вселенскимъ, то есть, все-Христіанскимъ подчиненіемъ себя установленному. И-такъ, по ходу жизни и по ея требованіямъ, новый періодъ долженъ принять молитву первыхъ Христіанъ; только она и законна, при полнотѣ жизни человѣческой, а не при какомъ-либо исключительномъ и одностороннемъ ея существованіи, и еще въ общественномъ, а не въ частномъ значеніи законности, потому-что въ частности законна каждая молитва. Въ обществѣ, для человѣка среднихъ вѣковъ, была совершенно законна молитва западнокатолическая; для новоисторическаго человѣка законно ученіе протестантское: но для полнаго Христіанина-человѣка, Христіански-дѣятельнаго, какимъ мы ждемъ обрѣсть человѣка въ наступающемъ періодѣ жизни, для него законны только молитва и богослуженіе первыхъ Христіанъ, не искаженныя мудрствованіемъ времени, то, что мы зовемъ *православнымъ*, западные католики называютъ восточнымъ. Это сужденія, выведенныя изъ хода жизни. Хотите ли историческихъ подтвержденій? Взгляните на живопись, то есть, на иконопись: тамъ начинаютъ входить изображенія Богородицы по Византійскому ихъ преданію—

не у насъ, гдѣ иначе быть не можетъ и не должно, а у самыхъ западныхъ католиковъ. Прислушайтесь къ говору Европы: тамъ пол-Германіи обращается къ старому вѣрованію; новокатолики принимаютъ главнѣйшія таинства *почти* въ тѣхъ самыхъ образахъ, въ какихъ они принимаются у насъ, и начинаютъ совершать богослуженіе на общепонятномъ языкѣ. Счастіе было бы для нихъ, если бы они, подобно намъ, имѣли для богослуженія языкъ и общепонятный и возвышенный надъ обиходнымъ. Шагъ сильный—и, замѣтьте, шагъ отъ гордаго протестантскаго ученія. Англикане обращаются прямо къ нашей религіи, *почти* съ полною покорностію. Для чего эти *почти?* Для того, что искаженная истина не иначе выкупается въ чистотѣ, какъ цѣлыми вѣками заблужденій тамъ, гдѣ было ей назначено перейти всѣ періоды человѣческаго развитія и наконецъ развить самаго человѣка до принятія ея въ высокомъ ея первообразѣ.

Все это въ религіи. Но взгляните на сторону жизни, самую дѣятельную и самую яркую въ современномъ намъ Западѣ, именно на общественность. Все приходитъ здѣсь къ одному заключенію: пора человѣку обратиться къ самому себѣ; пора обществу начать заботиться о личномъ и вмѣстѣ полномъ, а не одностороннемъ и не условномъ счастіи человѣка. Пора сбросить бездну тѣхъ формъ, наложенныхъ на умъ, на сердце и на волю человѣка, какими Европа когда-то двигалась впередъ, именно, когда онѣ сами законно и необходимо выходили изъ

ея движенія, но которыя теперь, въ свою очередь, останавливаютъ поступательный ходъ ея. Прибавимъ нѣсколько словъ, нейдущихъ къ дѣлу: трудно Европѣ очищать себя отъ этаго многовѣковаго груза осадковъ и отстоевъ, обозначившихся въ эпоху истинныхъ успѣховъ ума человѣческаго; она борется — и въ этомъ бореніи невольно обращаетъ взоры свои на тотъ народъ и на то племя, которые судьба сохранила въ простотѣ, и у которыхъ время не отняло полноты жизни, правда, пока еще не развитой, но (много значитъ!) *полной* и *простой* въ ту минуту, когда все стремится къ полнотѣ и простотѣ истинно-человѣческой природы.

Такъ высказалась мнѣ современность художественнымъ развитіемъ *Овербека* и его произведеніями. Въ немъ и въ нихъ, какъ я старался передать и моимъ читателямъ, я нашелъ отвѣтъ на всѣ современные вопросы, и особенно на историческій ходъ ихъ. Согласятся ли сомною мои читатели, или не согласятся во всѣхъ подробностяхъ—это будетъ дѣломъ и ихъ и моей личности, и ихъ и моего убѣжденія. Но если они, по словамъ моимъ, найдутъ въ Овербекѣ выраженіе современнаго общества, разумѣется, съ одной только сердечной стороны его, они молча согласятся въ томъ, что нельзя не назвать его первокласнымъ художникомъ нашего времени.

✻

Аще забуду тебе, Іерусалиме, забвенна буди десница моя.

О чемъ ни говори, но умъ, подчиняясь сердцу, спрашиваетъ одного: что же *у насъ* было при этомъ? не имѣло ли оно *на насъ* какаго вліянія? Вліяніе Овербека на живопись и вообще вліяніе всей новой школы явилось въ то время, какъ у насъ было больше, нежели когда-нибудь, историческихъ живописцевъ. Не подчинился ли кто-либо изъ нихъ новому направленію? Сколько я ни всматривался, можно утвердительно сказать, что никто не подчинился ему вполнѣ—и только у одного я замѣтилъ вліяніе новой школы, и то имъ не усвоенной; даже можно сказать болѣе: у него все, отъ нея занятое, очень мало согласуется со всѣмъ остальнымъ, и потому является въ произведеніи его безъ всякаго почти участія въ общемъ, какъ наплывъ совершенно посторонній. Именно это видно въ послѣднихъ картонахъ г. Бруни и даже частію слегка въ изображеніи Дѣвы Маріи въ картинѣ его «Покровъ Пресв. Богородицы». Мы знаемъ всѣ предшествовавшія произведенія г. Бруни. Вездѣ онъ ревностный послѣдователь Болонской школы; но вдругъ начинаетъ у него являться простота линій, только по частямъ, не смѣло и (да не оскорбится нашъ почтенный и талантливый художникъ!) безъ всякаго согласія съ остальнымъ, не встрѣчая отголоска въ общемъ сочиненіи картины и картоновъ его и безъ всякаго единства съ обстановкою. Таковъ картонъ, изображающій Умовеніе ногъ, таково и Жертвоприношеніе Ноя. Это замѣчаніе нисколько не посягаетъ на талантъ г. Бруни, ни на достоинство его картоновъ, но вызывается

сужденіемъ, которое пора уже ввести въ область нашего Искуства, и пора перестать безотчетно провозглашать все великимъ, и слѣдовательно также безотчетно быть холодну и равнодушну и ко всему остальному, даже къ самымъ возвеличеннымъ твореніямъ искуства. Внезапное явленіе простоты линій и несогласіе ихъ съ общимъ сочиненіемъ невольно заставляютъ объяснять себя чѣмъ-либо, не выходящимъ ни изъ полнаго убѣжденія художника, ни изъ предмета картины—и мы находимъ такое объясненіе въ современномъ направленіи живописи. Оно не только не бросаетъ никакой тѣни на произведенія г. Бруни, но напротивъ указываетъ явно на стремленіе его къ совершенству. Вопросъ: почему же на другихъ художникахъ нашихъ не осталось никакаго слѣда новаго направленія? Отвѣтъ на него самъ собою объяснитъ, почему подчинился ему г. Бруни.

Всѣ наши художники могутъ быть раздѣлены на два отдѣленія: наши — не наши, то есть, воспитанные въ нашей Академіи, взросшіе у насъ, но не соединенные съ нами ни религіею, ни воспитаніемъ дѣтскимъ. Они, большею частію, и даже — можно сказать всѣ—протестанты. Г. Бруни едва ли не единственное изъ нихъ исключеніе. По одному этому они не могли уже стать подъ знамя Искуства, несомое католическимъ ополченіемъ. Природа и форма — то есть, природа въ формѣ и форма въ природѣ — должны были сдѣлаться послѣднею степенью ихъ художественной высоты. Такъ и сдѣла-

лось. Талантъ однаго изъ нихъ, едва ли не самый огромный талантъ изъ всѣхъ современныхъ намъ художниковъ, вырвалъ его изъ тѣснаго круга формы. Какъ Виргиліевъ Нептунъ, грозящій вѣтрамъ, схватилъ онъ мощною рукою всѣ внутреннія силы души человѣческой, бурныя волненія самой природы—и силою собственной души соединилъ ихъ въ одно цѣлое. По велѣнію слова его — *quos ego* — и страсти человѣческія, и злоба неукротимаго Везувія— все поднялось, стало на назначенное имъ мѣсто, и въ созданномъ цѣломъ вездѣ явилось покорнымъ исполинской волѣ своего повелителя. Огромнѣйшій талантъ виденъ въ каждой подробности; но этотъ талантъ, покоривши себѣ все, не могъ совладѣть самъ съ собою; ему отданы въ жертву и искуство и всѣ другія отношенія, непремѣнныя въ каждомъ художественномъ произведеніи, то есть, самая душа предмета въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ она должна оставаться независимою отъ души художника. Но это талантъ, какіе являются рѣдко; другіе всѣ остались на предѣлахъ формы.

Наши—по плоти и крови, по вѣрованію и воспитанію, однимъ словомъ, наши Русскіе, православные художники—могли ли они подчиниться западному движенію искуства? Подчиниться—никакъ; могли бы увлечься, подражать ему, то есть, сдѣлать то, что дѣлается у насъ въ наукѣ, литературѣ и и обществѣ, однимъ словомъ—тамъ, гдѣ сердце не овладѣваетъ всѣмъ существомъ человѣка, гдѣ часто оно бываетъ покорно холодному уму и гдѣ, слѣдо-

вательно, легче обмануть его и представить ему то безусловно истиннымъ, что истинно не болѣе, какъ исторически. Но и того, слава Богу, не случилось въ области нашего искуства. Новое направленіе требовало исключительности отъ движеній сердца, непремѣнно хотѣло сосредоточить его на одномъ чувствѣ религіозномъ, уничтожая каждое другое—и народное и личное. Складъ Русскаго сердца и Русской души требуетъ вездѣ полноты и раздолья. Онъ не могъ наложить на себя такихъ оковъ несносимыхъ. Когда дѣло шло о формѣ, мы и подчинялись; дошло до души, она первая встрепенулась и ощутила въ себѣ сильное, неукротимое требованіе являться въ собственномъ своемъ образѣ. Какимъ явится намъ этотъ образъ? Подождемъ этаго отъ созданій истинно-Русскихъ художниковъ, и между тѣмъ, вмѣсто сѣтованій на то, что они долго не являются, поймемъ весь трудъ, съ какимъ онъ долженъ выбиваться изъ всего условнаго, огромными массами наложеннаго на него въ продолженіе вѣковъ; поймемъ всю силу его самостоятельности, которой суждено предстать украсившись всѣмъ величіемъ вполнѣ возросшаго искуства — и, понявъ все это, возблагодаримъ Бога, если намъ будетъ позволено увдѣть такое явленіе, и приготовимся съ братскою любовію и съ почетомъ встрѣтить Художника, котораго Провидѣніе назначитъ быть первымъ истинно-Русскимъ художникомъ, независимымъ ни отъ какаго сторонняго направленія.

Ѳ. Чижовъ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ ОПЫТЪ ЖИВОТНАГО МАГНЕТИЗМА ВЪ МОСКВѢ.

Много было говорено и писано о животномъ магнетизмѣ; много проявлялось опытовъ, достаточно засвидѣтельствованныхъ, очевидно доказанныхъ этаго способа цѣленія болѣзней. Нѣтъ сомнѣнія, что магнетизмъ существовалъ съ самыхъ давнихъ временъ, преимущественно на Востокѣ. *Месмеръ* подчинилъ только нѣкоторымъ правиламъ эту стихію, казавшуюся неуловимою. И теперь еще, загадочный какъ жизнь, не можетъ онъ, въ строгомъ смыслѣ, быть причисленъ къ категоріи другихъ медицинскихъ пособій, болѣе матерьяльныхъ, болѣе положительныхъ. Однако жъ медики стали уже пользоваться имъ въ широкомъ объемѣ. «Человѣкъ *двойственъ,*» сказалъ еще Бюффонъ. Наружная оболочка, въ которой, болѣе ощутительнымъ для насъ образомъ, совершаются законы природы, подчиняется средствамъ болѣе положительнымъ. Но внутренній, *нервическій* составъ человѣка менѣе доступенъ наблюденію опыта и науки. На этаго-то *внутренняго,* такъ сказать, *нервическаго* человѣка животный магнетизмъ производитъ благодѣтельнѣйшее вліяніе. Болѣзни внутреннія, всякаго рода судороги и тѣ печальные недуги, которые дѣйствуютъ на измѣненіе нрава, часто очень скоро и прочно излечиваются животнымъ магнетизмомъ.

Очень недавно еще были мы свидѣтелями излеченія продолжительной болѣзни дѣвицы *Чумаковой* посредствомъ магнетическихъ дѣйствій Московскаго врача г-на *Вейнтраубена*.

Мать больной, вдова почтеннаго профессора Статскаго Совѣтника Чумакова, сама вела подробный журналъ о состояніи здоровья своей дочери. У насъ теперь передъ глазами любопытная тетрадка, подъ заглавіемъ: «Описаніе болѣзни дѣвицы Елизаветы «*Чумаковой*, которая была больна почти *пять* лѣтъ «и совершенно *нѣмà одинъ годъ и четыре мѣсяца*, «составленное ея матерью Софьею Чумаковой». Изъ этой тетрадки выпишемъ мѣста, которыя показались намъ болѣе замѣчательными.

Дѣвица Елизавета Чумакова пользовалась совершеннымъ здоровьемъ до 16-ти лѣтняго возраста. Осенью 1841 года почувствовала она, *въ первый разъ*, *тикъ* въ головѣ. Боль продолжалась два мѣсяца. Докторъ *Редингъ*, съ помощію другихъ прославившихся врачей, пользовалъ больную. *Тикъ* ослабѣлъ и, къ Марту 1842, совсѣмъ затихнулъ при извѣстномъ переворотѣ, свойственномъ молодымъ дѣвицамъ. Въ это время дѣвица Чумакова съѣздила въ Санктпетербургъ, гдѣ опять заболѣла отъ простуды.

Въ Августѣ, того же года, дочь и мать Чумаковы были въ деревнѣ, гдѣ первая еще разъ занемогла—и, казалось, уже не на-шутку: съ нею случались *частые обмороки;* она перестала *ѣсть*. Такъ шло до Января 1843 года. Въ это время случились разныя семейныя огорченія, отъ которыхъ боль-

ная потеряла послѣдній аппетитъ и, сверхъ того, лишилась *сна*. Пища совершенно ей опротивѣла: до *мяса* и *хлѣба* не могла она и дотрагиваться; одно лакомство, и то въ маломъ количествѣ, или что-нибудь *молочное* было ея питаніемъ. На приглашеніе къ *ѣдѣ*, она всегда отвѣчала: «я сыта.» Пить она также не могла; малѣйшій глотокъ воды производилъ у нея желудочныя спазмы. Съ этѣхъ поръ она видимо начала худѣть. Болѣзненная задумчивость одолѣвала ее. Всякая бездѣлица огорчала больную, пораженную *уныніемъ:* ни днемъ, ни ночью не затворяла она глазъ и безпрестанно мучилась головною болью. Въ Октябрѣ (1843) г-жа Чумакова уѣхала въ Санктпетербургъ и, возвратясь чрезъ двѣ недѣли, нашла дочь исхудавшею, зелено-блѣднаго цвѣта. И не мудрено, потому-что дочь, въ теченіе двухъ недѣль, не принимала *никакой* пищи, даже лекарства — и только по усильному понужденію, въ два или три дня, проглатывала дѣтскую чашку чаю безо всего. Къ этимъ припадкамъ присоединился еще одинъ: больная потеряла голосъ. Положеніе было тѣмъ грустнѣе, что она не могла плакать, и горе какъ будто упало на грудь ея и сосредоточилось въ ней, отъ чего начала она жаловаться на боль въ груди и въ *лѣвомъ* боку. Докторъ *Реслеръ* сталъ пользовать ее съ Февраля 1844 года. Въ Маѣ 1844 года пришла къ больной сильная оспа, покрывшая все ея тѣло. Въ четыре недѣли оспа прошла, но здоровье не улучшилось.

Ни перемѣна врачей, ни перемѣна аллопатіи на

гомеопатію, ни піявки, ни ванны не ослабляли болѣзни.

Въ Сентябрѣ 1844 года, поздно вечеромъ, она испугалась и лишилась голоса, но опять заговорила. Это было однако жъ предвѣстіемъ худшаго; ибо вскорѣ наконецъ она совсѣмъ *онѣмѣла*. Въ такомъ положеніи, безъ голоса (такъ-что она не имѣла въ себѣ довольно духу, чтобъ загасить свѣчу), безъ аппетита, почти безъ сна, провела больная три года. Только вѣра въ Провидѣніе и любовь семьи утѣшали несчастную.

Наконецъ вспомнили о животномъ магнетизмѣ. Г-нъ докторъ гомеопатъ *Швейкартъ* переговорилъ съ магнетизёромъ *Вейнтраубеномъ*—и приступили къ дѣлу. Съ первыхъ дней Февраля 1846 года, дѣйствія магнетическія совершенно уничтожили *тикъ*, мучившій больную, отняли головную боль, изнурительную меланхолію и возвратили цѣлебный сонъ. Черезъ двѣ недѣли больная стала уже пить (прежде чего стоило ей проглотить хоть ложку!) по три стакана въ день *магнетизированной воды*. При этомъ боль въ груди и слабость тѣлесная исчезли; она опять весела. Всѣ отправленія, кромѣ голоса, приходили въ порядокъ. Однако жъ и *голосъ* начиналъ уже пробуждаться: ей стоило только прижать намагнетизированное стекло къ подгрудной ямкѣ, чтобъ произносить нѣсколько внятные звуки.

Марта 24 (1846) выговорила она въ первый разъ въ *магнетическомъ снѣ* слово: «Monsieur!» Это относилось къ ея магнетизёру. Можно судить, какъ

обрадовалось все семейство этому *первому* слову! 30 Марта въ 11-ть часовъ, 27½ минутъ до полудня, произнесла она, всё въ магнетическомъ снѣ, цѣлую правильную рѣчь: «Enfin ma voix est revenue!»

Надобно сказать, что больная, и до этой рѣчи, ею заранѣе предсказанной, не оставалась безъ возможности сообщить свои мысли. Она *писала во снѣ, съ закрытыми глазами.*

Это дѣлалось такъ: магнетизёръ, замѣтивъ по движеніямъ лица или руки, что ей хотѣлось что-нибудь высказать, тотчасъ ставилъ на колѣна больной пульпетъ съ листомъ бѣлой бумаги и правую руку ея вооружалъ намагнетизированнымъ *браслетомъ* и карандашемъ. Тогда больная, всѣмъ тѣломъ усыпленная, чувствовала силу и ходкость въ своей *правой рукѣ* и писала четко и отчетисто.

Наконецъ наступилъ давно-предсказанный и съ нетерпѣніемъ ожиданный *день выздоровленія.* Я опишу подробнѣе всѣ обстоятельства этаго замѣчательнаго дня. Вотъ какъ было дѣло.

29-го Марта (1846 года) докторъ *Вейнтраубенъ* пригласилъ меня съ женою къ любопытному магнетическому засѣданію въ казенную (въ Московск. Воспитательномъ Домѣ) квартиру г-жи Статской Совѣтницы Чумаковой — вдовы въ свое время извѣстнаго и многими уважаемаго профессора. Поводомъ къ этому приглашенію было предсказаніе, сдѣланное въ магнетическомъ снѣ, за мѣсяцъ предъ тѣмъ, *Елизаветою Чумаковой*, которой болѣзнь и нѣмота описаны выше. «30 Марта 1846 года, когда бу-

«детъ 11 часовъ и 32 минуты (до полудня) *я гово-*
«*рю*—и буду говорить уже въ пробужденномъ состо-
«яніи.» Такъ сказала больная и прибавила: «Пер-
выя слова мои будутъ: Maman!... Monsieur!... *(вто-
рое* слово означало ея магнетизёра, котораго иначе
не называла) venez plus vite, je parle!» Г-нъ *Вейн-
траубенъ,* ожидавшій и самъ съ нетерпѣніемъ обѣ-
щаннаго дня и часа, пригласилъ также Сенатора
и Члена Москов. Опекунскаго Совѣта Его Сіятель-
ство Князя *Оболенскаго,* Генеральшу Штрикъ, Тай-
ную Совѣтницу Елену Ивановну Голенищеву-Куту-
зову, Княгиню Шаховскую, Михайла Петровича
Погодина, Генерала Левшина, многихъ другихъ и
гг. врачей: *Давидова* и *Миквица.*

Всѣ съѣхались почти въ одно время. Въ одну
дверь входилъ я *съ Басманной,* въ другой показы-
вался М. П. Погодинъ *съ Дѣвичьяго Поля.* Больная
была уже на ногахъ и довольно бодрà: ходила,
подходила, здоровалась съ знакомыми, но на вопросы
отвѣчала только *знаками:* языкъ ея не былъ еще
развязанъ. Къ 11-ти час. пріѣхалъ магнетизеръ — и
въ присутствіи всѣхъ уложилъ больную въ по-
стель горизонтально съ небольшимъ возвышеніемъ
изголовья.

Въ 11-ть часовъ и четыре минуты (такъ пред-
писала сама больная) началось магнетизированіе.
Г-нъ Вейнтраубенъ употреблялъ длинные и корот-
кіе пассы, сводилъ и разводилъ ладони, придержи-
валъ ихъ по мѣстамъ; успокоивалъ, возбуждалъ,
наводилъ, отводилъ, сосредоточивалъ *усиліе воли* на

подгрудной ямкѣ—и вдругъ больная захлопнула глаза и заснула... Чрезъ 20-ть мтутъ мы увидѣли любопытное явленіе. Легкимъ движеніемъ правой руки больная изъявила желаніе *писать.* Передъ нею положили листъ бумаги — и, въ полномъ снѣ, при стольких свидѣтеляхъ, она написала: «Прошу васъ «(своего магнетизера) ввести сюда моего брата: «онъ очень обо мнѣ безпокоится — и меня это безпокоитъ.» Оглянулись кругомъ — брата ея не было; прошли въ одну, въ другую комнату—никого не было; но за дверью, въ корридорѣ, стоялъ у стѣны *братъ!* Онъ опоздалъ къ сеансу и совѣстился войти. И-такъ больная, съ закрытыми глазами, увидѣла *его* за *третьею стѣной* въ корридорѣ... Все семейство Чумаковыхъ живетъ въ благословенномъ согласіи—и присутствіе любимаго брата, очень милаго молодаго человѣка, видимо обрадовало больную.

Наконецъ, въ 11 часовъ и 26 минутъ съ половиною больная свела одинъ съ другимъ оба большіе перста магнетизера и громко произнесла: «Наконецъ я получила голосъ!» Магнетизеръ старался ее успокоить, но правою рукою своею дала она чувствовать, что желаетъ опять *писать.* Ей подали все нужное; она написала: «я выговорила *первыя* «слова $4\frac{1}{2}$ минутами (посмотрѣли на часы—*такъ и* «*было!) раньше обѣщаннаго:* это потому, что *я обра-* «*довалась* брату». Потомъ прибавила: «Monsieur! ne me permettez pas de parler beaucoup aujourd'hui».

Въ 12-ть часовъ магнетизеръ разбудилъ больную отъ магнетическаго сна и оставилъ ее покоить-

ся обыкновенною дремотою, а насъ просилъ вытти въ залу, не затворивъ впрочемъ дверей спальни.

Въ 12-ть часовъ и двадцать шесть съ половиною минутъ что-то стукнуло въ спальнѣ — и раздался звонкой голосъ: «Матушка! Monsieur (магнетизёръ)! «я говорю; скорѣе, скорѣе сюда!» Все семейство, въ слезахъ и въ радости, опрометью бросилось къ больной; она сама, какъ дитя, радовалась своему счастію и обнимала *своихъ*. Братья и сестры окружили ее; она была внѣ себя: ласкала, цѣловала, жала руки, щипала ихъ, смѣялась громко и сама не знала, что дѣлала отъ радости. Докторъ старался ее успокоить—и на вопросъ: зачѣмъ такъ стукнула по столу, отвѣчала: «я боялась, что *голосъ* мой опять про«падетъ и хотѣла, чтобъ вы хоть что-нибудь услы«шали!» Между тѣмъ она безпрестанно на всѣ стороны повторяла: «я говорю!... я говорю!...»

Этимъ заключился *семейный праздникъ* — праздникъ выздоровленія больной, которая такъ много, много страдала!...

Нельзя не отдать справедливости г-ну Вейнтраубену *, дѣятельному, усердному магнетизеру; нельзя не порадоваться и новому, столь торжественному доказательству силы и благотворныхъ дѣйствій животнаго магнетизма.

Ѳ. Глинка.

* *Осипъ Ивановичъ Вейнтраубенъ*, медикъ при двухъ казенныхъ заведеніяхъ и членъ разныхъ ученыхъ обществъ, посвящаетъ все досужное время свое ученымъ изслѣдованіямъ животнаго магнетизма, издалъ недавно книгу подъ заглавіемъ: «Взглядъ на животный магнетизмъ въ отношеніи къ леченію болѣзней,» и съ особеннымъ успѣхомъ примѣняетъ теоріи свои къ дѣлу.

Прим. соч. статьи.

О ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ ПРОФЕССОРА ЛОРЕНЦА.

Руководство ко Всеобщей Исторіи. Сочиненіе докт. Фридриха Лоренца. Часть I и II. С. Петербургъ. 1841—1846.

Мы бѣдны историческими произведеніями. Вся наша литература по части всеобщей исторіи состоитъ изъ двухъ-трехъ оригинальныхъ диссертацій и нѣсколькихъ переводныхъ сочиненій. Кажется, при такой бѣдности, которая имѣетъ свои недозволенныя и позволительныя причины, появленіе каждаго нѣсколько замѣчательнаго историческаго сочиненія должно было бъ обращать на себя вниманіе журналовъ, этихъ неусыпныхъ дѣятелей въ области всеобщаго просвѣщенія, и тѣхъ лицъ, которыя, посвятивъ свою жизнь исторіи, этой самой современной въ Россіи наукѣ, могутъ избрать журналъ, чтобы обратить вниманіе читателей на сочиненіе, отличающееся благороднымъ и мужественнымъ образомъ мыслей и наукообразнымъ изложеніемъ, или передать читателямъ свое полное мнѣніе, созрѣвшее въ тиши кабинета и подтвержденное многолѣтнимъ изученіемъ. Напротивъ, у насъ ничего подобнаго не бываетъ. Превосходное сочиненіе профессора Лоренца прошло почти незамѣченное въ нашемъ литературномъ мірѣ. Журналы отзывались о немъ съ боль-

шою похвалою въ *немногихъ* словахъ; ученые до сихъ поръ — молчатъ. Одна публика умѣла оцѣнить добросовѣстный и многолѣтній трудъ—и въ самомъ непродолжительномъ времени потребовалось второе изданіе. Оно можетъ послужить доказательствомъ, съ какою благодарностію принимается у насъ всякое хорошее сочиненіе, и какъ у насъ велика потребность въ хорошихъ книгахъ. И такъ публика чиста отъ всякихъ обвиненій—а журналисты и ученые?

Если наши журналисты отозвались о сочиненіи проф. Лоренца въ *немногихъ* словахъ — эту немногословность легко извинить тѣмъ, что ихъ редакціи не достаетъ иногда спеціальныхъ свѣдѣній, которыя составляютъ необходимое условіе при обсужденіи ученаго труда. Люди, занимающіеся критикой изящно-литературныхъ произведеній — не всегда ученые судьи. Не таковы ученые. Если имъ, какъ Египетскимъ жрецамъ, вѣдомы всѣ тайны науки, то въ наше время они не должны сберегать науку какъ кладъ, но выносить ее на площадь къ народу. Въ самомъ дѣлѣ, времена безплоднаго, мертваго знанія прошли. Никто не вѣритъ болѣе возможности существованія касты, которая одна обладала бы знаніемъ. Наука дѣлается достояніемъ всѣхъ. Скажутъ, что на Западѣ, и особенно въ Германіи, еще существуетъ мертвая ученость. Правда, но тамъ она — историческое слѣдствіе, и лучшіе умы давно уже обратились къ новой жизни. У насъ нѣтъ никакой связи съ Средними вѣками — и мы, какъ народъ юный, должны

жить новою жизнію. По-этому и отношеніе Русскаго ученаго къ нашему обществу должно быть живое. Онъ долженъ знакомить общество со всѣми результатами науки и обращать его вниманіе на всякое замѣчательное произведеніе науки. Такимъ образомъ, вѣдѣніе скинетъ свои затвердѣлыя формы, тѣснѣе сольется съ обществомъ и возвыситъ его, содѣлавъ доступнымъ ему все высокое и облагороживающее человѣческую природу, которая къ-сожалѣнію легко поддается ежедневнымъ мелкимъ расчетамъ и матерьяльнымъ потребностямъ жизни.

Сдѣлали ли наши ученые хотя что-нибудь подобное въ отношеніи къ сочиненію профес. Лоренца? Мы видимъ, что рѣшительно нѣтъ. Если бы скромной литературной замѣткѣ позволено было представить статистическую таблицу нашихъ ученыхъ, то мы увидѣли бы, что у насъ *столько-то* доцентовъ исторіи, *столько-то* учителей этой науки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, нѣсколько ученыхъ, которые могли разобрать древнюю Исторію профес. Лоренца, другихъ, занимающихся Средними вѣками, которые могли бы сказать кое-что объ его Исторіи Среднихъ вѣковъ — и всѣ эти люди, занимающіеся наукою — молчатъ. А между-тѣмъ какое прекрасное поприще открылось бы для дѣятельности историка въ Россіи! Пора вытти изъ этаго состоянія дремоты, наводимаго сладкимъ far niente....

Профессоръ Лоренцъ, сколько намъ извѣстно, ученикъ знаменитаго Шлоссера. Давно уже въ Германіи прославился онъ превосходной монографіей:

Leben Alcuins, въ которой, кромѣ специальнаго изслѣдованія, представилъ характеристику Карла Великаго, можетъ быть, превосходнѣйшую изъ всѣхъ существующихъ. Въ Русской литературѣ явился онъ съ твореніемъ, въ которомъ представилъ результаты своихъ долголѣтнихъ занятій исторіею. Его *Руководство ко Всеобщей Исторіи*, занявшее надолго первое мѣсто въ числѣ историческихъ учебниковъ, не только у насъ, но и въ ученой Германіи было бы весьма замѣчательнымъ произведеніемъ, особенно если возмешь въ соображеніе тѣ обстоятельства, при которыхъ оно появилось. Ни одинъ изъ появившихся у насъ историческихъ трудовъ не заслуживаетъ бо́льшей похвалы. Въ самомъ дѣлѣ, сочиненіе профес. Лоренца отличается глубокой ученостью, правдивымъ, благороднымъ и спокойнымъ образомъ мыслей. Въ особенности величайшихъ похвалъ достойна его древняя исторія, къ которой мы относимъ и первое отдѣленіе второй части. Она представляетъ удивительно-гармоническое цѣлое и удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ науки. Геніальное воззрѣніе своего учителя на древній міръ, изложенное имъ въ Universalhistorische Uebersicht der Geschichte der alten Welt und ihrer Cultur, профес. Лоренцъ перенесъ и въ свою исторію. Не одинъ расказъ политическихъ фактовъ составляетъ предметъ его повѣствованій; нѣтъ — вся внутренняя и умственная жизнь древняго міра во времена процвѣтанія и распаденія съ удивительною стройностію и полнотою входитъ у пр. Лоренца въ тѣсныя рам-

ки, въ которыя заключенъ учебникъ, потому-что безъ изображенія этѣхъ высшихъ сторонъ человѣческаго духа исторія нынѣ является пустымъ сборникомъ фактовъ. Для опредѣленія высшаго достоинства этаго труда мы должны еще прибавить, что авторъ не остановился, подобно многимъ, на изслѣдованіяхъ своего учителя, но пошелъ далѣе и воспринялъ въ свой трудъ всѣ новѣйшія изслѣдованія. Такимъ образомъ исторія Востока и первыхъ временъ Греціи обработана у него совершенно въ иномъ, болѣе отчетливомъ и ученомъ духѣ, нежели у Шлоссера. Въ литературныхъ отдѣлахъ подтвержденіемъ нашихъ словъ можетъ служить, на прим., характеристика Платона и Аристотеля. Исторія преобразованія древняго міра есть, можетъ быть, одинъ изъ лучшихъ отдѣловъ всего сочиненія. Такимъ образомъ это лучшая книга для желающаго заняться древнею исторіей.

Теперь вышло второе отдѣленіе второй части, которымъ оканчивается изложеніе исторіи среднихъ вѣковъ. Одно поразило насъ при чтеніи исторіи среднихъ вѣковъ проф. Лоренца: это малое вниманіе, которое авторъ обратилъ на внутреннюю ихъ исторію, и совершенное отсутствіе литературныхъ отдѣловъ. Такимъ образомъ, гармоническое цѣлое, столь плѣнившее насъ въ его древней исторіи, здѣсь разрушено—и его средневѣковая исторія идетъ своимъ обычнымъ, устарѣлымъ путемъ: представлена одна внѣшняя жизнь, факты политической исторіи; всѣ

прочія стороны развитія человѣческаго духа опущены.

Гдѣ открыть причины такаго упущенія? Шлоссеръ обработалъ свою Weltgeschichte in zusammenhängender Erzählung совершенно въ иномъ духѣ, нежели Universalhistorische Uebersicht der Geschichte der alten Welt. Уважая глубокую ученость профес. Лоренца, должно было бы именно желать, чтобы онъ въ этой средневѣковой исторіи проложилъ новый путь и оказалъ ей ту самую услугу, которую Шлоссеръ оказалъ пониманію исторіи древняго міра. Расказывать въ наше время одну внѣшнюю исторію, представлять одинъ дремучій лѣсъ фактовъ — значитъ не исполнять во многомъ обязанности истиннаго историка.

Во-вторыхъ, никто не станетъ отвергать, чтобы средніе вѣка не имѣли такой же внутренней исторіи, какую имѣетъ наше время и имѣлъ древній міръ. Искуство историка будетъ состоять только въ умѣніи слить картину внутренней жизни въ цѣлое съ внѣшней исторіей. Никто не скажетъ также, чтобы въ средніе вѣка не существовало тѣсной связи между обществомъ и литературою: иначе намъ непонятны будутъ ни Дантъ, ни политическая поэзія трубадуровъ, ни Абеларъ, ни Арабская литература. Если вся литература Грековъ, Римлянъ и времени преобразованія древняго міра вошла въ древнюю исторію проф. Лоренца, отъ чего же не удостоилась этой чести литература среднихъ вѣковъ, ея великіе поэтическіе циклы, образованіе

Романскихъ языковъ, ея хроники и т. д?... А что самъ авторъ чувствовалъ живую связь литературы среднихъ вѣковъ съ жизнію общества, видно изъ двухъ мѣстъ о Дантѣ (стран. 212, 245) и цѣлаго отдѣла о схоластической философіи (стран. 111).

Если таковое упущеніе есть ошибка съ ученой точки зрѣнія, то эта ошибка вдвое непростительнѣе съ другой точки зрѣнія, именно—нашей практической потребности. Учебникъ (и особенно столь превосходный, какъ пр. Лоренца) у насъ до сихъ поръ все замѣняетъ, потому-что у насъ недостатокъ во всемъ. Если бы въ Германіи историкъ сдѣлалъ такое упущеніе, то преподаватель, руководящійся его книгой, могъ бы дополнить ученикамъ этотъ недостатокъ выписками изъ десятка разныхъ исторій литературъ. У насъ такихъ исторій литературъ нѣтъ. Всѣ учебныя пособія уѣзднаго и часто гимназическаго преподавателя состоятъ въ учебникѣ пр. Лоренца и разныхъ тетрадяхъ университетскихъ. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ у насъ читаются творенія Эсхила, Платона, Аристотеля и Квинтиліана и преподается исторія классической литературы. Напротивъ средневѣковая изящная литература, философія и исторіографія упускаются изъ виду —и тѣмъ значительнѣе была бы услуга, оказанная книгою пр. Лоренца, если бы она представила въ стройности этѣ стороны, равно столь же важныя, какъ и необходимыя для полноты развитія человѣческаго духа.

*

Глубокое уваженіе, которое мы питаемъ къ труду пр. Лоренца, побудило насъ высказать эти замѣчанія. Если мы въ чемъ-либо ошибаемся, то ошибаемся чистосердечно — и ученый біографъ Алкуина, вѣроятно, охотно проститъ ошибку новопосвященнаго въ его науку.

К. Герцъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Франція. La Grèce tragique, chefs-d'oeuvre d'Eschyle, de Sophocle et Euripide, traduits en vers par M. P. Halévy. Извѣстный критикъ Ф. Шаль называетъ этотъ переводъ художественнымъ.

Г. Леузонъ Ледюкъ издалъ переводъ «Героя нашего времени» Лермонтова подъ заглавіемъ: Une saison aux bains du Caucase, traduit de Lermontoff, par M. Léouzon Le Duc. 1 vol. in. 8. J. Labitte.

Г. Озано издалъ «Исторію Франціи», въ которой историческіе факты расположены не по царствованіямъ, а по столѣтіямъ.

Книгопродавецъ Paguerre издаетъ Nouveaux résumés historiques. Histoire de tous les pays du monde depuis leur origine jusqu'à 1846. Avec une notice biographique sur leurs grands hommes. Pris 1 fr. 50 c. le volume. Теперь вышли: Исторія Ирландіи, Австріи, Англіи, Океаніи, Пруссіи.

Вышли новыя стихотворенія Ребуля, извѣстнаго поэта-хлѣбника въ Нимѣ.

Два сочиненія объ Алжирѣ должны обратить на себя вниманіе совершенно съ противоположныхъ точекъ зрѣнія: одно — политическое — La France en Algérie, другое — ученое, издаваемое братьями Дидо: Exploration scientifique de l'Algérie, великолѣпно изданное, коего первый выпускъ теперь вышелъ.

Выходитъ новое иллюстрированное изданіе: Histoire d'Angleterre par M. M. de Roujoux et Alfred Mainquet.

Книгопродавецъ Гилльоменъ издалъ: Des prétendues erreurs, dans lesquelles, au jugement des économistes modernes, seraient tombés les anciens économistes relativement au principe de la richesse nationale; par M. Dutens. Brochure in 8°.

Вышелъ первый выпускъ: La Provençe ancienne et moderne, par Eugène Guinot, illustrée par T. Johannot, etc.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Парижской Академіи г. Летроннъ читалъ отрывокъ изъ новаго сочиненія Ог. Тьерри: Histoire de la formation et des progrès du Tiers-Etat, который чрезвычайно хвалятъ всѣ газеты.

Г. Колло, сослуживецъ Наполеона, написалъ поэму: La chute de Napoleon, 1 et 2 chants, suivis de notes historiques. Perrotin.

Вышли 7-й и 8-й томы сочиненія Капфига: l'Europe depuis l'avénement du roi Louis-Philippe.

Извѣстный критикъ Филаретъ Шаль издалъ: Le dix-huitième siècle en Angleterre, 2 vol., собраніе статей, носящихъ въ первой части заглавіе: Études politiques. а во второй Études humoristiques.

Г. Минье напечаталъ второе изданіе своего сочиненія: Антоніо Перецъ и Филиппъ II.

Викторъ Шёлхеръ, извѣстный публицистъ, издалъ: l'Egypte en 1845, 1 vol., гдѣ разсматриваетъ нравы, политику, управленіе новаго Египта и т. д.

Книгопродавецъ Аміо издалъ 3 и 4 томы Исторіи Европейскихъ государствъ со времени Вѣнскаго конгресса, соч. Виконта Бомона де Басси. Они содержатъ соціальную и политическую исторію Великобританіи.

Вышло: Éloquence et improvisation. Art de la parole oratoire au barreau, à la tribune, à la chaire. Par Gorgias. 1 vol.

У братьевъ Фирменъ Дидо вышли: Annales du parlément français ou compte-rendu méthodique des débats des deux Chambres, par une Société de publicistes. 8-e année de la publication.

Италія. Г. Станиславъ Алое, секретарь Бурбонскаго музея, издалъ небольшое сочиненіе о картинахъ Цингаро, находящихся въ монастырѣ Санъ-Северино въ Неаполѣ: Le pitturre dello Zingaro, dinotanti i fatti di S. Benedetto. съ 17 гравюрами.

Англія. Лордъ Брумъ издалъ второй томъ своего сочиненія: Жизнеописанія ученыхъ и литераторовъ временъ правленія Георга III. Въ немъ содержатся біографіи Д. Джонсона, Адама Смита, Гиббона, Бенкса, Лавуазье и д'Аламбера. Извѣстно, что Брумъ изо всѣхъ Европейскихъ народовъ знаетъ только Англичанъ и Французовъ.

Сынъ О'Коннелля началъ издавать біографію и рѣчи своего отца: The life and speeches of Daniel O'Connell. M. P. Edited by his son sohn O'Connell. Vol, 1. Duffy.

Halliwell's Letters of the Kings of England. Это собраніе оригинальныхъ писемъ, расположенныхъ въ

хронологическомъ порядкѣ, королей и королевъ Англійскихъ, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Особенно богато собраніе писемъ Генриха VIII, и его любовныхъ писемъ къ Аннѣ Болейнъ.

Богатый Лондонскій банкиръ Георгъ Гротъ, потомокъ знаменитаго Гуго Гроція, издалъ A History of Greece, 2 vol., собственно исторію наукъ, искуствъ и литературы Греціи. Журналы очень хвалятъ книгу. Они говорятъ, что авторъ прилежно, но разборчиво пользовался трудами Нѣмецкихъ ученыхъ.

Германія. Вышло второе изданіе книги; Heinrich Pestalozzi, sein Leben und Wirken. Zürich. Meyer.

Das Amelungenlied von Dr. Karl Simrock. 2-ter Theil.

Книгопродавецъ Бехеръ въ Стутгартѣ издалъ: Gespräche aus der Gegenvart über Staat und Kirche.

Новыя стихотворенія: Dichtungen von Dr. G. Ios. Keller. 2 Bände. — Strahlen und Schatten. Gedichte von Ludwig Foglar. — Fabeln und Lieder von I. B. Bandlin. — Gedichte von C. K. Kunel.

Принимающіе участіе въ великихъ современныхъ вопросахъ должны обратить вниманіе на слѣдующее историческое сочиненіе: Geschichte der Auflösung der Jesuiten-Congregationen in Frankreich im Jahre 1845. Nach den besten Materialien und unter Benutzung handschriftlicher Quellen bearbeitet von Ludwig. Hahn.

Извѣстный филологъ Тафель издалъ любопытную для занимающихся языкоученіемъ брошюру:

Die analysische Sprachlehrmethode von Dr. Leonhard Tafel. Cotta.

Адольфъ Бётгеръ издалъ переводъ слѣдующаго Китайскаго романа: Die blutige Rache einer jungen Frau. Nach der in Canton 1839 erschienenen Ausgabe von Scoth übersetzt von Adolf Böttger. Leipzig.

Извѣстный историкъ-профессоръ Дройзенъ издалъ свои лекціи о новѣйшей исторіи, подъ заглавіемъ: Vorlesungen über die Freiheitskriege. Erster Theil.

Выходитъ второе изданіе Виртовой Исторіи Германіи.

Филиппъ Лебенштейнъ перевелъ на Нѣмецкой «Мертвыя души» Гоголя.

Куртіусъ, извѣстный своею монографіею объ Акрополисѣ Аѳинскомъ, издалъ теперь изящно написанную монографію объ островѣ Наксосѣ.

Принимается подписка на die Geschichtschreiber der deutsche Vorzeit in deuscher Bearbeitung. Herausgegeben von G. Pertz J. Girmm, K. Lachmann, L. Ranke, K. Ritter.

Вышли: второй томъ совершенно переработаннаго втораго изданія Исторіи Римскаго права, профессора Вальтера, и второй томъ біографіи Оригена, соч. Редепеннинга.

Генрихъ Дитмаръ издаетъ Всеобщую исторію съ популярною цѣлью. Это сочиненіе написано съ точки зрѣнія, такъ называемаго авторомъ, Христіанскаго мірового воззрѣнія.

Извѣстный историкъ Мугамеда профессоръ Густавъ Вейль издалъ очень важный историческій трудъ: Geschichte der Chalifen vom Tode Mohammeds bis zum Untergange der Omejjaden. 1-ster Theil.

I. Г. Keберле издалъ первый томъ своего сочиненія: Римъ подъ правленіемъ трехъ послѣднихъ папъ. Онъ обнимаетъ эпоху правленія Льва XII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Исторія новѣйшихъ временъ профессора Дройзена.

Лекціи объ Исторіи новѣйшихъ временъ. Соч. профессора І. Г. Дройзена въ Килѣ. Первая часть. 1846 (Vorlesungen über die Freiheitskriege. Von Ioh. Gust. Droysen).

Если историческое произведеніе возвышается надъ простымъ расказомъ происшествій, и употребляетъ факты съ одною цѣлію познать изъ нихъ то, что выше фактовъ — въ немъ всегда заключается идея, которая содержитъ въ себѣ зародышъ цѣлаго и составляетъ цѣль всего творенія. Подобный трудъ очень важенъ, если онъ разсматриваетъ времена отдаленныя; но онъ становится вдвое важнѣе, когда изображается къ намъ близкое время и несовершившійся процессъ элементовъ, насъ окружающихъ. Съ интересомъ встрѣчаемъ мы всякій новый трудъ по части новѣйшей исторіи; но это участіе должно увеличиться при появленіи сочиненія, писаннаго извѣстнымъ глубокомысленнымъ ученымъ и неподкупнымъ историкомъ. Таковъ трудъ, котораго заглавіе выписано выше. Постараемся означить немногими словами, въ чемъ состоитъ самостоятельность и своеобразность этаго сочиненія.

Должно признаться, что заглавіе подлинника, данное авторомъ сочиненію на Нѣмецкомъ языкѣ, не-

вольно приводитъ на память картину того времени, когда Германія собственными силами освободилась отъ чужеземнаго владычества. Но весьма ошибся бы тотъ, кто подумалъ бы, что это сочиненіе посвящено исторіи Нѣмецкихъ войнъ за свободу. Всю исторію новѣйшихъ государственныхъ переворотовъ называетъ Дройзенъ этимъ именемъ. Поэтому все время отъ Людовика XIV до нашихъ дней для него — цѣлое, но еще не оконченное; Англійскіе, Американскіе, Французскіе и Нѣмецкіе государственные перевороты — только звенья *одной* цѣпи, ступени въ развитіи *одной* идеи. А эта идея не что иное, какъ исторія новой государственной идеи, которая въ тяжкой борьбѣ очищаетъ себѣ дорогу къ одной цѣли у всѣхъ народовъ Запада, самостоятельно развиваясь у каждаго. Творепіе Дройзена—могучій и глубокомысленный опытъ описать ту силу, которой проявленія суть какъ единичныя великія происшествія, такъ и всеобщій ходъ вещей; осязать тѣ, если можно такъ выразиться, элементарныя силы, изъ которыхъ въ такомъ смѣняющемся, разнообразномъ богатствѣ проистекаютъ созданія и образы исторіи; это—энергическое и могученапряженное стремленіе возсоздать не описаніе или анатомію, но физіологію всего происшедшаго, и изобразить его предъ нашими глазами въ живыхъ чертахъ. Въ этомъ отношеніи твореніе Дройзена—единственное въ своемъ родѣ, и можно заранѣе быть увѣренымъ, что юношески-живое и богатое твореніе его найдетъ полное одобреніе у всѣхъ, кто хочетъ узнать не только то, что

происходитъ, но и научиться изъ происходящаго, и кто способенъ въ единичномъ явленіи или отдѣльномъ состояніи открыть или предчувствовать стремящіеся къ одной точкѣ радіусы всѣхъ человѣческихъ отношеній.

Ясно, что вышеозначенная задача условливала содержаніе и форму сочиненія. Семь отдѣловъ этаго творенія (государство, матерьяльные интересы, духовное развитіе, старая Европа, сѣверо-Американская война за независимость, начало Европейскаго переворота, Французская война) обнимаютъ всю жизнь прошлаго столѣтія, которую Дройзенъ хочетъ воспринять въ свою идею. Тѣсный объемъ для столь огромной задачи принуждаетъ его, во-первыхъ, предположить, что читателю знакома вся такъ называемая исторія. По-этому въ сочиненіи Дройзена нечего ожидать собственно исторіографіи: цѣль его не ознакомить съ новѣйшеи исторіеи, но заставить читателя уразумѣть уже знакомые факты. Изъ этаго явно слѣдуетъ, что авторъ, оставивъ въ сторонѣ хронологическое основаніе, творитъ и группируетъ по собственной волѣ и по законамъ своеи идеи, иное принимаетъ въ свое изображеніе, другое переходитъ молчаніемъ. Сочиненіе Дройзена занимаетъ важное мѣсто именно потому, что мы видимъ, какъ могучая и геніальная индивидуальность, образованная наукой, своеобразно владѣетъ тяжелымъ матерьяломъ, но поступаетъ съ нимъ не произвольно, а всегда имѣя въ виду опредѣленную цѣль — идею развивающейся новой государствен-

ной жизни. По-этому авторъ, несвязанный опредѣленнымъ порядкомъ хронологіи, группируетъ обстоятельства и происшествія такъ, что они представляютъ прекраснѣйшую и самую ясную картину. Если строгія требованія критики найдутъ въ этомъ источникъ погрѣшностей (только появленіе втораго и послѣдняго тома, который долженъ разрѣшить высшую и труднѣйшую задачу, можетъ доставить окончательное удовлетвореніе); то должно вспомнить, что эта индивидуальность въ расположеніи есть источникъ прекрасныхъ и почти художественно оконченныхъ изображеній отдѣльныхъ состояній, изображеній, которыя частью придаютъ сочиненію болѣе, нежели одно историческое достоинство. Въ этомъ отношеніи отличается третій отдѣлъ (духовное развитіе), который всѣ прочтутъ съ истиннымъ наслажденіемъ. Намъ легко было бы указать на многія подобныя мѣста, но читатели легко ихъ сами найдутъ.

Но должно признаться, что всѣ этѣ частности мы не считаемъ главнымъ достоинствомъ этаго сочиненія. Новый, рѣшительно-дѣятельный элементъ вошелъ съ нашимъ вѣкомъ въ исторію — и этотъ элементъ есть *общество* народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое общество народовъ, этотъ гражданскій порядокъ, эта вѣчно подвижная область атомистической жизни, въ которой по-видимому безъ всякаго порядка недѣлимые ведутъ другъ съ другомъ упорную войну, движутся, являются и исчезаютъ, не оставляя никакаго слѣда? Гдѣ найти намъ это общество, схватить его черты, проникнуть въ его ма-

стерскую? Какъ узнать намъ его значеніе? Не должно думать, что можно вдругъ разрѣшить подобныя задачи, если даже онѣ заданы съ величайшею опредѣленностью. Пониманіе общества вырабатывается столь же медленно, сколь медленно вырабатываетъ общество свое политическое значеніе. Часто источникъ самаго новаго явленія должно искать въ отдаленномъ времени. Это самое исканіе и есть предметъ глубочайшей важности; для того, чтобы существованіе общества поясняло его разсматриваніе, должно изслѣдовать тѣ причины, которыя внесли общество въ исторію. Изслѣдованія подобнаго рода уже не новость въ Нѣмецкой исторіографіи. На жизнь общества уже обратили вниманіе Шлоссеръ, Дальманъ и другіе корифеи Нѣмецкой исторіографіи, хотя они часто и не произносятъ его имени. Но столь же справедливо и то, что у всѣхъ прочихъ писателей общество и его исторія являются только подчиненнымъ моментомъ въ исторіи; общество чаще является въ исторіи, нежели исторія въ обществѣ. Можетъ быть, это справедливо, коль скоро дѣло идетъ только о прошломъ столѣтіи. По крайней мѣрѣ обстоятельства могутъ въ этомъ случаѣ пояснить форму изложенія. Совершенно иначе будетъ, если мы признаемъ внутреннюю связь развитія прежнихъ временъ съ настоящимъ. То, что связываетъ наше настоящее въ его глубочайшемъ значеніи съ жизнью всѣхъ вѣковъ, есть именно образованіе могущества и самосознанія общества и его отношеній. По-этому твореніе, подобное сочиненію

Дройзена, не могло остановиться на обыкновенномъ пониманіи общества. Существенное содержаніе его составляетъ созданіе и выполненіе идеи, что истинная исторія государства новѣйшихъ временъ есть исторія общества, которое составляетъ и условливаетъ государство. И Дройзенъ не высказалъ этаго явно; но изъ его творенія мы видимъ, что такова была его цѣль. Съ этой точки зрѣнія сочиненіе его раздѣляется на двѣ большія группы. Первая содержитъ четыре первые отдѣла. Въ нихъ авторъ означаетъ элементы, которые въ народѣ приготовили новыя формы для его требованій и слѣдовательно новую форму вещей. Въ особенности принадлежитъ сюда второй отдѣлъ о *матерьяльныхъ* интересахъ, и третій о *духовномъ* развитіи. Здѣсь авторъ выставилъ на первомъ планѣ значеніе и достоинство ряда явленій, которыя или совершенно опускаются, или въ исторіи появляются въ видѣ замѣтокъ. Городовыя отношенія, судоходство, свободная торговля, банковая и кредитная системы, финансы, физіократы — не являются у него чѣмъ-то случайнымъ, но суть истинные коэффиціэнты историческаго развитія. Соотвѣтственнымъ образомъ, въ духовной жизни народовъ, являются у Дройзена стройнымъ цѣлымъ музыка, драматическое искуство, образованность, критика. Вторая группа содержитъ характеристику, а не собственную исторію новыхъ войнъ. Ясно, какую основную мысль имѣлъ авторъ. Вышеозначенные элементы внутренно пересоздали общество народа — и это пересозданіе есть истинное

содержаніе прошлаго столѣтія. По результату этаго пересозданія еще недостаетъ опредѣленнаго внѣшняго положенія и значенія въ государствѣ и правѣ. Не смотря на то, вышеозначенные элементы, въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ, быстро идутъ впередъ и развиваются, преслѣдуя одно и тоже направленіе — и къ концу прошлаго столѣтія ближе и ближе приближается мгновеніе страшной борьбы противоположностей. Этой борьбою оканчивается вторая половина первой части.

Мы еще не знаемъ, какимъ образомъ авторъ представитъ намъ примиреніе этѣхъ крайностей. Но если мы сообразимъ содержаніе его сочиненія, развивающаго противоположность новой идеи общества съ старою формою и устарѣвшимъ государственнымъ правомъ; то можно догадаться, что результатъ прошлаго вѣка, рѣшеніе загадки, есть образованіе представительнаго правленія на Западѣ. Другая главная черта, составляющая собственно характеръ нашего времени, есть борьба въ самомъ обществѣ. Мы еще не можемъ предузнать, изобразитъ ли авторъ эту борьбу; но по его плану онъ конечно можетъ не говорить о ней. Во всякомъ случаѣ, сочиненіе Дройзена служитъ яснымъ доказательствомъ мнѣнія, которое мы никогда не устанемъ повторять, и которое, если не у современниковъ, то у послѣдующихъ поколѣній сдѣлается аксіомою истинной исторіографіи. Старая повѣствовательная и описательная исторіографія, не смотря на всѣ свои заслуги, нынѣ недостаточна. Исторіографія, въ выс-

шемъ значеніи слова, не можетъ существовать безъ глубокаго знанія государственныхъ наукъ. Онѣ открываютъ намъ познаніе и изслѣдованіе внутренней жизни исторіи, истинную физіологію человѣческаго рода. Онѣ — путь къ правильному уразумѣнію жизни міра. Рѣдко удавалось намъ прочесть историческій трудъ, который доказалъ бы столь ясно истинность этаго убѣжденія и необходимость изученія этѣхъ наукъ. Истинное значеніе сочиненія Дройзена состоитъ въ томъ, что оно возникло изъ этой основной мысли—и тѣмъ съ бо̀льшимъ нетерпѣніемъ ожидаемъ мы появленія втораго и послѣдняго тома, который долженъ рѣшить задачу, въ самомъ дѣлѣ трудную.

Съ Нѣмецк. К. Герцъ.

РАЗНОЕ.

— Читатели Современника конечно порадуются съ нами, что *В. А. Жуковскій* продолжаетъ обогащать Русскую словесность прекрасными своими произведеніями. Независимо отъ великаго труда своего — перевода Гомеровой Одиссеи — онъ постоянно вноситъ въ листы Современника собственныя созданія, эти вѣчные образцы граціи, нравственности, вкуса и языка. Его поэзія, въ наше время, есть какъ бы небесный лучь, приносящій сердцу отраду и надежду: отраду — посреди явленій то ничтожныхъ, то безвкусныхъ; надежду, что временное уклоненіе отъ законовъ чистоты и изящества, господствующее въ бо̀льшей части Европы, никогда не одолѣетъ великаго таланта и не поработитъ сердца, полнаго религіозныхъ помысловъ и возвышенныхъ истинъ. Намъ представлялось нѣсколько случаевъ — и каждый разъ мы высказывали убѣжденіе наше, что поэзія, наравнѣ съ другими чувствованіями, украшающими человѣчество, не временное достояніе какаго-нибудь вѣка, или страны, а существенная, неизмѣнная принадлежность избранныхъ, посылаемыхъ на землю Провидѣніемъ для возвѣщенія святыхъ Его законовъ и оправданія божественности души человѣческой. Ежели по временамъ утѣшительные звуки и высокія истины поэзіи уступаютъ мѣсто голосу и ученію неправды, клеветы и злоязычія — это не

конецъ царствованію святыни, это неизбѣжное волненіе земныхъ страстей, это безсильное посягательство недостойныхъ устъ и прокаженнаго сердца на чуждую имъ принадлежность. Есть и посреди литераторовъ, такъ называемые, *самозванцы*, которые, пользуясь жадностію черни къ новымъ зрѣлищамъ, слѣпо пускаютъ въ ходъ ложныя свои идеи, какъ фальшивую монету, и хитро-сотканные вымыслы, громко увѣряя невѣжество, что имъ удалось наконецъ открыть *новыя* истины. У нихъ между-тѣмъ затаены двѣ цѣли—извѣстность и прибытокъ. Стыдъ паденія и казнь посмѣянія не устрашаютъ ихъ. Тогда, какъ литераторъ, достойно отвѣчающій своему призванію, вноситъ въ общество благотворные плоды своего размышленія, наблюденій и опытовъ, самозванцы-литераторы только подсматриваютъ, чѣмъ удобнѣе обольщается чернь — и усердно угощаютъ ее тѣмъ, что болѣе и болѣе уводитъ ее отъ праваго пути. Такъ нынѣ во Франціи ежедневные листы газетъ безстыдно наполняются дюжинными романами и повѣстями, единственно потому, что праздность, легкомысліе и невѣжество, за ихъ чтеніемъ, охотно убиваютъ свое время. Мысль о лучшемъ направленіи общества и достоинствѣ умственныхъ занятій таится только въ немногихъ писателяхъ, составляющихъ отрадное исключеніе изъ толпы. Не безъ сожалѣнія и у насъ многіе замѣчаютъ преобладаніе литературы мелочной и празднословной надъ распространеніемъ ученія здраваго и благотворнаго. И у насъ самозванцы-литераторы останавливаютъ

то прекрасное умонаправленіе въ обществѣ, которое попечительное Правительство успѣло привести въ движеніе, устроивъ въ государствѣ столько высшихъ каѳедръ разныхъ частей вѣдѣнія. Наши простодушные провинціалы, по-видимому, требуютъ однихъ романовъ и повѣстей, не заботясь о томъ, что это чтеніе, подобно разговорамъ за картами, пересудамъ и сплетнямъ, убиваетъ время, не внося въ умственную жизнь ни единой новой мысли. Насъ поразило случайное вычисленіе, сколько листовъ на одинъ мѣсяцъ Іюнь занято романами и повѣстями въ двухъ журналахъ, любимыхъ провинціалами, и сколько листовъ напечатано въ прочихъ отдѣленіяхъ, которыя публикованы въ программахъ тѣми же журналами. На эту журнальную статистику, или точнѣе сказать — тактику, донынѣ, кажется, не было обращено вниманія. Въ Іюньской книжкѣ «Библіотеки для чтенія» содержится всего 27 печатныхъ листовъ. Изъ нихъ на *семнадцати* помѣщены романы или повѣсти. На каждое изъ прочихъ *шести* отдѣленій журнала, которыя должны бы равны быть первому, пожертвовано редакторомъ только по $1^2/_3$ печатнаго листа. «Отечественныя Записки» того же мѣсяца составлены изъ $31^3/_4$ печат. лист. На пятнадцати листахъ все романы да повѣсти. Для всякаго изъ остальныхъ *семи* отдѣленій журнала достается съ небольшимъ по 2 печат. листа. И-такъ первый изъ этихъ журналовъ, *въ теченіе года,* вноситъ, на прим., въ область наукъ столько новыхъ извѣстій, сколько ихъ помѣстится на *двадцати пе-*

чатныхъ листахъ, а отдѣленіе праздныхъ расказовъ онъ плодитъ на *404* листахъ. Та же пропорція существенныхъ пріобрѣтеній нашей литературѣ и отъ втораго журнала, который только и дѣлаетъ, что тянется за первымъ. Мы согласны, что и переводы, даже переводы романовъ, могутъ быть полезны. Карамзинъ и Жуковскій, издавая журналъ, доставили нашей словесности переводами своими такіе образцы, которые, по языку и изображеніямъ нравовъ и характеровъ, до сихъ поръ намъ драгоцѣнны. По нимъ образовался вкусъ и нравственное чувство цѣлыхъ поколѣній. Но кто хоть разъ, по прошествіи мѣсяца, вспомнилъ романъ или повѣсть изъ напечатанныхъ въ «Библіотекѣ для чтенія» и «Отечественныхъ Запискахъ»? Все исчезаетъ, потому-что все берется только по новости, безъ оцѣнки внутренняго достоинства, и переводится языкомъ школьниковъ. Недавно Москвитянинъ (№ 4, 1846) вздумалъ-было пересмотрѣть логическія и грамматическія ошибки въ какой-то повѣсти «Отечественныхъ Записокъ», но увидѣлъ, что это нескончаемая работа. Вотъ почему въ нынѣшнее время и важно встрѣтить новую пьесу такаго писателя, какъ В. А. Жуковскій. Намъ пріятно предувѣдомить читателей нашихъ, что В. А. Жуковскій прислалъ уже и для XLIV тома Современника еще новое свое стихотвореніе.

— *Г-нъ Булгаринъ* въ Ливонскихъ Письмахъ (Сѣв. Пч. № 128, 1846), которыя адресуетъ онъ къ А. Н. Гречу, титулуя его *своимъ помощникомъ*, между прочимъ говоритъ: «Наконецъ дождался я

весны, и вырвался изъ сѣтей, удерживающихъ меня въ большомъ городѣ, гдѣ *на нашу долю*, приходятся одни литературные дрязги, грязные брызги раздраженнаго самолюбія, зависти, клеветы, то есть, *дрожжи изо всей нравственной природы человѣческой.*» Горестное, жалкое существованіе, если оно изображено вѣрно! И-такъ два человѣка, г-нъ Булгаринъ и его помощникъ, посвятивъ жизнь, по-видимому, благороднѣйшему и полезнѣйшему изъ занятій, открыто сознаются, что *на ихъ долю* досталась вся гадость, какая только можетъ завестись въ человѣческой природѣ. Ни съ кѣмъ изъ литераторовъ, въ прежнее время, не бывало подобнаго, можно сказать, примѣрнаго несчастія. Напротивъ того, каждый писатель благодарилъ Бога, что Онъ указалъ ему въ жизни дорогу добра, свѣта и чести. Въ самомъ дѣлѣ, завидно положеніе писателя во всѣхъ отношеніяхъ. Его все время занято сообразно прекраснымъ потребностямъ души его. Каждый день, даже каждый часъ онъ увеличиваетъ неоцѣненныя сокровища свои новыми знаніями. Труды его безпрестанно обращаются во благо и назиданіе человѣчеству. Проникнутый любовію къ истинѣ, добру и изяществу, онъ высочайшимъ наслаждается счастіемъ, чувствуя въ душѣ сознаніе, что призванъ свыше дѣлиться съ подобными себѣ этими неисчезающими благами и содѣйствовать совершенствованію братій своихъ. Если бы даже, по скромности, или тѣсному кругу, въ которомъ судьба опредѣлила жить ему, и не питался онъ столь гордыми мечтами, все

же на его долю досталось одно утѣшительное и благородное — дѣйствовать согласно съ волею Провидѣнія, по законамъ высшаго разума, очищать собственную душу, возносить ее къ источнику чистѣйшихъ помысловъ и постоянно пріуготовлять себя къ безсмертію, не суетному и ложному, а къ тому, которое доступно чистотѣ, смиренію и подвигамъ истинной добродѣтели. Вотъ что, по нашему понятію, *досталось на долю писателя*. Отъ чего же нѣкоторые изъ нихъ такъ часто ропщутъ нынѣ на свою участь? Отвѣтъ на этотъ вопросъ теперь уже не тайна. Нѣкоторые писатели изъ подвижниковъ добра, свѣта и чести сдѣлались контробандистами. Забывъ о благородномъ происхожденіи своемъ, они занялись ремесломъ позорнымъ. Все ихъ стремленіе направлено къ тому, какъ бы только нажиться. Благія свойства души, которыя присутствіемъ своимъ уже высказываютъ человѣку, что онъ призванъ стать надъ толпою и отвергнуть ея грязныя вождѣленія, эти люди назвали средствами къ богатству и другимъ соблазнамъ. Перемѣшались всѣ понятія. Прежде почиталось достоинствомъ выдерживать неукоризненность жизни; корыстныя лишенія признавались обязанностію честнаго рода; происки, обманъ и другія низости предоставлены были жалкому классу людей, которые прибѣгаютъ къ нимъ по невѣжеству или разврату; прежде добродѣтель была святынею, за которую не искали денегъ, а хранили ее въ сердцѣ, и только теплотою и благоуханіемъ ея животворили прибѣгающихъ къ ея

обители. Прежде и всѣ дары неба — великодушіе, благоволеніе, мягкосердіе, любовь, дружелюбіе, чувствительность, ощущеніе красотъ природы и искусства, воображеніе, зиждительная сила поэзіи, краснорѣчіе — всѣ блага, не пріобрѣтаемыя усиліемъ и куплею, но получаемыя отъ Бога, не безчестились прозвищемъ товара, а обладающіе ими — званіемъ промышленниковъ. Теперь безстыдно утверждаютъ, что *всякой* подвигъ и вещь, имъ сфабрикованная, законно должны быть выплачены. И-такъ за спасеніе погибавшихъ во время пожара, наводненія, голода, за утѣшеніе страдальцевъ въ горести, отчаяніи, за вдохновенную мысль или слово, вырвавшееся изъ устъ въ минуту небеснаго восторга души, слово, окрилившее на высокій подвигъ юношу, который безъ него не умѣлъ бы разгадать цѣли жизни — за все это *по-нынѣшнему* надобно требовать отъ мѣстнаго начальства вознагражденія, или подыматься на хитрости, чтобы, искусно опубликовавъ свой товаръ, собрать за него повыше цѣну съ обывателей? Вотъ куда привела насъ безсмысленная толпа писателей, *философски* опредѣляющихъ, что гдѣ былъ трудъ, тамъ должна быть и цѣна. Отуманенные лжеумствованіемъ, подстрекаемые подобными себѣ и жаждущіе только успѣха вещественнаго, они то воюютъ между собою, то обманываютъ покупщиковъ, то перехватываютъ запрещенные товары — и на долю ихъ, по точному выраженію г-на Булгарина, приходятся одни

дрожжи изо всей нравственной природы человѣческой.

— Кто постоянно читаетъ «Отечественныя Записки», тотъ знаетъ, что онѣ безостановочно, въ защиту Запада, воюютъ противъ Москвитянина, который осмѣливается многое Русское предпочитать иному чужеземному. Нельзя надивиться, какъ мастерски плодитъ Редакція «Отечественныхъ Записокъ» одну самую простую, старую и всѣмъ извѣстную мысль, что истинно-хорошее вездѣ хорошо, у насъ ли оно въ Россіи, или на Западѣ. Еще удивительнѣе, что этотъ журналъ столько лѣтъ не перестаетъ взводить на своего противника совершенную небылицу. Кому придетъ въ голову разглашать о противникѣ нелѣпость, будто онъ, помѣшавшись на старинѣ какъ раскольникъ, предаетъ проклятію всякое полезное изобрѣтеніе или открытіе Запада, если онъ утверждаетъ, что, изъ двухъ равно-хорошихъ вещей, лучше, законнѣе свою родную предпочитать чужой? Но «Отечественныя Записки» не усомнились вести такую войну противъ Москвитянина. Изъ множества доказательствъ возьмемъ послѣднее, напечатанное въ Іюньской ихъ книжкѣ. Редакторъ «Москвитянина» въ № 4 помѣстилъ элегіи М. А. Дмитріева, въ которыхъ поэтъ остроумно, граціозно и живописно изобразилъ противоположность новаго образа жизни Русскихъ и стариннаго. Это живая, прелестная поэтическая картина. «Отечественныя Записки» тотчасъ составили на нее западную статью, подъ хит-

рымъ названіемъ: *Нѣсколько словъ о чрезвычайномъ событіи въ литературномъ мірѣ,* гдѣ увѣряютъ, будто *поэтъ* (возмемъ для потѣхи ихъ собственныя слова) *порицаетъ благія мѣры Петра Великаго, которыя если и отзывались въ свое время крутостью, за то принесли такіе обильные плоды, такую очевидную пользу!* Любопытно знать, въ какихъ выраженіяхъ «Отечественныя Записки» прочитали бы поученіе Тибуллу, или переводчику его Батюшкову, если бы нынѣ попали въ Москвитянинъ столь извѣстные очаровательные стихи:

«Зачѣмъ мы не живемъ въ златыя времена?
Тогда безпечныя народовъ племена
Путей среди лѣсовъ и горъ не пролагали
И раломъ никогда полей не раздирали;
Тогда не мчалась ель на легкихъ парусахъ,
Несома вѣтрами въ лазоревыхъ моряхъ —
И кормчій не дерзалъ по хлябямъ разъяреннымъ
Съ Сидонскимъ багрецомъ и съ золотомъ безцѣннымъ
На утломъ кораблѣ скитаться здѣсь и тамъ;
Дебелый волъ бродилъ свободно по лугамъ,
Топталъ душистый злакъ и спалъ въ тѣни зеленой;
Конь борзый не кропилъ узды кровавой пѣной:
Не зрѣли на поляхъ столповъ и рубежей,
И кущи сельскія стояли безъ дверей;
Медъ капалъ изъ дубовъ янтарною слезою;
Въ сосуды молоко обильною струёю
Лилося изъ сосцовъ питающихъ овецъ.
О мирны пастыри, въ невинности сердецъ
Безпечно жившіе среди пустынь безмолвныхъ!
При васъ, на пагубу друзей, единокровныхъ,

На наковальнѣ млатъ не изваялъ мечей —
И ратникъ не гремѣлъ оружьемъ средь полей.

— Любопытно видѣть, съ какой точки смотритъ на современную Французскую литературу извѣстный своими учеными трудами Французскій писатель Мишле. Въ одномъ изъ новѣйшихъ своихъ произведеній онъ говоритъ слѣдующее: «Слѣдовало бы разсмотрѣть, дѣйствительно ли представляютъ картину Франціи, Французскія книги, пользующіяся такою популярностію и такимъ авторитетомъ въ Европѣ? Не показываютъ ли онѣ исключительно однѣ невыгодныя стороны, и не сдѣлали ли намъ огромнаго вреда у иностранцевъ этѣ картины, въ которыхъ являются только наши пороки и наше безобразіе? Талантъ, добросовѣстность авторовъ придаютъ ихъ словамъ отяготительный вѣсъ. Свѣтъ принялъ ихъ книги за ужасный судъ, произнесенный Франціею надъ самой собою. Классическіе безсмертные романы, представляющіе семейныя драмы класса богатыхъ, упрочили въ Европѣ мысль, что нынѣ семейная жизнь не существуетъ болѣе во Франціи. Другіе, обличающіе въ авторахъ большой талантъ, въ своей ужасной фантасмогоріи представили города наши мѣстами, гдѣ полипія сосредоточиваетъ разныхъ преступниковъ и бѣглыхъ каторжныхъ. Европа читаетъ съ жадностію, удивляется, узнаётъ нѣкоторыя подробности. Отъ незначительнаго обстоятельства, представленнаго вѣрно, она легко дѣлаетъ заключеніе объ истинѣ цѣлаго. Писатели наши думали, что са-

кается этимъ благороднымъ порывомъ за границу истины: онъ представляетъ заблуждающихся писателей, о которыхъ говоритъ, какъ о какихъ-то герояхъ правды, хотя и фанатическихъ. Смѣло можно сказать однако, что девяносто девять сотыхъ современныхъ писателей Франціи не имѣютъ въ виду ни будущей славы своего отечества, ни исправленія въ немъ нравовъ, а дѣйствуютъ такъ, а не иначе, единственно изъ спекулативныхъ видовъ, понявъ очень хорошо, что, въ настоящее время упадка искуствъ и совершенной испорченности вкуса, болѣе и охотнѣе всего читаются, а слѣдственно и *раскупаются*, описанія небывалыхъ ужасовъ и отвратительнаго сцѣпленія самыхъ гнусныхъ пороковъ. Напрасны также опасенія Мишле о томъ вредѣ, который нанесутъ Франціи эти сочиненія въ глазахъ иностранцевъ. Конечно подобныя книги дадутъ Европѣ весьма жалкое понятіе о плачевномъ состояніи Французской литературы, но вѣрно ни одинъ благомыслящій человѣкъ не будетъ судить о Франціи по романамъ гг. Сю, Дюма, Сулье и компаніи.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

1. *Общій Отчетъ, представленный* Его Императорскому *Величеству по Министерству Народнаго Просвѣщенія за 1845 годъ.* Въ 8; 141 стран. Спб.

Свѣдѣнія о состояніи образованности въ государствѣ—самыя занимательныя и утѣшительныя свѣдѣнія. Они касаются предмета, по-преимуществу принадлежащаго человѣку. Истинное благосостояніе его только и возможно при успѣхахъ образованности. Самая высшая цѣль жизни его—совершенствованіе души—достигается по мѣрѣ движенія его на этомъ пути. По-этому ежегодные Отчеты Министерства Народнаго Просвѣщенія справедливо привлекаютъ къ себѣ общее вниманіе. Сверхъ того, ихъ послѣдовательность представляетъ въ административномъ отношеніи назидательную систему развитія началъ, обдуманныхъ, неизмѣнныхъ и оправдывающихся фактами. Вотъ что между прочимъ сказано въ нынѣшнемъ Отчетѣ касательно движенія общихъ мѣръ: «Теперь, когда «миновала пора трудовъ начальныхъ, когда главныя основанія упрочены и опредѣлены, и общія «начала системы установлены—задача, предлежавшая «Министерству, состояла, и долго будетъ состоять, «въ дальнѣйшемъ совершенствованіи всѣхъ частей

«порознь и въ соглашеніи общихъ предначертаній «съ частными принадлежностями отдѣльныхъ вѣт-«вей управленія. Истекшій годъ являетъ собою этотъ «характеръ *законодательства,* такъ сказать, *внут-«ренняго.* И прежде, общія мѣры къ преобразова-«нію или обновленію, если не всѣхъ, то по крайней «мѣрѣ главныхъ частей Министерства, и нынѣшнія «частныя распоряженія и измѣненія по отдѣльнымъ «вѣтвямъ его управленія были направлены къ од-«ной цѣли, къ одному желанному концу — къ во-«дворенію въ Отечествѣ нашемъ образованности, ко-«торая соотвѣтствовала бы кореннымъ условіямъ «нашего гражданскаго и народнаго быта, но вмѣ-«стѣ съ тѣмъ шла бы вровень съ образованностію «общею. Мы не отвращаемъ взоровъ отъ всего пре-«жняго и чужаго съ равнодушіемъ невозможнымъ и «непозволительнымъ; однако тѣмъ пристальнѣе, «тѣмъ внимательнѣе смотримъ впередъ на открыва-«ющійся намъ путь собственный, наше будущее — «самостоятельное и независимое. Это прекрасное на-«значеніе Русской образованности для насъ уже не «тайна неразгаданная: ее постигаютъ и живо ей со-«чувствуютъ всѣ сословія, почти всѣ возрасты. «Стремленіе осуществить эту мысль возвышенную «становится намъ явственнымъ, когда всмотримся «ближе въ событія, коими проявляется жизнь ум-«ственная въ различныхъ слояхъ общества.» За тѣмъ слѣдуетъ исчисленіе событій, осязательно убѣ-ждающихъ въ истинѣ вышеприведенныхъ словъ. Картина стремленія всѣхъ сословій, на всѣхъ кон-

цахъ Россіи, къ осуществленію высокой мысли, въ Министерствѣ возникнувшей и созрѣвшей, есть зрѣлище восхитительное.

2. *Годичный Актъ въ* Императорскомъ *Санктпетербургскомъ Университетѣ, бывшій 8 Февраля 846 года.* Въ б. 8; 239 стран. Спб.

Книга состоитъ изъ отдѣльныхъ четырехъ сочиненій, которыя суть: 1. Отчетъ Ректора; 2. О вліяніи обычая, практики, законодательства и науки на развитіе уголовнаго, въ особенности Русскаго права, соч. проф. Я. Баршева; 3. О земледѣліи въ политико-экономическомъ отношеніи, соч. проф. В. Порошина; 4. Ueber die Entdeckung edler Metalle in Russland, und derer Ausbeute, соч. проф. Гофмана. Первая часть Отчета Ректора посвящена памяти Почетныхъ Членовъ Университета, которыхъ онъ лишился въ 1845 году, а именно: Графа Н. С. Мордвинова, Графа Е. Ф. Канкрина и Академика Д. И. Языкова. Чтобы дать понятіе нашимъ читателямъ о характерѣ этаго отдѣла Отчета, мы приведемъ по нѣскольку словъ изъ отзыва Ректора о каждомъ. «Въ продолженіе четырехъ царствованій (сказано о Графѣ Н. С. Мордвиновѣ), переходя отъ одной обязанности къ другой, пріобрѣтая болѣе и болѣе уваженія и довѣренности какъ Государя своего, такъ и всѣхъ его знавшихъ, онъ неизмѣнно хранилъ въ душѣ своей возвышенные помыслы просвѣщеннаго патріота. Обязанности свои въ отношеніи къ Монарху и Отечеству соблюдалъ онъ свято и ревностно. Вступая въ отправленіе должности, онъ серд-

цемъ обнималъ ея важность и свою отвѣтственность. Такимъ образомъ вся жизнь его представляетъ безпрерывную дѣятельность духа, ничѣмъ не ослабляемую. Съ отличными и рѣдкими достоинствами Государственнаго мужа онъ соединялъ привычки и наклонности лица, преданнаго ученымъ занятіямъ. Открытія въ наукахъ, успѣхи знаній, направленіе умовъ и господство вкуса постоянно привлекали къ себѣ не только вниманіе его какъ любознательнаго наблюдателя, но и какъ ревностнаго участника въ великомъ дѣлѣ общей образованности. Въ немъ Россія видѣла образецъ однаго изъ тѣхъ Государственныхъ людей, которыхъ избыткомъ такъ справедливо гордится Англія. Въ разносторонней, плодотворной и неистощимой своей подвижности, они находятъ и время и средства лично участвовать во всемъ, что касается общей и частной пользы, правъ и обязанностей, литературы и политики, наукъ и ремеслъ, торговли и художествъ, земледѣлія и мореплаванія.» О Графѣ Е. Ф. Канкринѣ между прочимъ сказано: «Онъ посвятилъ слишкомъ двадцать лѣтъ обязанностямъ Министра Финансовъ— важнѣйшей должности въ Государствѣ, и тѣмъ болѣе многосложной, что отъ Министерства не было еще отдѣлено, какъ нынѣ, завѣдываніе Государственными Имуществами. До какой степени благотворна была Россіи геніальная дѣятельность его, о томъ свидѣтельствуетъ все, къ чему только относились его распоряженія. Открыто множество новыхъ источниковъ доходовъ; повсюду пробудилось движе-

ніе; промышленность и торговля достигли цвѣтущаго состоянія; ожили земледѣліе, лѣсоводство и горнозаводство. Столица и ея окрестности изумляютъ насъ памятниками, созданными заботливостію, умомъ и силою воли Министра Финансовъ.» Объ Академикѣ Д. И. Языковѣ Ректоръ говоритъ между прочимъ: «Заслуги его въ ученомъ свѣтѣ, и особенно въ отношеніи къ Русской Исторіи, навсегда сохранятъ имя его отъ забвенія. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ трудолюбивыхъ ученыхъ, которые постоянно идутъ къ одной цѣли. Его дѣятельность устремлена была на пріобрѣтеніе и обработываніе матерьяловъ отечественной Исторіи. Едва ли кто, подобно ему, такъ ревностно и неослабно занимался своимъ предметомъ.» Остальные семь отдѣловъ Отчета посвящены разнымъ частямъ дѣятельности Университета. Сочиненія профессоровъ Баршева и Гофмана отличаются удивительною полнотою и прекрасною системою въ отношеніи къ избраннымъ ими предметамъ. Люди, спеціально изучающіе эти предметы, могутъ почерпнуть отсюда множество свѣдѣній любопытныхъ и новыхъ. Въ сочиненіи проф. Порошина, которое, по-видимому касается довольно извѣстныхъ и общихъ сторонъ разсматриваемаго имъ предмета, мы встрѣтили такіе взгляды и соображенія, которые много говорятъ о разнообразныхъ и высшихъ свѣдѣніяхъ автора по части исторіи соціальной и политической. Приводимъ здѣсь заключеніе этаго замѣчательнаго сочиненія. «Земледѣліе, разсматриваемое на одной чредѣ съ другими промыс-

лами, съ ихъ меркантильнымъ духомъ и пріемами, безспорно—занятіе важное, необходимое какъ свѣтъ и воздухъ, но *менѣе* тѣхъ занятій прибыльное, потому-что оно находится въ указанной нами зависисти отъ внѣшнихъ условій и отъ частныхъ успѣховъ рукодѣлія и торговли. Прочность поземельной собственности и другія пріятности, съ нею сопряженныя, возможность усовершенствованій агрономическихъ въ обширномъ смыслѣ слова *уравновѣшиваютъ* нѣкоторымъ образомъ выгоды земледѣлія съ прибылями другихъ промысловъ. Многочисленный классъ земледѣльцевъ, неограниченное для всѣхъ право пріобрѣтать недвижимую собственность и располагать ею, переходить отъ однаго занятія къ другому безпрепятственно, слѣдовательно равное уваженіе всѣхъ видовъ промышленности и всякой свободы—вотъ общія черты *одной* системы общежитія. Въ *другой* системѣ земледѣліе становится *выше* промысла, на степени искуства, дѣломъ Государственнымъ. Особый доходъ, *рента*, даетъ начало особому сословію, которое есть начало многаго въ народѣ и въ Государствѣ. Пусть практика изберетъ ту или другую систему по своему разумѣнію: обстоятельства будутъ ей указаніемъ. Надобно только позаботиться о томъ, чтобы, избравъ одну, ей и слѣдовать, избѣгая той мелкости въ дѣлахъ и узаконеніяхъ, которая есть слѣдствіе неясности въ понятіяхъ.»

3. *Библіографическія извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ въ Москвѣ. Санктпетербургѣ и дру-*

гихъ городахъ. 1846. Издаваемыя книгопродавцемъ *Н. Улитинымъ. №* 1. Моск.

Мысль издателя — печатать библіографическіе листки о книгахъ, выходящихъ во всей Россіи, составляетъ необходимость, давно всѣми чувствуемую. Но исполненіе такаго предпріятія требуетъ двухъ принадлежностей, которыхъ нѣтъ въ № 1 извѣстій г-на Улитина, а именно — системы и полноты.

4. *Родословная карта Царствующаго Дома* Романовыхъ. На листѣ. Спб.

Расположеніе предметовъ удобно и вѣрно, такъ что употребленіе карты, при изученіи избраннаго періода Русской исторіи, легко и полезно. Но мы, для подобнаго употребленія, предпочитаемъ атласъ Русской исторіи, изданный г. Павлищевымъ, гдѣ генеалогическая полнота соединена со всѣми требованіями науки.

5. *Краткій очеркъ исторіи Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка,* или матерьялы въ воспоминаніяхъ и расказахъ для полной исторіи полка съ портретами и планами Бородинскаго и Лейпцигскаго сраженій. Составленное служившимъ въ баталіонѣ и полку съ 1808 по 1820 годъ *А. Маринымъ.* Книжка первая. Въ 8; 160 стран. Спб.

Въ расказахъ сочинителя столько встрѣчается занимательнаго и характеризующаго Русскихъ воиновъ, что невозможно иногда разстаться съ книгою, не смотря на частность ея содержанія. Подобныхъ матерьяловъ сколько хранится въ памяти нашихъ храбрыхъ воиновъ! Они должны со-временемъ со-

ставить общее достояніе. Можно ожидать, что съ легкой руки сочинителя этой книжки явятся подражатели ему.

6. *Русскій путеводитель за границею.* Въ 12; 580 стран. Спб.

Выборъ составленъ по направленію изъ Россіи въ Парижъ, исключительно посѣщаемый путешественниками, ищущими однаго развлеченія. Эта книга, въ своемъ родѣ, у насъ едва ли не первый опытъ. Пожелаемъ, чтобы и по другимъ направленіямъ явились указатели, не менѣе исправные, какъ ихъ нынѣшній образецъ.

7. *Наглядное начертаніе канализаціи Россіи,* по новому способу изложенія составлено *Павломъ фонъ Тешомъ.* Спб.

8. *Карта Московскаго шоссе и Санктпетербургско-Московской желѣзной дороги.* Составлено *Павломъ Тешомъ.* Спб.

Первый трудъ составляетъ прекрасное пособіе для изученія водяныхъ сообщеній въ Россіи, которыя, изображены будучи на картѣ, легко окидываются глазомъ и доставляютъ мысли множество соображеній. Другой трудъ того же ученаго знакомитъ насъ съ двумя путями, изъ которыхъ одинъ уже давно извѣстенъ, а другой прокладывается. При взглядѣ на нихъ, гдѣ такъ поразительна прямизна желѣзной дороги сравнительно съ шоссе, нельзя не чувствовать, съ какою властію мы одерживаемъ нынѣ побѣды надъ непокорнымъ намъ прежде пространствомъ.

9. *Римскія письма.* Двѣ части. Въ 8; 798 страницъ. Спб.

Сочинитель этихъ писемъ не подражаетъ обыкновеннымъ путешественникамъ, которые, одинъ за другимъ, повторяютъ о Римѣ почти одно и тоже. Онъ избралъ для своего труда изображеніе Рима только по отношенію его къ предметамъ религіи. Это сосредоточило автора и доставило книгѣ его достоинство спеціальное, такъ-что со стороны церковной можно считать ее указателемъ. Но нельзя не сознаться, что авторъ большую принесъ жертву настроенію своихъ мыслей, отказавшись отъ изслѣдованія памятниковъ исторіи, искуства и древностей, такъ поражающихъ каждаго путешественника въ Римѣ.

10. *Стихотворенія Д. Аксеновскаго,* придворнаго мастера водоочистительныхъ машинъ. Въ 16; 96 стран. Спб.

Въ книжкѣ подобраны стопы и рифмы, изъ которыхъ выходитъ даже смыслъ. Вотъ все, что мы замѣтили въ «стихотвореніяхъ» автора-машиниста.

11. *Павелъ Павловичь Никитинъ, Русскій художникъ.* Историческая быль въ одномъ дѣйствіи, съ прологомъ изъ временъ Петра Великаго. Сочиненіе артиста Императорскихъ Санктпетербургскихъ театровъ *А. П. Славина.* Въ 12; 96 стран. Спб.

Занимательность содержанія пьесы много теряетъ отъ недостатка красокъ эпохи, въ которой изображено дѣйствіе, такъ-что языкъ и другія принадлежности литературнаго произведенія уничтожа-

ютъ все очарованіе, производимое характерами и движеніемъ дѣйствія.

12. *Два водевиля: «Нечего дѣлать» и «Жена и карты»*. Въ 16; 191 стран. Спб.

Въ этой книжкѣ напечатанъ переводъ съ другимъ сочиненіемъ. Оба водевиля пріятны не только для зрителей, но и для читателей. Въ нихъ есть живость дѣйствія, занимательныя положенія и острота правильнаго языка.

13. *Иванъ Семеновичь Хватайкинъ*. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе *Н. М. л. е. а.* Въ 8; 39 стран. Спб.

Пьеса не безъ веселости. Одно вредитъ у насъ театральнымъ сочиненіямъ, что въ нихъ представляются характеры и нравы полу-Русскіе и полу-Французскіе — нѣтъ истины.

14. *Проказы влюбленныхъ на Козьемъ-болотѣ.* Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. *П. Татаринова.* Въ 16; 32 стран. Спб.

15. *Женихъ въ отставкѣ, или любовь всему научитъ.* Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. *П. Татаринова.* Въ 16; 43 стран. Спб.

Авторъ въ обѣихъ пьесахъ мало показалъ драматическаго таланта. Его шутки безъ веселости, въ развязкѣ нѣтъ интереса, а въ языкѣ много тяжеловатости.

16. *Дѣтская азбука, гражданская и церковная, съ примѣрами постепеннаго чтенія и молитвами.* Составлена для сельскихъ школъ *Дм. Д.* Въ 8; 27 стран. Спб.

17. *Руководство къ обученію дѣтей чтенію по дѣтской азбукѣ, составленной для сельскихъ школъ.* Соч. *Дм. Д.* Въ 12; 14 стран. Спб.

На 353 страницѣ XLIII тома Современника мы говорили о книжкѣ автора брошюръ, которыхъ заглавія здѣсь выписаны. Прежняя книжка его называется: *О духовномъ образованіи земледѣльческаго класса въ Россіи.* Въ нашемъ о ней отзывѣ между-прочимъ сказано: «Мы предпочли бы умную, хорошую книгу для чтенія самой блестящей теоріи. Сочинитель разсматриваемой нами брошюры обѣщаетъ изданіе желаемаго нами практическаго труда. Все заставляетъ насъ думать, что и въ этомъ предпріятіи онъ не останется безъ успѣха: у него воззрѣніе на избранный предметъ ясно и правильно, сужденія неодносторонни и истинны, а изложеніе чисто и хорошо.» Теперь отчасти онъ оправдалъ наше ожиданіе Обѣ книжки составляютъ необходимое начало къ тому, чтобы успѣшно двинулось первоначальное образованіе земледѣльческаго класса. Метода его азбуки и особое руководство, какъ ею пользоваться, чрезвычайно просты, легки и удобопонятны. Мы увѣрены, что съ ихъ помощію грамотность быстро можетъ развиваться. Но авторъ уже по самому успѣху въ первомъ своемъ предпріятіи обязанъ продолжать этотъ общеполезный трудъ. Теперь нужны книги для чтенія, столь же хорошо приноровленныя къ понятіямъ земледѣльцевъ, какъ и тѣ книжки, по которымъ они читать учатся. Это будетъ одна изъ величайшихъ услугъ и просвѣщенію и народу.

18. *Художественный литографическій альбомъ.* Изданъ трудами и тщаніемъ любителей изящныхъ искуствъ и иждивеніемъ г. *Тромонина.*

Имя г. Тромонина такъ часто встрѣчается на художественныхъ у насъ изданіяхъ, что всѣ любители искуствъ должны быть благодарны ему за постоянную любовь къ этому дѣлу. Альбомъ, нынѣ вышедшій, дополняетъ собою рядъ его прежнихъ трудовъ. Въ немъ соединено шестнадцать изображеній, гравированныхъ на камнѣ. Между прочими: Воскресеніе Христово, Видъ Спасо-Андроникова монастыря и нѣсколько Сельскихъ видовъ. Хоть это не отличная работа, но правильная и произведена не безъ вкуса.

19. *О художествѣ и ремеслахъ.* Разсужденіе *Корнилія Тромонина.* Моск.

Мы не согласны съ главною мыслію автора, будто ремесло требуетъ одинаковыхъ для себя принадлежностей съ искуствомъ. Одно состоитъ въ зависимости отъ нужды и употребленія вещей въ общежитіи; другое свободно возсозидаетъ природу и проникаетъ только въ духъ ея твореній. Конечно и ремесло требуетъ ума, вкуса и красоты, какъ и искуство; но послѣднее больше входитъ въ идею жизни и ея выраженіе, а первое только въ удобство вещи и примѣненіе ея къ жизни.

20. *Краткое свѣдѣніе о водолечебномъ заведеніи въ Лопухинкѣ.* Въ 8; 8 стран. Спб.

Читатель можетъ сообразить, до какой степени простирается краткость водолечебныхъ свѣдѣній,

здѣсь сообщаемыхъ, когда авторъ, ограничившись осьмью страницами, посвятилъ изъ нихъ нѣсколько еще эстетическому взгляду на красоты мѣстоположенія Лопухинки.

21. *Тайны Нижегородской ярмарки.* Нравственно-сатирическая панорама въ четырехъ картинахъ, въ стихахъ. Соч. *Василія Потапова.* Моск.

22. *Кіевская вѣдьма въ теремѣ Великокняжескомъ, или ужасное мщеніе Рогнеды, дочери Полоцкаго Князя.* Русская историческая быль временъ Владиміра-Краснова-Солнышка. Соч. *В. П.* Моск.

23. *Чудеса въ решетѣ, или похожденія купеческихъ сынковъ съ купеческими прикащиками къ Нижегородской Ярмонкѣ.* Русскія народныя сцены въ трехъ частяхъ и восьми картинахъ. Соч. *В. Потапова*, съ десятью новыми цыганскими и хоровыми пѣснями. Моск.

24. *Хромой бѣсъ.* Волшебная сказка въ двухъ частяхъ, въ стихахъ. Соч. *Василія Потапова.* Моск.

Въ литературѣ на каждую эпоху достается недугъ, въ родѣ извѣстной *пляски Вита.* Отъ этаго явленія, поминутно бросающагося въ глаза, люди веселонравные и равнодушные къ чужимъ немощамъ хохочутъ, а сострадательные плачутъ. Нашей литературной эпохѣ суждено терпѣть отъ сочиненій автора, котораго четыре книжки мы привели здѣсь по заглавіямъ.

25. *Искуство толковать сны.* Подробное изъясненіе всѣхъ сновъ, видѣній, привидѣній, съ приложеніемъ исторіи знаменитыхъ сбывшихся сновъ.

Украшенное 120 политипажами, гравированными въ Парижѣ. Въ 16; 125 стран. Спб.

Политипажи, особенно съ прибавленіемъ: *изъ Парижа*, не однимъ собственно называемымъ сонникамъ облегчаютъ нынѣ ходъ въ ихъ сбытѣ. И высшаго разбора *сонники* помощію политипажей движутся въ сферѣ любознательной публики. Да здравствуетъ иллюстрація!

II.

26. *Чтенія въ* Императорскомъ *Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ* при Московскомъ Университетѣ. Засѣданіе 23 Марта 1846 года. *Нумеръ 3-ій.* Моск.

27. *Руководство ко всеобщей исторіи.* Соч. доктора *Фридриха Лоренца*, ординарнаго профессора Главнаго Педагогическаго Института и директора Главнаго Нѣмецкаго Училища при Евангелическо-Лютеранской церкви Св. Петра. *Части второй отдѣленіе второе.* Въ 8; 502 стран. Спб.

28. Библіотека для воспитанія. *Отдѣленіе второе. Часть III. Годъ второй.* Въ 12; 107 стр. Моск.

29. *Архитектурныя фантазіи К. Шрейдера.* Спб

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

1. *Краледворская рукопись.* Собраніе древнихъ Чешскихъ эпическихъ и лирическихъ пѣсень. Перевелъ *Н. Бергъ.* Въ б. 8; 78 стран. Моск.

Краледворская рукопись, въ 1817 году, найдена Ганкою въ склепѣ церкви города Кралеве-Двора. Ея почеркъ заставилъ думать Добровскаго, что она писана въ концѣ XIII, или въ началѣ XIV ст. Ганка въ первый разъ напечаталъ ее въ Прагѣ 1819 года, присоединивъ къ ней свое переложеніе на Чешскій языкъ и стихотворный Нѣмецкій переводъ г. Свободы. Съ этаго времени Германія, Англія, Франція и прочія образованныя Государства Европы обратили вниманіе па Краледворскую рукопись. Она сообщила особенное значеніе Чешскому народу, показавши, въ какой степени онъ былъ прежде значителенъ и какъ умѣлъ сохранять историческіе подвиги. Въ 1820 году, въ «*Извѣстіяхъ* Императорской *Россійской Академіи*, А. С. Шишковъ напечаталъ текстъ Краледворской рукописи и переводъ ея на Русскій языкъ. Нынѣ является она по-Русски въ стихотворномъ переводѣ, замѣчательномъ во всѣхъ отношеніяхъ. Читатели Современника уже знакомы съ именемъ и талантомъ *Н. В. Берга*. Онъ совершилъ прекрасное предпріятіе свое съ полнымъ успѣхомъ. Изучивъ не только языкъ и особенности подлинника, но самой духъ вѣка, характеръ тогдашнихъ нравовъ и вникнувъ глубоко въ общія черты жизни и рѣчи Славянъ, г. Бергъ передалъ по-Русски Чешскіе стихи вѣрно, чисто, свободно и ни въ чемъ не погрѣшилъ ни противъ подлинника, ни противъ Русскаго языка. Это впрочемъ могъ бы совершить и другой трудолюбивый переводчикъ. Важнѣйшее дѣло заключалось въ сохраненіи поэтическихъ кра-

сотъ, которыя не подчиняются переводчику, если онъ отъ природы не получилъ самъ поэтическаго таланта, счастливой воспріемлемости къ постиженію особенностей поэзіи на другомъ языкѣ, и силы воспроизводить ихъ на другомъ безъ нарушенія законовъ филологіи и эстетики. Г. Бергъ вышелъ съ полною побѣдою изъ этѣхъ трудностей и тѣмъ доказалъ, что поэтическое призваніе его несомнѣнно. Въ дополненіе къ тому, что читателямъ нашимъ сообщили мы прежде въ переводахъ г. Берга изъ Краледворской рукописи приведемъ здѣсь одну изъ лирико-эпическихъ пьесъ.

ОЛЕНЬ.

Скачетъ олень по долинамъ,
Прыгаетъ онъ по горамъ,
Носитъ по цѣлому краю,
Носитъ крутые рога.
Рѣжетъ крутыми рогами
Сучья въ дремучемъ лѣсу;
По лѣсу летмя летаетъ,
Скачетъ на быстрыхъ ногахъ.

Хаживалъ молодецъ въ горы,
Доломъ широкимъ на брань;
Тяжкія нашивалъ стрѣлы,
Вражію мочь поражалъ.
Добраго молодца нѣту!
Лютый нагрянулъ злодѣй,
Злобой глаза распалились,
Молотъ желѣзный сверкнулъ.
Юношу въ перси ударилъ —

Всплакались темны лѣса —
Вышла изъ мóлодца, вышла,
Душенька вышла душа!
Горломъ пошла лебединымъ,
Въ алы порхнула уста.

Вотъ онъ лежитъ; за душею
Точится теплая кровь;
Кровь молодецкую тихо
Пьетъ мать сырая земля.
Сердце у дѣвицы каждой
Стонетъ и больно болитъ.

Юноша въ хладную землю,
Въ хладную землю зарытъ;
Дубъ на немъ выросъ, дубочикъ,
Вѣтви пустилъ широко.

Ходитъ олень круторогой,
Скачетъ на прыткихъ ногахъ,
Щиплетъ зеленые листья
Онъ на дубу молодомъ.

Быстрые кречеты вьются,
Изъ лѣсу къ дубу летятъ,
Голосомъ жалкимъ кричатъ:
«Молодца врагъ погубилъ!»
Горькими плачутъ слезами
Красныя дѣвы по немъ.

2. *Чародѣйская понюшка*, или сказка о калифѣ-аистѣ. Въ пяти главахъ. Переводъ съ Нѣмецкаго, *Николая Кривоногова*. Въ 16; 63 стран. Спб.

Ежели калифъ, какъ удостовѣряетъ эта сказка, понюхавъ какаго-то порошку, обратился въ аиста

(удивительна игра фантазіи!); то читатель столь чудной сказки дѣйствительно можетъ съ ея помощію обратиться въ ненавистника всякаго чтенія.

II.

3. *Частная фармакологія, или наука о лекарствахъ*, составленная докторомъ *I. Ф. Зоберигеймомъ*, для академическаго и практическаго употребленія. Съ Нѣмецкаго 5-го изданія перевелъ и съ нѣкоторыми дополненіями издалъ ординаторъ Московскаго военнаго госпиталя, членъ общества Русскихъ врачей въ С. Петербургѣ, *Михаилъ Вейсбергъ*. Часть *вторая*. *Шестая* тетрадь. Въ 8; 371 — 614 стран. Моск.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

1. *Анекдоты Наполеона*, съ очеркомъ его жизни, коронаціи, погребенія, духовнаго завѣщанія, поэтическія воззванія его къ войску и письма къ разнымъ извѣстнымъ особамъ Европы. Собралъ *А. С.* въ двухъ частяхъ. Изданіе *второе*. Моск.

2. *Руководство къ изученію исторіи Русской литературы*, составленное наставникомъ-наблюдателемъ, преподающимъ Русскую словесность въ офицерскихъ и юнкерскихъ классахъ Артиллерійскаго училища, въ верхнихъ классахъ главнаго Инженернаго училища и въ спеціальныхъ 1-го Кадетскаго корпуса, *Василіемъ Плаксинымъ*. *Второе* изданіе, оконченное и во многихъ частяхъ совсѣмъ передѣланное. Въ 8; Спб.

ГЁТЕ И ГРЕТХЕНЪ.

Для всякой птицы есть приманка, и каждый человѣкъ по-своему живетъ и заблуждается. Природа, воспитаніе, образъ жизни, самыя обстоятельства удаляли меня * отъ всѣхъ грубыхъ наклонностей, и хотя я часто входилъ въ соприкосновеніе съ низшими классами народа, особенно съ ремесленниками, однако жъ никогда не было между нами слишкомъ близкихъ связей. Правда, я имѣлъ довольно отваги, чтобы предпринять что-нибудь необыкновенное, даже опасное, и чувствовалъ себя способнымъ къ этому; но недоставало повода, за который бы можно было ухватиться.

Между-тѣмъ совершенно неожиданнымъ образомъ я запутался въ такія отношенія, которыя едва не довели меня до бѣды, по крайней мѣрѣ надолго поставили въ самое затруднительное и непріятное положеніе. Привязанность моя къ тому мальчику, котораго выше назвалъ я Пиладомъ **, продолжалась и въ юности моей. Родители наши не были между собою въ хорошихъ отношеніяхъ, и потому мы рѣже видались теперь другъ съ другомъ; но за-то, какъ только бывало-столкнемся гдѣ-ни-

Собственный расказъ Гёте.

* Сынъ однаго ремесленника. Происшествія, о которыхъ расказываетъ въ этомъ отрывкѣ Гёте, относятся къ 1763 и 1764 г., когда автору было 16 лѣтъ.

будь, всегда обрадуемся какъ самые искренніе старинные друзья. Однажды мы встрѣтились въ аллеяхъ, между внутренними и наружными С. Гальскими воротами. Тамъ очень пріятно прогуливаться пѣшкомъ. Только-что поздоровались, Пиладъ сказалъ: «съ твоими стихами все та же исторія: тѣ, которые ты далъ мнѣ недавно, я прочиталъ кое-кому изъ товарищей, и никто не хочетъ вѣрить, что это твое сочиненіе». — Пусть не вѣрятъ! отвѣчалъ я: мы станемъ сочинять; это будетъ доставлять намъ удовольствіе; а другіе могутъ думать и говорить, что имъ угодно! —

«Вотъ идетъ одинъ изъ невѣрующихъ!» сказалъ Пиладъ.—Перестанемъ же говорить объ этомъ, отвѣчалъ я: да и къ-чему? вѣдь ихъ не обратишь.—«Нѣтъ, возразилъ Пиладъ, я ни за-что этаго не оставлю такъ».

И точно: добрый пріятель только и думалъ обо мнѣ. Послѣ короткаго незначительнаго разговора, онъ не выдержалъ и сказалъ своему товарищу: «вотъ тебѣ на-лицо сочинитель тѣхъ прекрасныхъ стиховъ; а ты не хотѣлъ вѣрить, что это его сочиненіе!» — Безъ сомнѣнія онъ не приметъ этаго съ дурной стороны, отвѣчалъ тотъ: значитъ мы оказываемъ ему особенную честь, если думаемъ, что для сочиненія такихъ стиховъ надобно имѣть гораздо больше умѣнья, нежели сколько можетъ имѣть столь молодой человѣкъ.—Я что-то отвѣчалъ на это; но Пиладъ продолжалъ: «немного надобно труда, чтобъ убѣдить васъ въ этомъ. Дайте ему какую-нибудь

тему, и онъ безъ приготовленія напишетъ стихи». Я не отговаривался. Согласились — и навый знакомецъ спросилъ: «въ состояніи ли я сочинить въ стихахъ самое нѣжное посланіе отъ имени молодой, скромной дѣвушки, которая объясняется въ любви молодому человѣку?» — Нѣтъ ничего легче, отвѣчалъ я: на чемъ бы только написать? — Онъ вынулъ изъ кармана записную книжку, въ которой было много чистыхъ листковъ, и я сѣлъ на скамейку писать. Товарищи ходили между-тѣмъ взадъ и впередъ и ни выпускали меня изъ глазъ. Я тотчасъ обдумалъ заданную тему. Я воображалъ, какъ бы это было пріятно, если бы какая нибудь хорошенькая дѣвушка въ самомъ дѣлѣ была расположена ко мнѣ, и захотѣла бы объясниться со мною прозой или стихами. Не задумываясь долго, я принялся за дѣло, и очень скоро кончилъ. Стихи были написаны отчасти стариннымъ Нѣмецкимъ размѣромъ, отчасти походили на мадригалъ, но такъ удачно, что когда я прочиталъ ихъ товарищамъ, то одинъ пришелъ въ удивленіе, а другой въ восторгъ. Новый знакомецъ пожелалъ взять стихи себѣ. Я не могъ отказать ему, тѣмъ болѣе, что они написаны были въ его карманной книжкѣ — и охотно отдалъ какъ доказательство моей поэтической способности. Онъ оставилъ насъ съ изъявленіями дружбы и удивленія ко мнѣ, желалъ, какъ можно чаще, видаться съ нами, и мы условились вскорѣ сойтися на этомъ же самомъ мѣстѣ.

Уговоръ нашъ состоялся. Къ намъ пристало еще

*

много молодежи такаго же покрою. Это были люди изъ средняго — если угодно — изъ низшаго класса, народъ неглупой, всѣ учились въ школахъ, всѣ съ порядочными свѣдѣніями, и были довольно образованы. Въ большомъ и богатомъ городѣ есть чѣмъ заняться. Жили они, кто чѣмъ могъ: иные занимались письмоводствомъ у адвокатовъ, иные учили дѣтей по домамъ небогатыхъ граждаnъ, преподавая имъ больше, нежели сколько можно было узнать въ народныхъ школахъ. Съ дѣтьми, которыя подростали уже и должны были конфирмоваться, они повторяли уроки закона Божія, и потомъ опять топтали дорогу по дѣламъ маклеровъ и купцевъ, а вечеръ, особенно по воскресеньямъ и вообще по праздникамъ, посвящали веселымъ пирушкамъ.

Дорогой, расхваливъ, какъ нельзя больше, мое любовное посланіе, они признались, что сдѣлали изъ него самое забавное употребленіе: переписали чужимъ почеркомъ, приплели кой-какія подробности и подсунули одному молодому человѣку, который очень занятъ собою. Бѣдняга теперь въ полной увѣренности, что хорошенькая дѣвушка, которой онъ только издали намекалъ о любви своей, влюблена въ него безъ памяти и ищетъ случая поближе познакомиться съ нимъ. Сказали при этомъ, что мнимый счастливецъ только и думаетъ, какъ бы отвѣчать тоже въ стихахъ; но такъ-какъ ни онъ самъ, ни всѣ они не мастера на эти дѣла, потому и просятъ меня убѣдительно сочинить имъ отвѣтъ.

Мистификаціи всегда были и будутъ самымъ

пріятнымъ занятіемъ для праздныхъ, болѣе или менѣе остроумныхъ людей. Для тѣхъ, которые не заботятся много сами о себѣ и не могутъ съ пользою дѣйствовать на другихъ — истинное наслажденіе подурачить кого-нибудь невиннымъ образомъ и внутренно посмѣяться надъ этимъ. Подобныя шалости свойственны всѣмъ возрастамъ. Еще въ дѣтствѣ мы часто такимъ образомъ проводили другъ друга; даже въ играхъ любили дурачить простаковъ и разставлять имъ ловушки. Я былъ увѣренъ, что и теперешняя штука не пойдетъ дальше, и потому согласился охотно. Товарищи расказали подробно, въ чемъ должно состоять содержаніе письма, и, пока мы возвращались домой, у меня все уже было обдумано и готово.

Вскорѣ Пиладъ пригласилъ меня непремѣнно принять участіе въ одной общей вечерней пирушкѣ. Тамъ хотѣлъ быть и нашъ любовникъ, который очень желалъ лично поблагодарить меня, что я умѣлъ такъ поэтически выразить его чувства.

Мы собрались уже довольно поздно. Ужинъ былъ самый сытный, вино—тоже можно было пить. Разговоръ вертѣлся все почти около однаго предмета: старались, какъ можно ловче, дурачить мнимаго счастливца, который, какъ видно, былъ не изъ смышленаго десятка. Письмо перечитывали нѣсколько разъ, и онъ почти готовъ былъ думать, что самъ написалъ такое объясненіе.

Я всегда былъ склоненъ къ состраданію, и потому мало находилъ удовольствія въ этѣхъ злыхъ

насмѣшкахъ. При томъ же безпрестанное повтореніе однаго и того же скоро надоѣло. Такимъ образомъ вечеръ прошелъ бы очень скучно, если бы одно неожиданное обстоятельство снова не оживило меня. Къ нашему приходу столъ былъ уже накрытъ очень чисто и опрятно; винъ наставлено много. Мы засѣли и оставались совершенно одни, не имѣя нужды въ прислугѣ. Однако жъ въ винѣ вышла наконецъ осѣчка. Одинъ изъ насъ кликнулъ служанку; но вмѣсто ея вошла дѣвушка красоты необыкновенной, и, если всмотрѣться ближе, даже невѣроятной. Самымъ дружескимъ образомъ она сперва пожелала намъ добраго вечера, и потомъ спросила: «что вамъ угодно? служанка больна; она лежитъ; могу ли я служить вамъ?» — Вина не хватило — сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ: если бы ты достала намъ бутылки двѣ, такъ это было бы очень хорошо.—Сходи, Гретхенъ! сказалъ другой: вѣдь это отсюда рука подать. — «Почему же не такъ!» отвѣчала она, и взявъ со стола двѣ пустыя бутылки, пошла изъ комнаты. Я смотрѣлъ ей въ слѣдъ; она показалась мнѣ еще прекраснѣе. Чистенькой чепчикъ такъ мило сидѣлъ на хорошенькой головкѣ, стройная шейка такъ граціозно связывала затылокъ и плеча! Все въ ней обличало вкусъ. Теперь можно было лучше разсмотрѣть всю ея фигуру: вниманіе не приковывалось болѣе къ однимъ только нѣжнымъ глазкамъ и миленькому ротику. Я упрекнулъ товарищей, зачѣмъ они послали такую молоденькую дѣвушку ночью и одну; они разсмѣялись надо мною; но я скоро утѣ-

шился, потому-что Гретхенъ тотъ часъ же возвратилась. Погребщикъ жилъ черезъ улицу. «Сядь же за это съ нами!» сказалъ одинъ изъ товарищей. Гретхенъ сѣла, но къ несчастію не подлѣ меня. Она отвѣдала вина за наше здоровье, и скоро удалилась, посовѣтовавъ намъ не запиваться долго, и вообще не слишкомъ шумѣть; потому-что матушка сейчасъ ложится въ постель. Это была мать не ея, а нашей хозяйки.

Съ этой минуты образъ милой дѣвушки преслѣдовалъ меня на всѣхъ путяхъ и перепутьяхъ. Это было первое глубокое впечатлѣніе, которое произвела на меня женщина. Ходить къ ней—я не могъ найти предлога, да не хотѣлъ и искать; а посмотрѣть на нее все-таки хотѣлось. Я отправлялся въ церковь, и подмѣтилъ, гдѣ обыкновенно сидитъ Гретхенъ. Во время длинной протестантской службы можно было вдоволь наглядѣться на нее. При выходѣ изъ церкви, я не рѣшался никакъ заговорить съ нею, тѣмъ менѣе—провожать ее, и былъ всегда въ полномъ восторгѣ, если она только замѣтитъ меня и кивнетъ на поклонъ мой. Недолго однако жъ суждено мнѣ было ждать счастія сблизиться съ нею. Того молодаго человѣка, которому сочинилъ я поэтическое посланіе, увѣрили, что письмо передано отъ его имени, кому слѣдуетъ, и сильно настроили его ожиданія, что теперь скоро уже онъ долженъ получить отвѣтъ. Разумѣется, мнѣ же приходилось писать и это. Хитрецы-товарищи поручили Пиладу неотступно проситъ, чтобы я употребилъ

ны. Онѣ касались нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ я дѣйствительно прямо мѣтилъ больше на Гретхенъ, нежели на другую дѣвушку. Та была хорошей фамиліи, съ состояніемъ и пользовалась въ городѣ извѣстностію и уваженіемъ. Молодой человѣкъ растолковалъ, какихъ именно перемѣнъ желаетъ онъ, подалъ мнѣ грифель, а самъ сказалъ, что ему нужно зачѣмъ-то сходить на короткое время. Я помѣстился на лавкѣ у стѣны за большимъ столомъ, и на огромной аспидной доскѣ, которая занимала почти весь столъ, принялся перечеркивать и поправлять, что только можно было. Грифель лежалъ всегда на окнѣ; имъ часто писали на этой доскѣ счеты, дѣлали разныя замѣтки, даже приходящіе и уходящіе сообщали другъ другу свои замѣчанія.

Долго писалъ я то такъ, то иначе, и безпрестанно перечеркивалъ. Наконецъ терпѣніе мое лопнуло: «нѣтъ, нейдетъ!» сказалъ я. «Тѣмъ лучше!» отозвалась Гретхенъ довольно рѣшительнымъ тономъ: «я бы желала, чтобы вамъ неудалось это: вы недолжны заниматься такими дѣлами.» Она оставила самопрялку, подошла къ столу и начала очень дѣльно и дружески читать мнѣ проповѣдь. «Это повидимому (сказала она) самая невинная шутка; такъ, шутка — только не невинная! Я видѣла ужъ много примѣровъ, что наша молодежъ попадалась въ просакъ за подобныя шалости.» — Что жъ мнѣ дѣлать? отвѣчалъ я: письмо ужъ написано, и они настаиваютъ, чтобы я поправилъ. — «Послушайтесь меня, продолжала Гретхенъ: не поправляйте! Возь-

мите письмо къ себѣ, спрячьте его, уйдите отсюда, переговорите съ Пиладомъ; онъ все устроитъ такъ, какъ будто ничего и не бывало. Я сама замолвлю словечко. Хоть я бѣдная дѣвушка и завишу отъ этихъ родственниковъ; но вотъ видите ли — и въ прошедшій разъ, когда они хотѣли, чтобъ я переписала имъ письмо, я никакъ не согласилась на это. Знаю, что они никому не сдѣлаютъ зла, но часто рѣшаются Богъ знаетъ на что, просто такъ, для забавы только. Первое ваше письмо они переписали сами чужимъ почеркомъ, и съ этимъ сдѣлаютъ тоже, если нельзя будетъ уладить дѣло иначе. А вы, молодой ловѣкъ хорошей фамиліи, съ состояніемъ, независимый, зачѣмъ вы позволяете употреблять себя орудіемъ въ такомъ дѣлѣ, изъ котораго не только не выйдетъ ничего хорошаго, но гдѣ еще наживете, можетъ быть, много непріятностей?» Я блаженствовалъ, слушая, какъ она говорила безъ умолку; потому-что прежде скажетъ-бывало слова два только въ продолженіе цѣлаго разговора. Чувство росло во мнѣ невѣроятно. Я не могъ долѣе владѣть собой и отвѣчалъ: «я не такъ независимъ, какъ вы думаете; и что̀ мнѣ все состояніе, если нѣтъ у меня самаго драгоцѣннаго, чего только смѣлъ бы желать?»

Гретхенъ подвинула къ себѣ мое черновое посланіе, и начала читать въ-полголоса, но очень нѣжно и пріятно. «Это очень мило! сказала она, остановившись на одной простодушной фразѣ, въ родѣ остроты: жаль только, что это назначено не для настоящаго употребленія» «О, какъ бы я желалъ

этаго! отвѣчалъ я: что за блаженство — получить такое нѣжное признаніе отъ дѣвушки, которую любишь безъ памяти!» «Да, конечно, для этаго надобно очень много, сказала Гретхенъ; однако жъ нѣтъ ничего невозможнаго.» «Напримѣръ, продолжалъ я, если бы кто-нибудь, кто любитъ васъ, дорожитъ вами, уважаетъ и боготворитъ васъ, предложилъ вамъ такое посланіе, и убѣдительно, отъ всего сердца, со всею искренностію умолялъ бы васъ — что̀ бы вы сдѣлали?» Она ближе подвинула къ себѣ письмо, которое уже отодвинула-было ко мнѣ; потомъ разсмѣялась, подумала съ-минуту, взяла перо и подписалась. Я не помнилъ самъ себя отъ восторга, вскочилъ и хотѣлъ обнять ее. «Только не цѣловать! сказала Гретхенъ: это ужъ слишкомъ попросту; можно любить и безъ этаго.» Я взялъ бумагу и спряталъ къ себѣ. «Теперь никто не вырветъ ея у меня, сказалъ я: кончено! вы спасли меня.» «Если хотите спастись совершенно, отвѣчала Гретхенъ, такъ поскорѣй уйдите отсюда, покамѣстъ не пришли другіе и вы не попались въ тиски.» Я не въ-силахъ былъ оторваться отъ нея; но она такъ нѣжно просила меня, взявъ въ обѣ руки мою правую руку и дружески сжимая ее. У меня ужъ недалеко было до слезъ; казалось, и ея глаза были увлажены. Я прижался лицемъ къ рукамъ ея и спѣшилъ уйти. Во всю жизнь я не бывалъ въ такомъ замѣшательствѣ.

Первыя наклонности любви въ неопытномъ юношѣ принимаютъ вообще чисто духовное направле-

ніе. Природа, кажется, хочетъ, чтобы одинъ полъ, такъ сказать, осязалъ душою въ другомъ все доброе и прекрасное. Такъ и мнѣ, во взорахъ милой дѣвушки, въ любви моей къ ней, открылся новый міръ красоты и совершенства. Сто разъ перечитывалъ я мое поэтическое посланіе, смотрѣлъ на подпись, цѣловалъ, прижималъ къ сердцу, и восхищался этимъ милымъ признаніемъ въ любви. Но чѣмъ выше были восторги мои, тѣмъ грустнѣе была мысль, что я не могу бывать у нея, не могу снова видѣть ее и говорить съ нею. Я боялся упрековъ ея братьевъ и ихъ неотвязчивости. Мой добрый Пиладъ одинъ только могъ уладить это дѣло; но онъ нигдѣ не попадался мнѣ. Въ первое же воскресенье я отправился въ Нидеррадъ, куда обыкновенно собирались мои товарищи, и въ самомъ дѣлѣ нашелъ ихъ тамъ. Я очень удивился, когда они, вмѣсто того, чтобы коситься и пенять, встрѣтили меня съ веселыми лицами. Особенно младшій былъ всѣхъ ласковѣе: онъ взялъ меня за руку и сказалъ: «вы недавно сыграли съ нами самую плутовскую штуку. Мы были очень злы на васъ. Вы вдругъ исчезли, похитивъ съ собой и поэтическое посланіе. Но это-то именно и навело насъ на истинный путь, на который безъ того мы, можетъ быть, никогда бы не попали. На мировой вы должны насъ сегодня угостить. При этомъ вы узнаете кое-что, на что̀ мы надѣемся, и что̀ безъ сомнѣнія и вамъ доставитъ удовольствіе.» Такое привѣтствіе поставило меня въ немалое затрудненіе: такъ случилось, что

на этотъ разъ у меня денегъ было только, чтобы кутнуть самъ-другъ съ моимъ Пиладомъ; но угощать пріятелей, особенно такихъ, которые невсегда умѣютъ во̀ время кончить, я вовсе не былъ расположенъ. Предложеніе ихъ еще тѣмъ больше удивило меня, что прежде они бывали всегда очень деликатны, и каждый самъ платилъ свою долю. Они смѣялись надъ моимъ замѣшательствомъ, и младшій продолжалъ: «сядемъ сперва вотъ здѣсь, въ бесѣдкѣ, а потомъ вы узнаете и остальное.» Сѣли. Онъ началъ. «Когда вы унесли съ собой любовное письмо, мы долго разсуждали объ этомъ, и наконецъ рѣшили, что напрасно употребляемъ во зло вашъ талантъ, напрасно огорчаемъ другихъ и рискуемъ сами собой изъ однаго только жалкаго желанія подурачить другаго, между-тѣмъ, какъ можно бы было воспользоваться вашими способностями для собственныхъ выгодъ. Вотъ видите: мнѣ заказаны стихи на свадьбу и на погребеніе. Послѣдніе надобно тотчасъ же приготовить, а первые еще дней черезъ восемь. Если бы вы потрудились написать ихъ — вѣдь это вамъ ничего не стоитъ — вы бы дважды угостили насъ, и мы надолго останемся у васъ въ-долгу». Такое предложеніе во всѣхъ отношеніяхъ нравилось мнѣ. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ я смотрѣлъ съ нѣкоторою завистію на подобныя стихотворенія: я былъ увѣренъ, что самъ въ состояніи писать стихи на такіе случаи не хуже другихъ, даже еще лучше. Каждую недѣлю ихъ было тогда въ-ходу множество; особенно по случаю свадебъ знати они являлись дюжинами.

Теперь мнѣ представлялся случай показать себя, и особенно увидѣть себя въ печати. Я не сталъ отговариваться. Мнѣ сообщили всѣ необходимыя свѣдѣнія о лицахъ семейства и объ его отношеніяхъ. Я отошелъ въ-сторону, обдумалъ планъ, и тотчасъ же приготовилъ нѣсколько строфъ. Однако жъ скоро увлекся общей бесѣдой, и такъ-какъ не жалѣли вина, то стихи начали спотыкаться, и въ этотъ вечеръ я не могъ ихъ кончить.» Время еще терпитъ до завтрашняго вечера, сказали товарищи; надобно только признаться вамъ, что платы, которую получимъ за надгробные стихи, достаточно, чтобъ и завтра устроить такую же веселую пирушку. Приходите къ намъ: справедливость требуетъ, чтобъ и Гретхенъ повеселилась вмѣстѣ съ нами; она собственно и навела насъ на эту мысль.» Радость моя была неизъяснима. На пути домой я обдумалъ остальныя строфы; передъ тѣмъ, какъ итти спать, записалъ все это, и на другое утро тщательно переписалъ набѣло. День казался мнѣ безконечно долгимъ — и едва смерклось, я уже опять былъ въ маленькомъ тѣсномъ домикѣ подлѣ милой дѣвушки.

Молодые люди, съ которыми такимъ образомъ я сближался все болѣе и болѣе, были хотя не совсѣмъ изъ низкаго класса, однако жъ люди весьма обыкновенные. Дѣятельность ихъ достойна вниманія. Я всегда съ удовольствіемъ слушалъ, когда они разсуждали о разныхъ путяхъ и средствахъ, которыми можно составить себѣ что нибудь въ жизни. Всего больше любили раскаѕывать они о

людяхъ, которые начали почти ничѣмъ, а теперь разбогатѣли. Иные бѣдняки, въ качествѣ повѣренныхъ, дѣлались необходимыми своимъ патронамъ, и доходили до того, что женились на ихъ дочеряхъ. Другіе умѣли такъ распространить и облагородить мелочную торговлю спичками и тому подобными вещами, что стали теперь богатыми приказщиками и торговцами. Такой молодежи, которая крѣпка на ноги, особенно прибыльнымъ и хлѣбнымъ казалось—быть ходатаями и маклерами, и принимать разнаго рода порученія и хлопоты по дѣламъ тяжелыхъ на подъемъ богачей. Всѣ мы охотно слушали. Въ этѣ минуты каждому казалось, что въ немъ самомъ есть на-лицо столько, чтобъ не перебиваться какъ-нибудь въ свѣтѣ, но составить себѣ хорошую дорогу. Однако жъ никто, кажется, не велъ разговора объ этомъ съ такимъ участіемъ, какъ Пиладъ. Онъ признался наконецъ, что очень любитъ одну дѣвушку, и уже обѣщалъ жениться на ней. Карманныя обстоятельства его родителей не позволяли ему поступить въ университетъ; за то онъ прекрасно усовершенствовалъ свой почеркъ, зналъ счетную часть и новые языки. Въ надеждѣ на семейное счастіе, ему хотѣлось теперь испытать свои силы. Братья Гретхенъ одобряли это намѣреніе, хотя никакъ не хотѣли оправдать того, что онъ слишкомъ рано далъ обѣщаніе дѣвушкѣ. Прибавили, что хотя они знаютъ его какъ добраго и ловкаго малаго, не думаютъ однако жъ, чтобъ онъ былъ очень дѣятеленъ и предпріимчивъ; а безъ этаго нель-

зя составить себѣ ничего. Пиладъ спорилъ съ ними. Онъ обстоятельно расказалъ свои планы и то, съ чего думаетъ начать. Другіе увлеклись его примѣромъ. Каждый началъ расказывать о своихъ средствахъ, занятіяхъ, оборотахъ, о томъ, что пройдено уже, и до чего надѣется онъ со-временемъ достигнуть. Очередь дошла до меня. Мнѣ также приходилось изложить всѣ мои намѣренія и надежды. Пока я собирался съ мыслями, Пиладъ сказалъ: «одно только условіе—отъ этаго мы не будемъ въ накладѣ — чтобъ онъ не бралъ въ разсчетъ внѣшнія выгоды своего положенія. Пусть лучше онъ расскажетъ намъ сказочку, какъ бы началъ онъ, если бы въ эту минуту, такъ же, какъ и мы, былъ предоставленъ совершенно самъ себѣ.» Гретхенъ, которая до сихъ поръ продолжала прясть, встала и, какъ водится, сѣла у конца стола. Нѣсколько бутылокъ было уже опорожнено. Я съ большимъ жаромъ началъ расказывать мои предположенія о будущемъ образѣ жизни. «Прежде всего позвольте надѣяться, сказалъ я, что вы сохраните ко мнѣ ту же довѣренность, которою я имѣлъ счастіе пользоваться до сихъ поръ. Если время отъ времени вы будете доставлять мнѣ барыши отъ стихотвореній на разные случаи, и если мы не прокутимъ ихъ дочиста, такъ я надѣюсь составить себѣ что-нибудь. Иначе вы не должны будете обвинять меня, если я пущусь въ ваше ремесло.» Потомъ я расказалъ, что замѣтилъ изъ ихъ оборотовъ и къ чему особенно считаю себя способнымъ. Еще прежде каждый изъ

нихъ обратилъ уже свои будущіе успѣхи въ наличныя деньги; а потому я просилъ теперь помочь и мнѣ въ исполненіи моихъ предположеній. Гретхенъ очень внимательно вслушивалась въ это. Сложивъ руки, она перехватила ихъ повыше локтей и оперлась на столъ: такое положеніе удивительно какъ шло къ ней, слушала ли она, или говорила. Долго сидѣла она такимъ образомъ, покачивая только головой, но всегда съ значеніемъ и не безъ причины. Иногда сама промолвитъ словечко; а когда мы споткнемся-бывало на какой-нибудь идеѣ, она помогала выбраться на прямую дорогу, и потомъ, какъ водится, сидѣла опять тихо и смирно. Я не спускалъ съ нея глазъ, и нетрудно понять, что, соображая и высказывая свои планы, я мѣтилъ почти прямо на нее; а любовь придавала словамъ моимъ видъ истины и вѣроятія, такъ-что въ эту минуту я обманывалъ даже самъ себя. Я живо воображалъ все одиночество и бѣдность, о которыхъ говорилось въ моей сказкѣ, и чувствовалъ себя совершенно счастливымъ, расказывая о намѣреніи обладать милою дѣвушкой. Пиладъ кончилъ свою исповѣдь женитьбой. Между нами былъ теперь вопросъ: простираемъ ли и мы такъ же далеко свои планы? «Я нисколько не сомнѣваюсь въ этомъ, сказалъ я: жена необходима каждому изъ насъ. Она должна вести порядокъ въ домѣ и доставлять намъ возможность наслаждаться тѣмъ, что пріобрѣтемъ мы такимъ удивительнымъ образомъ.» Потомъ я сдѣлалъ изображеніе жены, какую желалъ найти — и странно

бы было, если бы это не былъ точный портретъ Гретхенъ.

Надгробные стихи мы уже прокутили; теперь свадебная пѣснь дразнила голодный апетитъ. Я заглушилъ въ себѣ всякую боязнь и безпокойство—и, имѣя много знакомыхъ, умѣлъ скрывать отъ домашнихъ свои вечернія похожденія. Видѣть милую дѣвушку, безпрестанно быть съ нею вмѣстѣ—сдѣлалось непреодолимымъ желаніемъ моего сердца. Товарищи также очень привыкли ко мнѣ — и мы собирались почти каждый день, какъ будто это и не могло быть иначе. Между-тѣмъ Пиладъ ввелъ въ этотъ домъ и свою любезную. Эта парочка провела съ нами много вечеровъ. Какъ женихъ и невѣста, хотя еще въ первой порѣ, они не скрывали однако жъ взаимной нѣжности. Но Гретхенъ такъ искусно вела себя, что всегда держала себя въ благородномъ отдаленіи. Никому—ни мнѣ, ни другимъ—она не давала руки, не терпѣла даже никакаго прикосновенія; иногда только садилась подлѣ меня, особенно, когда я писалъ, или читалъ въ-слухъ. Тогда она довѣрчиво клала мнѣ на плечо руку, и смотрѣла въ книгу, или на бумагу; но когда и мнѣ приходила охота позволить себѣ въ отношеніи къ ней подобную вольность, она уклонялась отъ этаго и больше не подходила ко мнѣ. Однако жъ такое положеніе она повторяла довольно часто; потому-что всѣ ея пріемы и движенія были вообще очень однообразны, впрочемъ всегда приличны, прекрасны и обворожитель-

ны. Я не видалъ только, чтобъ она обнаружила когда-нибудь такую же довѣрчивость и къ другимъ.

Много предпринималъ я разныхъ похожденій то съ той, то съ другою компаніей молодежи. Но самой невинною и пріятною забавой нашей было, когда мы садились на Гегтское торговое судно, разсматривали разнокалиберныхъ пассажировъ, которыхъ всегда бывало тамъ биткомъ набито, вступали въ разговоръ то съ тѣмъ, то съ другимъ — и, по веселости, или просто изъ шалости, шутили и острили надъ ними. Въ Гегстѣ мы высаживались. Къ этому времени поспѣвало туда торговое судно изъ Маинца. Въ гостинницѣ мы находили сытный столъ, за который садились обыкновенно всѣ вмѣстѣ и пріѣзжающіе и отъѣзжающіе. Потомъ каждый ѣхалъ своею дорогой; потому-что оба судна отправлялись опять обратно. Каждый разъ, отобѣдавъ здѣсь, мы поднимались вверхъ по рѣкѣ во Франкфуртъ. Эта поѣздка водою стоила намъ очень дешево; потому-что мы отправлялись всѣ вмѣстѣ, гуртомъ. Однажды я пустился такъ съ братьями Гретхенъ. За обѣдомъ въ Гегстѣ къ намъ присоединился одинъ молодой человѣкъ, немногимъ постарше насъ. Братья Гретхенъ знали его. Онъ просилъ ихъ отрекомендовать его мнѣ. Лице новаго знакомца располагало въ его пользу, хотя и не было въ немъ ничего замѣчательнаго. Онъ пріѣхалъ изъ Маинца и вмѣстѣ съ нами отправился во Франкфуртъ. Мы разговаривали съ нимъ о разныхъ предметахъ касательно внутренняго состоянія города, разныхъ должностей и

мѣстъ. Я замѣтилъ, что онъ очень во всемъ этомъ свѣдущъ. Разставаясь, онъ дружески простился со мной и прибавилъ, что желаетъ, чтобы я сохранилъ къ нему свое расположеніе, и надѣется, что при случаѣ не оставлю его своею рекомендаціей. Я вовсе не понималъ, что онъ хочетъ сказать этимъ; но братья Гретхенъ черезъ нѣсколько дней объяснили мнѣ, въ чемъ тутъ дѣло. Они говорили объ этомъ человѣкѣ много хорошаго, и просили замолвить за него словечко у моего дѣдушки; потому-что пріятель ихъ желаетъ получить посредническое мѣсто, которое теперь открывается. Сначала я было-отговаривался, потому-что не привыкъ вмѣшиваться въ дѣла подобнаго рода; но они приставали ко мнѣ до тѣхъ поръ, покамѣстъ я не согласился. Я замѣчалъ уже много разъ, что при подобной раздачѣ мѣстъ, на которую къ несчастію смотрѣли тогда, какъ на особенную милость, просьбы моей бабушки и тетки не оставались безъ дѣйствія. Теперь я самъ уже былъ въ такихъ лѣтахъ, что могъ имѣть нѣкоторое вліяніе. Притомъ товарищи говорили, что они навсегда будутъ обязаны мнѣ за это. Изъ угожденія имъ я рѣшился побѣдить въ себѣ ребяческую робость. Они сунули мнѣ въ руку просительное письмо — и я взялся передать его дѣдушкѣ.

Въ одно воскресенье послѣ обѣда дѣдушка занимался въ саду; время уже шло къ осени. Я старался помогать ему. Долго не рѣшаясь сперва, наконецъ обратился я къ нему съ моею прось-

бой, и подалъ просительное письмо. Онъ взглянулъ на него и спросилъ, знаю ли я этаго молодаго человѣка? Я расказалъ въ общихъ чертахъ все, что можно было сказать — и дѣдушка удовольствовался этимъ. «Если онъ человѣкъ стоющій и съ хорошимъ аттестатомъ, то для тебя я могу оказать ему покровительство.» Онъ не сказалъ больше ни слова — и я долго не зналъ ничего объ этомъ дѣлѣ.

Съ нѣкотораго времени я началъ замѣчать, что Гретхенъ не сидитъ больше за самопрялкой. Она занималась теперь шитьемъ и притомъ самымъ тонкимъ. Это тѣмъ болѣе удивляло меня, что дни становились уже короче. Приближалась зима. Впрочемъ я мало думалъ объ этомъ. Меня безпокоило только то, что уже нѣсколько разъ по утрамъ я не находилъ ее дома и никакъ не могъ вывѣдать, куда она уходитъ. Вскорѣ одинъ случай поразилъ меня. Сестра моя сбиралась куда-то на балъ, и просила достать отъ модистки, такъ называемыхъ, Итальянскихъ цвѣтовъ. Ихъ приготовляли въ монастыряхъ; они были маленькіе и очень милы. Особенно мирты, розы и тому подобные отличались красотою и натуральностію. Мнѣ хотѣлось услужить сестрѣ, и я отправился въ лавку, гдѣ уже прежде бывалъ съ нею. Только-что вошелъ я туда и поздоровался съ хозяйкой, какъ вдругъ вижу, что подъ окномъ сидитъ какая-то молодая дѣвушка. Въ нарядномъ чепчикѣ и въ шелковой мантиліи, она показалась мнѣ очень хорошенькою и хорошо одѣтою. Неудивительно, что сперва я при-

нялъ ее просто за швею; потому-что она занималась работой, накалывая на шляпку ленты и перья. Модистка выдвинула мнѣ длинный ящикъ съ разными цвѣтами. Я пересматривалъ ихъ и, выбирая, взглянулъ опять на молоденькую швею. Каково же было мое удивленіе, когда я замѣтилъ въ ней необыкновенное сходство съ Гретхенъ, и наконецъ долженъ былъ совершенно убѣдиться, что это дѣйствительно она! Особенно всѣ мои сомнѣнія исчезли, когда она мигнула мнѣ и дала знакъ не подавать виду, что я знакомъ съ нею. Я со всею разборчивостію отбиралъ и отбрасывалъ цвѣты, искуснѣе самой опытной модистки. Хозяйка лавки пришла наконецъ въ отчаяніе. Дѣйствительно мнѣ было теперь не до цвѣтовъ: я былъ самъ не свой. Мнѣ хотѣлось только продлить время; потому-что я находился такъ близко къ Гретхенъ. Я досадовалъ на ея маску; но подъ этой маской она казалась мнѣ еще очаровательнѣе. Наконецъ хозяйка лавки потеряла всякое терпѣніе. Она отобрала мнѣ цѣлую корзину цвѣтовъ — и я долженъ былъ отнести ихъ къ сестрѣ, чтобы та сама выбрала. Такимъ образомъ модистка выжила меня изъ лавки, а корзину съ цвѣтами послала въ-слѣдъ за мной съ дѣвушкою.

Только-что я возвратился домой, отецъ велѣлъ позвать меня къ себѣ. Онъ объявилъ, что получено наконецъ достовѣрное извѣстіе объ избраніи герцога Іосифа Римскимъ императоромъ. Скоро будетъ коронація. Такаго торжественнаго случая нельзя было

жать своихъ рукъ, чтобы послѣ не пропустить мимо себя зрѣлища, глазѣли только и удивлялись. Отцу хотѣлось перелистовать со мною дневники обѣихъ коронацій и послѣдняго постановленія выбора, чтобы видѣть потомъ, какія новыя условія прибавлены будутъ къ настоящему случаю. Дневники были разложены — и мы просидѣли съ ними цѣлый день до глубокой ночи. Между-тѣмъ образъ милой дѣвушки безпрестанно носился передо мною. Среди высокихъ предметовъ священной Римской имперіи, она являлась мнѣ то въ ея скромномъ домашнемъ платьѣ, то въ ея новомъ костюмѣ. Въ этотъ вечеръ невозможно было увидѣться съ нею — и я провелъ ночь очень безпокойно. Занятія наши ревностно продолжались и на другой день. Только подъ вечеръ я улучилъ время посѣтить мою милую. Я опять нашелъ ее въ обыкновенномъ домашнемъ платьѣ. Она засмѣялась, увидѣвъ меня, но я не рѣшился ни о чемъ упомянуть ей при другихъ. Когда всѣ усѣлись и успокоились, Гретхенъ начала: «непростительно было бы не сказать нашему новому другу о томъ, что на-дняхъ рѣшено между нами». Потомъ она стала разсказывать, что послѣ послѣдняго разговора — гдѣ рѣчь была о томъ, какъ каждый изъ насъ надѣется составить себѣ что-нибудь въ свѣтѣ — между ними пришлось къ слову, какимъ образомъ женщинѣ можно бы было усовершенствовать свои таланты и рукодѣлья и съ пользою употреблять свое время? На это одинъ изъ братьевъ предложилъ, чтобы Гретхенъ попыталась работать для модистки, которой нужна теперь швея.

Условившись съ хозяйкою модной лавки, Гретхенъ ходитъ къ ней каждый день на нѣсколько часовъ и получаетъ за это хорошую плату. Только для приличія должна она переодѣваться въ извѣстное платье, которое каждый разъ оставляетъ тамъ; потому-что оно вовсе нейдетъ къ ея обыкновенному образу жизни. Это объясненіе успокоило меня. Не нравилось мнѣ только то, что такая молодая дѣвушка проводитъ время въ открытой лавкѣ, гдѣ обыкновенное сборище всѣхъ модницъ и модниковъ. Однако жъ я не рѣшился сдѣлать никакаго замѣчанія, и только молча предавался ревности. Младшій изъ братьевъ недалъ мнѣ на этотъ разъ долго задуматься. Онъ приступилъ опять съ предложеніемъ написать стихи, расказалъ сюжетъ — и просилъ, чтобы я обдумалъ его и изложилъ теперь же. Онъ мнѣ говорилъ уже и прежде нѣсколько разъ объ этой темѣ. Въ подобныхъ случаяхъ я бывалъ всегда очень сговорчивъ; а потому и теперь нетрудно было достигнуть, чтобы я обстоятельно растолковалъ все, что тутъ есть реторическаго. Я далъ ему понятіе о составѣ сочиненія, и не безъ пользы привелъ въ образецъ мои собственныя и чужія произведенія этаго рода. Молодой человѣкъ былъ съ хорошею головой, хотя безъ признаковъ поэтическаго таланта. Онъ входилъ во всѣ подробности и хотѣлъ узнать всю подноготную, такъ-что я сдѣлалъ наконецъ замѣчаніе: «вы, кажется, какъ будто хотите захватить меня на дѣлѣ и отнять у меня мое искуство.» «Не отказываюсь,» сказалъ онъ смѣясь: «но

что же? вѣдь этимъ я не дѣлаю вамъ никакаго вреда. Рано ли, поздно ли — вы поступите въ университетъ; позвольте же покамѣстъ попользоваться отъ васъ хоть чѣмъ-нибудь.» «Съ большимъ удовольствіемъ,» отвѣчалъ я—и подстрекнулъ, чтобы онъ самъ попробовалъ написать сочиненіе: выбралъ бы мѣру стиховъ сообразно съ характеромъ предмета, и вообще обдумалъ бы все, что необходимо для этаго. Молодой человѣкъ серьёзно принялся за дѣло; но ему не посчастливилось. Мнѣ пришлось столько переправлять, что легче и лучше было бы написать все самому. Въ подобныхъ занятіяхъ время проходило скоро: всѣ были довольны и даже, можно сказать, счастливы. Гретхенъ также принимала участіе въ этѣхъ бесѣдахъ, и иногда очень удачно высказывала какую-нибудь мысль. День она работала у модистки, а вечеромъ мы обыкновенно собирались всѣ вмѣстѣ. Хотя не было больше заказовъ на стихи, однако жъ это не разстроивало нашихъ пирушекъ. Разъ только самолюбіе наше пострадало отъ того, что одно стихотвореніе возвращено было съ замѣчаніями: заказщикъ не былъ доволенъ имъ. Но и тутъ мы утѣшили себя тѣмъ, что сами считали это стихотвореніе за лучшее, а того, кто заказывалъ, провозгласили дурнымъ знатокомъ. Братъ Гретхенъ, который однажды навсегда рѣшился непрѐмѣнно учиться, предлагалъ теперь разныя замысловатыя задачи Рѣшеніе ихъ очень занимало насъ. Но такъ-какъ оно не приносило намъ никакихъ существенныхъ выгодъ, потому мы и должны

были устроивать наши маленькія вечеринки нѣсколько умѣреннѣе.

Съ этѣхъ поръ вниманіе всѣхъ поглощено было великимъ политическимъ событіемъ — избраніемъ и коронованіемъ Римскаго императора.

— — — — — — — — — — — — — — —

Оставимъ на этотъ разъ курфирста Іосифа — и обратимся къ Гретхенъ. Когда толпа разступилась, я увидѣлъ ее въ сопровожденіи Пилада и его возлюбленной. Эта троечка была теперь неразлучна. Только-что я столкнулся съ ними и поздоровался, тотъчасъ же рѣшено было провести этотъ вечеръ вмѣстѣ. Я не опоздалъ явиться. Вся наша компанія опять собралась. У каждаго было что-нибудь сказать, расказать, замѣтить: одному больше нравилось то, другому другое. «Ваши рѣчи, сказала наконецъ Гретхенъ, почти больше сбиваютъ меня съ толку, нежели всѣ происшествія этаго дня. Я никакъ не могу связать однаго съ другимъ изъ всего, что видѣла сегодня; а о многомъ мнѣ хотѣлось бы знать, для чего это дѣлается». Я отвѣчалъ, что нетрудно оказать ей эту услугу: пусть только скажетъ она, чѣмъ особенно интересуется. Гретхенъ сдѣлала это: но когда я начиналъ ей объяснять что-нибудь, оказывалось, что лучше бы было ей расказывать по порядку. Довольно удачно сравнилъ я этѣ церемоніи съ сценическимъ зрѣлищемъ, гдѣ занавѣсъ вдругъ опускается, между-тѣмъ, какъ актеры продолжаютъ играть; потомъ онъ опять поднимается—и зритель снова можетъ принимать участіе въ представленіи. Такъ-

какъ я бывалъ всегда очень говорливъ, когда меня вызывали на это, то и теперь расказалъ все съ самаго начала до сегоднешняго вечера, въ самомъ лучшемъ порядкѣ—и, для ясности расказа, не упустилъ случая воспользоваться грифелемъ и большою аспидною доской. Только по временамъ то тотъ, то другой прерывали меня или какимъ-нибудь вопросомъ, или просто изъ желанія поспорить. Къ общему удовольствію я довелъ мой расказъ до конца. Гретхенъ очень утѣшила меня тѣмъ, что слушала съ постояннымъ вниманіемъ. Наконецъ она поблагодарила меня. Она завидовала—по ея собственному выраженію—всѣмъ, кто свѣдущъ въ общественныхъ событіяхъ, кто знаетъ—какъ, что происходитъ и что именно значитъ. Она призналась чистосердечно, что обязана мнѣ уже многими уроками, и что сама желала бы быть мальчикомъ. «Если бы я была мальчикомъ, сказала она, мы съ вами славно бы учились въ университетѣ.» Разговоръ продолжался въ этомъ родѣ. Гретхенъ изъявила желаніе непремѣнно выучиться по-Французски. Въ необходимости этаго языка она убѣдилась въ модной лавкѣ. Я спросилъ, зачѣмъ она больше не ходитъ туда (что замѣтилъ въ послѣднее время, когда вечеромъ мнѣ нельзя было надолго отлучаться изъ дому, и я нѣсколько разъ въ день, чтобы только посмотрѣть на нее хоть минутку, проходилъ мимо лавки). Гретхенъ отвѣчала, что ей не хотѣлось сидѣть тамъ въ такое безпокойное время; а когда городъ придетъ опять

въ прежнее положеніе, она снова намѣрена посѣщать модистку.

Рѣчь зашла о предстоящемъ днѣ избранія. Я расказалъ подробно, что̀ и какъ будетъ происходить—для большей ясности чертилъ все на доскѣ; потому-что зналъ обстоятельно мѣсто избранія съ его алтарями, тронами креслами и сѣдалищами. Мы разстались не поздно, и особенно въ пріятномъ расположеніи духа.

Молодыхъ людей, которые отъ природы уже сформированы какъ-то гармонически, всего болѣе и всего лучше связываетъ обстоятельство, если дѣвушка любознательна, а молодой человѣкъ довольно начитанъ. Она видитъ въ немъ творца своего духовнаго существованія, а онъ въ ней созданіе, которое обязано своимъ усовершенствованіемъ не одной только природѣ, или случаю, или собственной охотѣ, а взаимному желанію. Эта система обоюднаго дѣйствія увлекательна — и мы не должны удивляться, что, со временъ стараго и новаго Абеларда, всегда изъ взаимнаго столкновенія двухъ существъ происходили такія сильныя страсти, развивалось столько счастія и несчастій.

— — — — — — — — — — — — — — —

Я обѣщалъ Гретхенъ подробно и обстоятельно расказать обо всемъ, что̀ происходило въ послѣднее время, и чего надобно ожидать въ самый день коронованія. Этотъ великій день уже приближался. Въ головѣ у меня больше всего вертѣлось то, какъ я стану говорить ей, нежели то, о чемъ надобно

сказать. Именно для этой только цѣли я записалъ обстоятельно все, что попадалось мнѣ на глаза, или просто подъ перо. Я восхищался уже заранѣе, что расказъ мой на этотъ разъ будетъ удачнѣе; потому-что прежде я велъ его безъ приготовленія. Наконецъ вечеромъ, довольно поздно, я достигъ жилища Гретхенъ. Но очень часто простой случай приноситъ намъ такія удовольствія, какихъ не могутъ доставить и самые обдуманные планы. Я нашелъ почти тоже общество; однако жъ было и нѣсколько новыхъ лицъ. Всѣ усѣлись играть. Только Гретхенъ и меньшой братъ не покидали меня и помѣстились около аспидной доски. Милая дѣвушка съ такимъ сердечнымъ удовольствіемъ призналась, что хотя она иногородка, но стоила въ день избранія любой Франкфуртянки, и принимала въ этомъ торжественномъ праздникѣ искреннее участіе. Самымъ дружескимъ образомъ она благодарила меня за то, что я позаботился о ней, и былъ столько внимателенъ, что доставлялъ ей вездѣ пропускъ посредствомъ билетовъ, указаній, пріятелей и разными пособіями.

Охотно слушала она, когда расказывали объ имперскихъ драгоцѣнныхъ камняхъ и украшеніяхъ. Я обѣщалъ, что мы будемъ смотрѣть ихъ вмѣстѣ, при всякой возможности. Шутя, она сдѣлала нѣсколько замѣчаній, когда узнала, что новому императору примѣривали одежды и корону. Я зналъ, откуда лучше можно будетъ видѣть всю церемонію, и потому предварительно обращалъ вниманіе Грет-

хенъ на все предстоящее, и особенно на то, что̀ виднѣе будетъ съ ея мѣста.

Бесѣдуя такимъ образомъ, мы и позабыли подумать о томъ, который часъ. Было уже за полночь. Я вспомнилъ, что къ несчастію не взялъ ключа отъ моей комнаты. Итти нельзя было: дома подняли бы за это шумъ. Я сообщилъ Гретхенъ о своемъ затрудненіи. «Если такъ, сказала она, то самое лучшее—просидѣть здѣсь всѣмъ до утра». У братьевъ и прочихъ гостей была уже эта мысль; потому-что не знали, какъ размѣститься на ночь. Дѣло было рѣшено скоро. Гретхенъ пошла варить кофе. Но такъ-какъ свѣчи уже догорали, то она принесла прежде большую мѣдную лампу, и зажгла ее.

Кофе на нѣсколько времени разогналъ дремоту; но мало по малу игра сдѣлалась вялою; разговоръ прекратился. Мать заснула въ большихъ креслахъ. Пріѣзжіе гости, утомленные дорогой, задремали, кто гдѣ могъ. Циладъ и его любезная сидѣли въ уголку. Она положила голову къ нему на плечо и заснула; онъ также недолго бодрствовалъ. Меньшой братъ, сидя за аспиднымъ столомъ, сложивъ руки, положилъ ихъ передъ собой и легъ на нихъ щекой. Я помѣстился у окна за столомъ; Гретхенъ сидѣла подлѣ меня; мы тихо разговаривали. Наконецъ сонъ одолѣлъ и ее: она склонилась головой ко мнѣ на плечо и скоро задремала. Такимъ образомъ я остался одинъ, бодрствуя въ самомъ странномъ положеніи. Наконецъ заботливый братъ смерти успокоилъ и меня. Я заснулъ, а когда проснулся, было уже

свѣтло. Гретхенъ стояла передъ зеркаломъ и поправляла на себѣ чепчикъ. Она была еще очаровательнѣе, и когда я уходилъ, очень нѣжно подала мнѣ руку. Заднею дорожкой я тихонько прокрался домой; потому-что съ этой стороны, конечно не безъ ссоры съ сосѣдомъ, отецъ мой сдѣлалъ въ стѣнѣ, обращенной на эту часть города, маленькое слуховое окно. Мы всегда избѣгали этой стороны, когда хотѣли притти домой такъ, чтобы никто не замѣтилъ. Мать моя, которой заступничество всегда спасало насъ отъ бѣды, утромъ за чаемъ прикрыла мое отсутствіе тѣмъ, что я рано ушелъ со двора. Такимъ образомъ эта невинная ночная бесѣда осталась безъ всякихъ непріятныхъ для меня послѣдствій.

— — — — — — — — — — — — — — —

3-е Апрѣля 1764 года было днемъ коронаціи. Погода благопріятствовала, и весь городъ былъ въ движеніи.

— — — — — — — — — — — — — — —

Я условился съ Гретхенъ, съ Пиладомъ и его любезною сойтись гдѣ-нибудь въ назначенный часъ. Городъ былъ уже освѣщенъ во всѣхъ концахъ и углахъ, когда я отыскалъ моихъ друзей. Я подалъ руку Гретхенъ, и мы, переходя отъ одного дому къ другому, были совершенно счастливы. Братья гуляли сначала также вмѣстѣ съ нами, но потомъ потерялись въ толпѣ. Домы нѣкоторыхъ посланниковъ иллюминованы были великолѣпно: передъ нами было такъ свѣтло, какъ будто днемъ.

— — — — — — — — — — — — — — —

Между деревьями стояли блистательныя пирамиды и шары на прозрачныхъ пьедесталахъ. Отъ дерева къ дереву протянуты были свѣтлыя гирлянды, на которыхъ висѣли люстры. Во многихъ мѣстахъ раздавали народу хлѣбъ и калбасы; не было недостатка и въ винѣ.

Взявшись рука за руку, мы всѣ четверо ходили взадъ и впередъ съ истиннымъ наслажденіемъ. Подлѣ Гретхенъ, я воображалъ, что гуляю въ счастливыхъ поляхъ элизіума, гдѣ снимаютъ съ деревъ кристальные сосуды, которые тотчасъ наполняются желаннымъ виномъ, и плоды, которые по желанію превращаются въ какую угодно пищу. Одно изъ такихъ желаній почувствовали наконецъ и мы—и, предводимые Пиладомъ, нашли очень мило устроенный домикъ. Изъ гостей тамъ не было никого: всѣ толпились на улицахъ. Мы были очень рады, что оставались совершенно одни, и провели большую часть ночи очень весело и счастливо во взаимныхъ изліяніяхъ дружбы и любви. Я проводилъ Гретхенъ до дому; она поцѣловала меня въ лобъ. Это былъ первый и послѣдній поцѣлуй: я не видалъ ея болѣе.

На другое утро я лежалъ еще въ постелѣ, какъ вошла въ комнату мать моя, разстроенная и печальная. У нея всегда тотчасъ можно было замѣтить, если она огорчена чѣмъ-нибудь. «Встань, сказала она, и приготовься къ большимъ непріятностямъ. Узнали, что ты посѣщаешь дурное обще-

ство, и запутался въ самое опасное и скверное дѣло. Отецъ внѣ себя; мы насилу уговорили его, чтобъ онъ поручилъ кому-нибудь разузнать это все обстоятельно. Останься въ этой комнатѣ, и ожидай, что будетъ. Совѣтникъ Шнейдеръ придетъ сюда: онъ имѣетъ порученіе какъ отъ отца, такъ и отъ начальства. Дѣло поступило уже въ судъ, и можетъ принять очень дурной оборотъ.»

Я видѣлъ ясно, что дѣло это понимаютъ совсѣмъ не такъ, какъ оно было. Но все-таки чувствовалъ немалое безпокойство при мысли, что придется открыть всѣ мои связи. Г. Шнейдеръ, старый другъ нашего дома, вошелъ наконецъ въ комнату; на глазахъ у него были слезы. Онъ взялъ меня за руку и сказалъ: «очень жаль, что прихожу къ вамъ по такому дѣлу. Я никогда не думалъ, чтобы вы способны были запутаться въ такія связи. Но чего не дѣлаютъ худое товарищество и дурные примѣры! И мудрено ли молодаго, неопытнаго человѣка шагъ за шагомъ довести до преступленія?» Я отвѣчалъ, что не знаю никакаго преступленія, и не посѣщалъ никогда дурныхъ обществъ. «Теперь рѣчь не о защищеніи, возразилъ Шнейдеръ, а только о розыскѣ и о чистосердечномъ признаніи съ вашей стороны.» «Чего жъ вы хотите отъ меня?» спросилъ я. Онъ сѣлъ, вынулъ бумагу и началъ допросъ. «Не рекомендовали ли вы на такое-то мѣсто N. N. вашему дѣдушкѣ?» «Рекомендовалъ,» отвѣчалъ я. «Гдѣ вы познакомились съ нимъ?» «Во время прогулки.» «Кто еще былъ

съ вами?» Я сталъ въ-тупикъ: мнѣ не хотѣлось измѣнять моимъ друзьямъ. «Молчаніе тутъ не поможетъ, продолжалъ Шнейдеръ; все уже извѣстно.» «Что жъ извѣстно?» спросилъ я. «Что этотъ человѣкъ рекомендованъ вамъ другими такаго же разбора, а именно ***.» Здѣсь назвалъ онъ имена трехъ особъ, которыхъ я никогда не знавалъ и даже не видалъ. Я объяснилъ это моему допрощику «Вы говорите, продолжалъ Шнейдеръ, что не знаете этихъ людей, а между-тѣмъ часто имѣли съ ними сношенія.» «Рѣшительно никакихъ, отвѣчалъ я; кромѣ N. N., какъ я сказалъ уже вамъ, не знаю ни однаго изъ поименованныхъ вами лицъ, да и того видѣлъ только во время прогулки.» «Часто бывали вы въ улицѣ ***?» «Никогда,» отвѣчалъ я. Это не совсѣмъ согласно было съ истиной. Однажды я провожалъ Пилада къ его любезной, которая жила въ этой улицѣ. Но мы прошли заднею калиткой, и оставались въ саду въ бесѣдкѣ; а потому я полагалъ, что можно позволить себѣ такую увертку: дѣйствительно, въ самой улицѣ я не бывалъ.

Добрый Шнейдеръ сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ; но на всѣ я отвѣчалъ отрицательно; потому-что мнѣ ничего не было извѣстно о томъ, о чемъ онъ желалъ знать. Это, казалось, огорчило его. Онъ сказалъ: «вы худо платите за мою довѣренность и доброе расположеніе къ вамъ. Я пришелъ спасти васъ. Вы не можете отрицать, что сочиняли для этихъ людей, или для ихъ сообщниковъ,

письма, составляли планы, и такимъ образомъ помогали ихъ плутнямъ. Я пришелъ спасти васъ. Рѣчь идетъ не о какихъ-нибудь пустякахъ, а о поддѣлкѣ почерковъ, о фальшивыхъ завѣщаніяхъ, векселяхъ и тому подобныхъ вещахъ. Я пришелъ не только какъ другъ дома, я пришелъ отъ имени правительства, по приказанію его. Изъ уваженія къ вашему семейству и вашей молодости, оно хочетъ пощадить васъ и нѣкоторыхъ другихъ молодыхъ людей, которые, подобно вамъ, завлечены въ этѣ сѣти.» Меня удивило то, что въ числѣ лицъ, которыя назвалъ онъ, не было именно тѣхъ, съ которыми обыкновенно бывалъ я въ сношеніяхъ. Хотя обстоятельства не согласовались, но они были затронуты, и я могъ еще надѣяться спасти моихъ друзей. Но Шнейдеръ дѣлался часъ отъ часу настойчивѣе. Я не могъ не сознаться, что нерѣдко поздно возвращался домой, что умѣлъ запастись ключемъ отъ комнаты, что неразъ видали меня въ увеселительныхъ домахъ съ людьми изъ низшаго класса и подозрительнаго вида, что дѣвушки вмѣстѣ съ нами запутаны въ это дѣло. Однимъ словомъ, теперь уже ясно было, что все извѣстно, кромѣ именъ. Это только и придавало еще мнѣ духу упорно молчать. «Не доводите меня до того, сказалъ Шнейдеръ, чтобъ я ушелъ отъ васъ. Дѣло не терпитъ отсрочки. Сейчасъ же въ слѣдъ за мною придетъ другой, который не позволитъ шутить этимъ. Не упрямьтесь же, чтобъ не испортить дѣла и безъ того дурнаго.»

Я живо вообразилъ себѣ положеніе добрыхъ братьевъ, и особенно Гретхенъ. Мнѣ представлялось уже, что ее схватили, допрашиваютъ, наказали, опозорили... Меня освѣтило будто молніей: можетъ быть, эти братья, хотя они всегда казались мнѣ честными, дѣйствительно запутаны въ такое скверное дѣло — по крайней мѣрѣ старшій, который мнѣ никогда не нравился. Онъ всегда приходилъ домой позже, и мало умѣлъ расказать что-нибудь веселаго. Но все-таки я удерживался отъ признанія. «Самъ я, лично, сказалъ я, никогда и въ мысляхъ не имѣлъ дурнаго, и съ этой стороны совершенно спокоенъ. Да не можетъ быть, чтобъ и тѣ, съ которыми велъ я знакомство, были виноваты въ какихъ-нибудь дерзкихъ поступкахъ, а тѣмъ больше въ преступленіяхъ. Пусть ихъ отыскиваютъ, пусть найдутъ, допросятъ, накажутъ—я, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, не могу еще ни въ чемъ упрекнуть себя, да не могу сказать ничего и къ ихъ обвиненію: они обходились со мною дружески.» Шнейдеръ не далъ мнѣ кончить и сказалъ съ нѣкоторымъ движеніемъ: «да, ихъ отыщутъ! эти негодяи собирались въ трехъ домахъ.» Онъ назвалъ улицы и домы; къ несчастію между ними было имя и того дома, куда я обыкновенно ходилъ. «Первое гнѣздо уже раззорено, продолжалъ онъ, а въ эту минуту раззоряютъ и оба другія. Скоро все объяснится. Признайтесь чистосердечно и избавьте себя отъ судейскихъ допросовъ, очныхъ ставокъ и всѣхъ подобныхъ непріятностей.» Домъ былъ названъ;

теперь безполезно было уже запираться. Я надѣялся даже, что признаніе мое послужитъ въ пользу моихъ друзей; потому-что увѣренъ былъ, что сборища наши не имѣли никакой дурной цѣли. «Садитесь, сказалъ я Шнейдеру, остановивъ его уже у дверей: я раскажу все откровенно, чтобъ облегчить сердце и вамъ и себѣ. Объ одномъ только прошу: не сомнѣвайтесь въ моей искренности.

Я началъ расказывать весь ходъ дѣла. Сначала говорилъ я спокойно и обдуманно; но чѣмъ больше приводилъ на память лица, предметы, происшествія и оживлялъ въ воображеніи прошедшее, чѣмъ больше, такъ сказать, предавалъ уголовному суду столько невинныхъ радостей, столько чистыхъ наслажденій, тѣмъ болѣе подступало въ груди ѣдкое чувство, такъ-что я залился наконецъ слезами и предался неудержимому страданію. Добрый Шнейдеръ былъ увѣренъ, что теперь только, именно этимъ путемъ, можетъ объясниться настоящая тайна. Онъ считалъ мою горесть признакомъ, что я готовъ уже признаться въ ужасномъ замыслѣ, а потому всѣми силами старался успокоить меня. Отъ этаго открытія для него зависѣло все. Правда, ему не вполнѣ удалось успокоить меня, однако жъ столько, что я могъ продолжать расказъ. Хотя онъ увѣренъ былъ, что связи наши были самыя невинныя, однако жъ все еще сомнѣвался нѣсколько, и предложилъ мнѣ новые вопросы; этимъ онъ снова разстроилъ меня, и пробудилъ во мнѣ страданія и слезы. Наконецъ я началъ увѣрять, что мнѣ

сказать болѣе нечего. «Я очень хорошо знаю, говорилъ я, что мнѣ нечего бояться: я совершенно невиненъ, изъ хорошей фамиліи и пользуюсь хорошей репутаціей; но тѣ, можетъ быть, точно также ни о чемъ не знаютъ, и между-тѣмъ ихъ не призна̀ютъ невинными, не окажутъ никакаго снисхожденія.» Я тогда же объявилъ, что ежели друзей моихъ не пощадятъ такъ же, какъ и меня, если не будутъ смотрѣть сквозь пальцы на ихъ глупости и не простятъ этѣхъ шалостей, то я сдѣлаю что-нибудь надъ собой, и отъ этаго никто не удержитъ меня. Добрый Шнейдеръ старался успокоить меня и на счетъ этаго; но я не довѣрялъ ему. Когда онъ оставилъ меня, я былъ въ ужасномъ положеніи. Я упрекалъ себя за то, что расказалъ все и вывелъ наружу наши связи. Я видѣлъ напередъ, что всѣ этѣ, можно сказать, еще ребяческія интриги и шашни перетолкуютъ совсѣмъ иначе, что, можетъ быть, и добраго Пилада я запуталъ теперь и надѣлалъ ему тьму непріятностей. Всѣ этѣ мысли одна за другою тѣснились въ душѣ и усиливали ея страданія, такъ-что, не зная наконецъ, чѣмъ помочь горю, я бросился на полъ и плакалъ.

Не знаю, долго ли бы пролежалъ я, какъ вдругъ вошла въ комнату сестра. Она ужаснулась, увидѣвъ такое отчаяніе, и сдѣлала все, чтобъ только успокоить меня. Она расказала, что какой-то магистратскій чиновникъ ожидалъ возвращенія Шнейдера внизу у отца; послѣ того они оставались нѣсколько запершись; наконецъ оба ушли и были

по-видимому довольны другъ другомъ. Разговаривая между собою, они очень смѣялись; сестрѣ показалось даже, что она слышала слова; ну, теперь все улажено; дѣло самое пустое! «Да, конечно, сказалъ я, дѣло самое пустое для меня, для насъ, потому-что я не сдѣлалъ никакаго преступленія, да если бы и сдѣлалъ что-нибудь, такъ знали бы, какъ помочь мнѣ; но они, они.... кто за нихъ заступится?» Сестра старалась всѣми средствами утѣшить меня. Она приводила въ доказательство, что если ужъ хотятъ выпутать изъ этаго дѣла богатыхъ, то и на шалости бѣдняковъ должны смотрѣть сквозь пальцы. Но все это нисколько мнѣ не помогало. Только-что вышла она, я опять предался горю: въ воображеніи тѣснились картины прошедшихъ радостей и образы дѣйствительнаго и возможнаго несчастія. Я расказывалъ себѣ мысленно сказку за сказкой, видѣлъ впереди только горе за горемъ; особенно мучило то, что я впуталъ въ такія непріятности и себя и Гретхенъ.

Добрый Шнейдеръ совѣтовалъ мнѣ покамѣстъ не выходить изъ комнаты и ни съ кѣмъ не говорить объ этомъ дѣлѣ, кромѣ домашнихъ. Для меня это было хорошо: я желалъ быть совершенно одинъ. Мать и сестра по временамъ посѣщали меня всегда съ полною готовностію помогать мнѣ всѣми возможными утѣшеніями. Онѣ приходили и на другой день и сказали, что отецъ теперь уже успокоился и совершенно простилъ меня. Я принялъ это съ благодарностію; но предложеніе его, что могу

выходить съ нимъ и видѣть инсигніи имперіи, которыя теперь показываютъ любопытнымъ, отклонилъ упрямо. Я объявилъ рѣшительно, что не хочу ничего знать ни о Римской имперіи, ни о томъ, что дѣлается въ свѣтѣ, пока мнѣ не будетъ извѣстно объ окончаніи моего дѣла: для меня оно не могло имѣть дальнѣйшихъ послѣдствій. Но что сталось съ моими бѣдными друзьями! Ни мать, ни сестра не могли мнѣ ничего сказать объ этомъ и оставили меня одваго. На слѣдующій день сдѣлано было еще нѣсколько опытовъ вытащить меня изъ дому, чтобы участвовать при торжественныхъ церемоніяхъ. Напрасно!

— — — — — — — — — — — — — — —

Я не находилъ теперь больше ни въ чемъ удовольствія, и только думалъ о моемъ несчастіи, представляя его въ воображеніи въ тысячѣ различныхъ образовъ. Весь мой творческій талантъ, вся моя поэзія и реторика кружились около одной сердечной раны — и, дѣйствуя сильно и живо, грозили мнѣ болѣзнію и физическою и моральною. Въ такомъ печальномъ положеніи ничто не влекло и не занимало меня. Мнѣ сильно хотѣлось знать только, что случилось съ Гретхенъ и съ моими друзьями, чѣмъ кончились розыски; нашли ли ихъ дѣйствительно запутанными въ это дѣло, или невинными. Воображеніе разрисовывало все различными красками, и безъ сомнѣнія всегда представляло моихъ друзей невинными и совершенно несчастными. То, желая избавить себя отъ этой мучительной неизвѣстно-

сти, я писалъ самое грозное письмо къ Шнейдеру, чтобы онъ не скрывалъ отъ меня дальнѣйшаго хода дѣла, то разрывалъ опять письмо, страшась узнать навѣрно о моемъ несчастіи и лишить себя утѣшеній фантазіи, которая до сихъ поръ попеременно то пугала меня, то успокоивала.

Такъ проводилъ я дни и ночи: ужасная неизвѣстность терзала и томила меня, такъ-что я былъ наконецъ очень радъ, когда сдѣлался боленъ — и довольно сильно. Должны были позвать лекаря и подумать о средствахъ — успокоить меня. Полагали, что можно достигнуть этаго, увѣривъ меня, что со всѣми, которые болѣе или менѣе запутаны въ этомъ дѣлѣ, поступлено очень снисходительно, что любимые друзья мои отпущены какъ совершенно безвинные, только съ легкимъ выговоромъ, и что Гретхенъ уѣхала изъ города и возвратилась на родину. О послѣднемъ обстоятельствѣ долго не сказывали — и оно подѣйствовало на меня не совсѣмъ хорошо: я видѣлъ въ этомъ недобровольный отъѣздъ, а позорное изгнаніе. Тѣлесное и душевное состояніе мое не улучшилось: я терзался по-прежнему и имѣлъ довольно времени обдумать удивительнѣйшій романъ плачевнаго содержанія и, какъ водится, съ трагическою катастрофою.

Такъ было со мной — и это поперемѣнно то способствовало выздоровленію, то замедляло его. Нѣкотораго рода тайная досада присоединилась еще къ прочимъ чувствованіямъ: я видѣлъ ясно, что за мной наблюдали. Ежели передавали мнѣ какую-ни-

будь запечатанную записку, то всегда подсматривали, какое дѣйствіе произведетъ она: буду ли я хранить ее въ тайнѣ, или положу на столъ и т. п. Изъ этаго я догадывался, что Пиладъ, или кто-нибудь изъ братьевъ, или даже сама Гретхенъ, вѣроятно дѣлали попытку писать ко мнѣ, чтобы дать извѣстіе о себѣ, или получить отъ меня. Въ моемъ положеніи это еще больше огорчало меня и давало новый поводъ предаваться догадкамъ и теряться въ лабиринтѣ мечтаній.

Это продолжалось недолго. Мнѣ дали еще новаго присмотрщика. Къ счастію, это былъ человѣкъ, котораго я любилъ и уважалъ. Онъ занималъ мѣсто учителя въ одномъ знакомомъ домѣ. Теперь его воспитанникъ ходилъ въ университетъ, и потому онъ часто навѣщалъ меня въ моемъ горестномъ положеніи. Не нашли ничего естественнѣе, какъ очистить ему комнату подлѣ моей: онъ долженъ былъ занимать меня, успокоивать и, какъ можно было замѣтить, держать всегда на глазахъ. Я сердечно любилъ его и прежде еще довѣрялъ ему многое (кромѣ любви къ Гретхенъ), а потому и теперь рѣшился быть съ нимъ совершенно откровеннымъ. Для меня несносно было жить съ кѣмъ-нибудь вмѣстѣ и скрытничать отъ него. Я недолго медлилъ и расказалъ всю исторію. Воспоминаніе всѣхъ, даже самыхъ малѣйшихъ подробностей протекшаго счастія, и чистосердечный расказъ облегчили меня. Другъ мой, какъ человѣкъ благоразумный, увидѣлъ, что лучше познакомить меня съ окончаніемъ этой

исторіи, хотя по частямъ, но чтобы я могъ судить уже и объ остальномъ. Онъ надѣялся, дѣйствуя постоянно на умъ, убѣдить меня, что я долженъ одуматься, забыть прошедшее и начать новую жизнь. Сначала онъ растолковалъ мнѣ, какаго званія была та молодежь, которую видалъ я у братьевъ; сказалъ, какъ, увлекшись, они, сперва дерзкими мистификаціями, потомъ разными непозволительными шалостями, наконецъ для забавы, начали мастерить деньги и т. д. Такимъ образомъ дѣйствительно образовалась маленькая шайка, къ которой отъ невѣдѣнія пристали и другіе. Шайка эта занималась поддѣлкою почерковъ, разными непозволительными интригами и еще болѣе непозволительными замыслами. Братья, о которыхъ нетерпѣливо спрашивалъ я, были нисколько невиноваты: они были знакомы только съ этими негодяями, но не имѣли съ ними никакихъ общихъ умысловъ. Мой кліентъ, котораго я рекомендовалъ дѣдушкѣ, былъ одинъ изъ первыхъ плутовъ. Эта-то рекомендація и навела на мой слѣдъ. Онъ домогался мѣста для того, чтобы дѣйствовать свободнѣе и прикрыть нѣкоторыя проказы. Наконецъ я не могъ удержаться и спросилъ, что сдѣлалось съ Гретхенъ, къ которой въ первый разъ въ жизни, но навсегда, я почувствовалъ страстную любовь. Другъ мой покачалъ головой и засмѣялся. «Успокойтесь, отвѣчалъ онъ, эта дѣвушка отдѣлалась прекрасно и получила превосходный аттестатъ. Нельзя было найти въ ней ничего, кромѣ хорошаго и милаго. Судьи были къ ней

благосклонны и не могли отказать ей въ позволенiи удалиться изъ города, чего она такъ желала. То, въ чемъ призналась она касательно васъ, дѣлаетъ ей честь. Я самъ читалъ ея показанiе въ секретныхъ бумагахъ и видѣлъ ея подпись.» «Подпись! вскричалъ я, подпись, отъ которой зависитъ мое счастiе и несчастiе! Въ чемъ же призналась она, что подписала?» Другъ мой медлилъ отвѣчать; но ясное выраженiе лица его показывало, что онъ не скрываетъ ничего непрiятнаго. «Если вы непремѣнно хотите знать это, отвѣчалъ онъ наконецъ, то выслушайте. Когда рѣчь была о вашемъ знакомствѣ съ нею, она сказала очень откровенно: не хочу запираться, я часто и даже охотно видалась съ нимъ; но я всегда смотрѣла на него какъ на мальчика, и склонность моя къ нему была просто братская. Во многихъ случаяхъ я давала ему добрые совѣты, и вмѣсто того, чтобы подстрекать къ какому-нибудь двусмысленному поступку, удерживала всегда, чтобы онъ не принималъ участiя въ замышляемыхъ шалостяхъ, которыя могли бы повредить ему.

Другъ мой продолжалъ еще расказывать, какъ Гретхенъ играла роль наставницы; но я уже не слушалъ болѣе. Меня ужасно оскорбило то, что въ бумагахъ она назвала меня мальчикомъ. Я рѣшился однимъ разомъ убить въ сердцѣ всякую склонность къ ней, и наотрѣзъ объявилъ моему другу, что отнынѣ все кончено! Я не говорилъ больше о ней, не произносилъ даже ея имени. Но все-таки не могъ освободиться отъ дурной привычки думать о

ней, оживлять въ воображеніи ея образъ, ея поступки, ея пріемы, хотя все это представлялось конечно уже въ другомъ свѣтѣ. Невыносимымъ казалось мнѣ то, что дѣвочка, которая много-что двумя годами старше меня, считаетъ меня ребенкомъ, междутѣмъ, какъ я самъ представлялъ себя уже молодымъ человѣкомъ умнымъ и опытнымъ. Теперь для меня противно было ея холодное обращеніе, которое такъ очаровывало прежде; фамильярность, которую она позволяла себѣ, но на которую мнѣ не позволяла отвѣчать тѣмъ же, была теперь ненавистна. Но все это еще бы ничего, если бы я не въ-правѣ былъ считать ее хитрою и самолюбивою кокеткою за то, что она подписала мое поэтическое посланіе — и этимъ самымъ уже форменнымъ образомъ призналась мнѣ въ любви. Таинственныя ея посѣщенія модистки также были теперь подозрительны. Однимъ словомъ, я до тѣхъ поръ предавался этимъ подозрѣніямъ, пока не затемнилъ всѣхъ ея любезныхъ качествъ. Я былъ убѣжденъ вполнѣ— и рѣшился оставить ее... но—этотъ милый образъ! ахъ, онъ каждый разъ, какъ только представлялся мнѣ, обличалъ меня во лжи. А это случалось очень часто.

Наконецъ все-таки была же вырвана изъ сердца эта стрѣла съ ея жаломъ. Теперь спрашивалось— какъ призвать на помощь юношескую, внутреннюю силу исцѣленія? Дѣйствительно, я началъ укрѣпляться душевно — и первое, что тотчасъ же оставлено было, это вопли и слезы: я считалъ ихъ

теперь просто ребячествомъ. Большой шагъ къ исцѣленію! Прежде, бывало, я половину ночей предавался страданіямъ. Слезы и вопли наконецъ довели меня до того, что я не могъ почти глотать — съ болью принималъ пищу и питье. Мнѣ казалось, что вмѣстѣ со мною страдаетъ и другая близкая мнѣ грудь. Досада, которую чувствовалъ я при горькихъ открытіяхъ истины, дала мнѣ возможность изгнать изъ сердца всякую слабость. Я находилъ это непростительнымъ, что сномъ, спокойствіемъ и здоровьемъ жертвую дѣвушкѣ, которая до того забылась, что смотрѣла на меня какъ на молокососа и выказывала себя въ отношеніи ко мнѣ не больше, какъ заботливою нянюшкой.

Нетрудно было убѣдиться такимъ образомъ, что дѣятельная жизнь разсѣетъ совершенно эти горькія размышленія . . . .

Н. И.

ОБЪ ОДИССЕѢ, ПЕРЕВОДИМОЙ ЖУКОВСКИМЪ.

Изъ письма къ Н. М. Языкову.

Появленіе Одиссеи произведетъ эпоху. Одиссея есть рѣшительно совершеннѣйшее произведеніе всѣхъ вѣковъ. Объемъ ея великъ; Иліада предъ нею эпизодъ. Одиссея захватываетъ весь древній міръ, публичную и домашнюю жизнь, всѣ поприща тогдашнихъ идей съ ихъ ремеслами, знаньями, вѣрованьями... Словомъ, трудно даже сказать, чего бы не обняла Одиссея, или что бы въ ней было пропущено. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ служила она неизсякаемымъ колодцемъ для древнихъ, а потомъ и для всѣхъ поэтовъ, изъ нея черпавшихъ предметы для безчисленнаго множества трагедій, комедій... Все это разнеслось по всему свѣту, сдѣлалось достояніемъ всѣхъ, а сама Одиссея позабыта. Участь Одиссеи странна: въ Европѣ ее не оцѣнили. Виной этаго отчасти недостатокъ перевода, который бы передавалъ художественно великолѣпнѣйшее произведеніе древности; отчасти недостатокъ языка, въ такой степени богатаго и полнаго, на которомъ отразились бы всѣ безчисленныя, неуловимыя красоты какъ самаго Гомера, такъ и вообще Эллинской рѣчи;

отчасти же недостатокъ наконецъ и самаго народа, въ такой степени одареннаго чистотою дѣвственнаго вкуса, какая потребна для того, чтобы почувствовать Гомера.

Теперь переводъ первѣйшаго поэтическаго творенія производится на языкѣ, полнѣйшемъ и богатѣйшемъ всѣхъ Европейскихъ языковъ.

Вся литературная жизнь Жуковскаго была какъ бы приготовленіемъ къ этому дѣлу. Нужно было его стиху выработаться на сочиненіяхъ и переводахъ съ поэтовъ всѣхъ націй и языковъ, чтобы сдѣлаться потомъ способнымъ передать вѣчный стихъ Гомера; уху его наслушаться всѣхъ лиръ, дабы сдѣлаться до того чуткимъ, чтобы и оттѣнокъ Эллинскаго звука не пропалъ. Нужно было, мало того, что влюбиться самому въ Гомера, но получить еще страстное желаніе заставить всѣхъ соотечественниковъ своихъ влюбиться въ Гомера на эстетическую пользу души каждаго изъ нихъ. Нужно было совершиться внутри самаго переводчика многимъ такимъ событіямъ, которыя привели въ бо̀льшую стройность и спокойствіе его собственную душу, необходимыя для передачи произведенія, замышленнаго въ такой стройности и спокойствіи. Нужно было наконецъ сдѣлаться глубже Христіаниномъ, дабы пріобрѣсти тотъ прозирающій, углубленный взглядъ на жизнь, котораго никто не можетъ имѣть кромѣ Христіанина, уже постигнувшаго значеніе жизни. Вотъ сколькимъ условіямъ нужно было выполниться, чтобы переводъ Одиссеи вышелъ не раб-

ская передача, но послышалось бы въ немъ *слово живо*—и вся Россія приняла бы Гомера какъ роднаго.

За то вышло что-то чудное. Это не переводъ, но скорѣй возсозданіе, возстановленье, воскресенье Гомера. Переводъ какъ бы еще болѣе вводитъ въ древнюю жизнь, нежели самъ оригиналъ. Переводчикъ незримо сталъ какъ бы истолкователемъ Гомера; сталъ передъ читателями какъ бы какимъ-то зрительнымъ, выясняющимъ стекломъ, сквозь которое еще опредѣлительнѣй и яснѣй выказываются всѣ безчисленныя его сокровища.

По моему всѣ нынѣшнія обстоятельства какъ бы нарочно остановились такъ, чтобы сдѣлать появленіе Одиссеи почти необходимымъ въ настоящее время: въ литературѣ, какъ и во всемъ, охлажденіе. Какъ очаровываться, такъ и разочаровываться устали и перестали. Даже эти судорожныя, больныя произведенія вѣка, съ примѣсью всякихъ непереварившихся идей, нанесенныхъ политическими и прочими броженіями, стали значительно упадать; только одни задніе чтецы, привыкшіе держаться за хвосты журнальныхъ вождей, еще кое-что перечитываютъ, не замѣчая въ простодушіи, что козлы, ихъ предводившіе, давно уже остановились въ раздумьи, не зная сами, куда повести заблудшія стада свои. Словомъ, именно то время, когда слишкомъ важно появленіе произведенія, стройнаго во всѣхъ частяхъ своихъ, которое изображаетъ жизнь съ отчетливостью изумительной, и отъ котораго вѣетъ спокойствіемъ и простотой почти младенческой.

Одиссея произведетъ у насъ вліяніе какъ *вообще на всѣхъ*, такъ и *отдѣльно на каждаго.*

Разсмотримъ то вліяніе, которое она можетъ у насъ произвести *вообще на всѣхъ*. Одиссея есть именно то произведеніе, въ которомъ заключились всѣ нужныя условія, дабы сдѣлать ее чтеніемъ всеобщимъ и народнымъ. Она соединяетъ всю увлекательность сказки и всю простую правду человѣческаго похожденія, имѣющаго равную заманчивость для всякаго человѣка, кто бы онъ ни былъ. Дворянинъ, мѣщанинъ, купецъ, грамотей и неграмотей, рядовой солдатъ, лакей, ребенокъ обоего пола, начиная съ того возраста, когда ребенокъ начинаетъ любить сказку — ее прочитаютъ и выслушаютъ безъ скуки. Обстоятельство слишкомъ важное, особенно если примемъ въ соображеніе то, что Одиссея есть вмѣстѣ съ тѣмъ самое нравственнѣйшее произведеніе, и что единственно за тѣмъ и предпринята древнимъ поэтомъ, чтобы въ живыхъ образахъ начертать законы дѣйствій тогдашнему человѣку.

Греческое многобожіе не соблазнитъ нашего народа. Народъ нашъ уменъ: онъ растолкуетъ, не ломая головы, даже то, что приводитъ въ-тупикъ умниковъ. Онъ здѣсь увидитъ только доказательство того, какъ трудно человѣку самому безъ Пророковъ и безъ Откровенія свыше дойти до того, чтобы узнать Бога въ истинномъ видѣ, и въ какихъ нелѣпыхъ видахъ станетъ онъ представлять себѣ ликъ его, раздробивши единство и единосиліе на множество образовъ и силъ. Онъ даже не посмѣется надъ

тогдашними язычниками. Нѣтъ, народъ нашъ почувствуетъ, что онъ, зная Бога въ его истинномъ видѣ, имѣя въ рукахъ уже письменный законъ его, имѣя даже истолкователей воли его въ отцахъ духовныхъ, молится часто лѣнивѣе и выполняетъ долгъ свой иногда хуже древняго язычника. Народъ смекнетъ, почему та же верховная сила помогала и язычнику за его добрую жизнь и усердную молитву, не смотря на то, что онъ по невѣжеству взывалъ къ ней въ лицѣ Посейдоновъ, Кроновъ, Гефестовъ, Геліосовъ, Кипридъ и всей вереницы, которую наплело играющее воображеніе Грековъ. Словомъ, многобожіе оставитъ онъ въ сторонѣ, а извлечетъ изъ Одиссеи то, что ему слѣдуетъ изъ нея извлечь — то, что ощутительно въ ней видимо всѣмъ, что легло въ духъ ея содержанія, и для чего написана сама Одиссея: то есть, что человѣку, вездѣ, на всякомъ поприщѣ, предстоитъ много бѣдъ; что нужно съ ними бороться, для того и жизнь дана человѣку; что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ унывать, какъ не унывалъ и Улиссъ, который во всякую трудную и тяжелую минуту обращался къ своему сердцу, не подозрѣвая самъ, что, таковымъ внутреннимъ обращеніемъ къ самому себѣ, онъ уже какъ язычникъ творилъ ту внутреннюю молитву Богу, которую, въ минуту бѣдствій, совершаетъ всякой человѣкъ, даже не имѣющій никакаго понятія о Богѣ. Вотъ то *общее*, тотъ живой духъ ея содержанія, которымъ произведетъ на всѣхъ впечатлѣніе Одиссея, прежде-нежели одни восхитятся ея

поэтическими достоинствами, вѣрностью картинъ и живостью описанiй, прежде-нежели другie поразятся раскрытiемъ сокровищъ древности въ такихъ подробностяхъ, въ какихъ не сохранили ее ни ваянie, ни живопись, ни вообще всѣ древнie памятники, прежде-нежели третьи останутся изумлены необыкновеннымъ познанiемъ всѣхъ изгибовъ души человѣческой, которые всѣ были вѣдомы всевидѣвшему слѣпцу, прежде-нежели четвертые будутъ поражены глубокимъ вѣдѣнiемъ государственнымъ, знанiемъ трудной науки править людьми и властвовать ими, чѣмъ обладалъ также божественный старецъ, законодатель и своего и грядущихъ поколѣнiй — словомъ, прежде-нежели кто-либо завлечется чѣмъ-нибудь отдѣльно въ Одиссеѣ, сообразно своему ремеслу, занятiямъ, наклонностямъ и своей личной особенности. И все по тому, что слишкомъ осязательно слышенъ этотъ духъ ея содержанiя, эта внутренняя сущность его; что ни въ одномъ творенiи не проступаетъ она такъ сильно наружу, проникая все и преобладая надъ всѣмъ, особенно, когда разсмотрѣть еще, какъ ярки всѣ эпизоды, изъ которыхъ каждый въ-силахъ ослабить главное.

Отъ чего жъ такъ сильно это слышится всѣмъ? Отъ того, что залегло это глубоко въ самую душу древняго поэта. Видишь на всякомъ шагу, какъ хотѣлъ онъ облечь во всю обворожительную красоту поэзiи то, что хотѣлъ бы утвердить навѣки въ людяхъ; какъ стремился укрѣпить въ народныхъ обычаяхъ то, что въ нихъ похвально; напомнить че-

ловѣку лучшее и святѣйшее, что есть въ немъ и что онъ способенъ позабывать всякую минуту; оставить въ каждомъ лицѣ своемъ примѣръ каждому на его отдѣльномъ поприщѣ, а всѣмъ вообще оставить примѣръ въ своемъ неутомимомъ Улиссѣ на обще-человѣческомъ поприщѣ.

Это строгое почитаніе обычаевъ, это благоговѣйное уваженіе власти и начальниковъ, не смотря на ограниченные предѣлы самой власти, эта дѣвственная стыдливость юношей, эта благость и благодушное безгнѣвіе старцевъ, это радушное гостепріимство, это уваженіе и почти благоговѣніе къ человѣку, какъ представителю образа Божія, это вѣрованіе, что ни одна благая мысль не зараждается въ головѣ его безъ верховной воли высшаго существа, и что ничего не можетъ онъ сдѣлать своими собственными силами — словомъ все, всякая малѣйшая черта въ Одиссеѣ говоритъ о внутреннемъ желаніи поэта всѣхъ поэтовъ — оставить древнему человѣку живую и полную книгу законодательства въ то время, когда еще не было ни законодателей, ни учредителей порядковъ; когда еще никакими гражданскими и письменными постановленіями не были опредѣлены отношенія людей; когда люди еще многаго не вѣдали и даже не предчувствовали, и когда одинъ только божественный старецъ все видѣлъ, слышалъ, соображалъ и предчувствовалъ, слѣпецъ, лишенный зрѣнія, общаго всѣмъ людямъ, и вооруженный тѣмъ внутреннимъ окомъ, котораго не имѣютъ люди.

И какъ искусно сокрытъ весь трудъ многолѣтнихъ обдумываній подъ простотой самаго простодушнѣйшаго повѣствованія! Кажется, какъ бы собравъ весь людъ въ одну семью и усѣвшись среди ихъ самъ, какъ дѣдъ среди внуковъ, готовый даже съ ними ребячиться, ведетъ онъ добродушный расказъ свой и только заботится о томъ, чтобы не утомить никого, не запугать неумѣстною длиннотой поученья, но развѣять и разнести его невидимо по всему творенію; чтобы, играя, набрались всѣ того, что дано не на игрушку человѣку, и незамѣтно бы надышались тѣмъ, что зналъ онъ и видѣлъ лучшаго на своемъ вѣку и въ своемъ вѣкѣ. Можно бы почесть все за изливающуюся безъ приготовленія сказку, если бы по внимательномъ разсмотрѣніи уже потомъ не открывалась удивительная постройка всего цѣлаго и порознь каждой пѣсни. Какъ глупы Нѣмецкіе умники, выдумавшіе, будто Гомеръ миѳъ, а всѣ творенія его — народныя пѣсни и рапсодіи!

Но разсмотримъ то вліяніе, которое можетъ произвесть у насъ Одиссея *отдѣльно на каждаго.* Вопервыхъ она подѣйствуетъ на пишущую нашу братію, на сочинителей нашихъ. Она возвратитъ многихъ къ свѣту, проведя ихъ, какъ искусный лоцманъ, сквозь сумятицу и мглу, нанесенную неустроенными, неорганизовавшися писателями. Она снова напомнитъ намъ всѣмъ, въ какой безхитростной простотѣ нужно возсоздавать природу, какъ уяснять всякую мысль до ясности почти ощутительной, въ какомъ уравновѣшенномъ спокойствіи должна изливаться

рѣчь наша. Она вновь дастъ почувствовать всѣмъ нашимъ писателямъ ту старую истину, которую вѣкъ мы должны помнить и которую всегда позабываемъ, а именно: по тѣхъ поръ не приниматься за перо, пока все въ головѣ не установится въ такой ясности и порядкѣ, что даже ребенокъ въ силахъ будетъ понять и удержать все въ памяти. Еще болѣе, нежели на самихъ писателей, Одиссея подѣйствуетъ на тѣхъ, которые только готовятся въ писатели и, находясь въ гимназіяхъ и университетахъ, видятъ передъ собою такъ туманно и неясно свое будущее поприще; ихъ она можетъ навести съ самаго начала на прямой путь, избавивъ отъ лишняго шатанія по кривымъ закоулкамъ, по которымъ изрядно натолкались ихъ предшественники.

Во-вторыхъ Одиссея подѣйствуетъ на вкусъ и на развитіе эстетическаго чувства. Она освѣжитъ критику. Критика устала и запуталась отъ разборовъ загадочныхъ произведеній новѣйшей литературы, съ-горя бросилась въ сторону и, уклонившись отъ вопросовъ литературныхъ, понесла дичь. По поводу Одиссеи, можетъ появиться много истинно-дѣльныхъ критикъ, тѣмъ болѣе, что врядъ ли есть на свѣтѣ другое произведеніе, на которое можно было бы взглянуть съ такихъ многихъ сторонъ, какъ на Одиссею. Я увѣренъ, что толки, разборы, разсужденія, замѣчанія и мысли, ею возбужденныя, будутъ раздаваться у насъ въ журналахъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Читатели будутъ отъ этаго не въ убыткѣ: критики объ Одиссеѣ не будутъ ничтожны.

для нихъ потребуется много перечесть, оглянуть вновь, перечувствовать и перемыслить; пустой верхоглядъ ненайдется даже, что и сказать объ Одиссеѣ.

Въ-третьихъ Одиссея, своею Русскою одеждой, въ которую облекъ ее Жуковскій, можетъ подѣйствовать значительно на очищеніе языка. Еще ни у кого изъ нашихъ писателей, не только у Жуковскаго, во всемъ, что ни писалъ онъ доселѣ, но даже у Пушкина и Крылова, которые часто точнѣе его на слова и выраженія, не достигала до такой полноты Русская рѣчь. Тутъ заключились всѣ ея извороты и обороты во всѣхъ видоизмѣненіяхъ. Безконечно-огромные періоды, которые у всякаго другаго были бы вялы, темны, и періоды сжатые, краткіе, которые у другаго были бы черствы, обрубленны, ожесточили бы рѣчь, у него такъ братски улегаются другъ возлѣ друга, всѣ переходы и встрѣчи противоположностей совершаются въ такомъ благозвучіи, все такъ сливается въ одно, улетучивая тяжелый громоздъ всего цѣлаго, что, кажется, какъ бы пропалъ вовсе всякой слогъ и складъ рѣчи: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ и самаго переводчика. Намѣсто его стоитъ предъ глазами старецъ Гомеръ — и слышатся тѣ величавыя, вѣчныя рѣчи, которыя не принадлежатъ устамъ какаго-нибудь человѣка, но которыхъ удѣлъ — вѣчно раздаваться въ мірѣ.

Здѣсь-то увидятъ наши писатели, съ какой разумной осмотрительностью нужно употреблять слова и выраженія; какъ всякому простому слову можно возвратить его возвышенное достоинство умѣнь-

нье помѣстить его въ надлежащемъ мѣстѣ, и какъ много значитъ для такого сочиненія, которое назначается на всеобщее употребленіе и есть сочиненіе идеальное, это наружное благоприличіе, эта внѣшняя отработка всего: тутъ малѣйшая соринка замѣтна и тѣмъ бросается въ глаза. Жуковскій сравниваетъ весьма справедливо эти соринки съ бумажками, которыя стали бы валяться въ великолѣпно-убранной комнатѣ, гдѣ все блеститъ ясностью зеркала, начиная отъ потолка до паркета; всякой вошедшій прежде всего увидитъ эти бумажки, именно потому же самому, по чему бы онъ ихъ вовсе не примѣтилъ въ неприбранной, нечистой комнатѣ.

Въ-четвертыхъ, Одиссея подѣйствуетъ въ любознательномъ отношеніи, какъ на занимающихся науками, такъ и на неучившихся никакой наукѣ, распространяя живое познаніе древняго міра. Ни въ какой исторіи не вычитаешь того, что слышишь въ Одиссеѣ. Отъ нея такъ и дышетъ временемъ минувшимъ; древній человѣкъ, какъ живой, такъ и стоитъ передъ глазами, какъ будто бы еще вчера его видѣлъ и говорилъ съ нимъ. Такъ его и видишь во всѣхъ его дѣйствіяхъ, во всѣ часы дня: какъ приготовляется онъ благоговѣйно къ жертвоприношенію, какъ бесѣдуетъ чинно съ гостемъ за пировою чашей, какъ одѣвается, какъ выходитъ на площадь, какъ слушаетъ старца, какъ поучаетъ юношу; его домъ, его хозяйство, его спальня, малѣйшая мебель въ домѣ, отъ подвижныхъ столовъ до ременной петли

у дверей — все передъ глазами, еще свѣжей, нежели въ открытой изъ земли Помпеѣ.

Наконецъ я даже думаю, что появленіе Одиссеи произведетъ впечатлѣніе на современный духъ нашего общества вообще. Именно въ нынѣшнее время, когда таинственною волей Провидѣнія сталъ слышаться повсюду болѣзненный ропотъ неудовлетворенія, голосъ неудовольствія человѣческаго на все, что ни есть на свѣтѣ: на время, на самаго себя; когда всѣмъ наконецъ начинаетъ становиться подозрительнымъ то совершенство, на которое возвели насъ наша новѣйшая гражданственность и просвѣщеніе; когда слышна у всякаго какая-то безотчетная жажда быть не тѣмъ, что онъ есть, можетъ быть, произшедшая отъ прекраснаго источника — быть лучше; когда, сквозь нелѣпые крики и опрометчивыя проповѣдыванія новыхъ, еще темно-услышанныхъ идей, слышно какое-то всеобщее стремленіе стать ближе къ какой-то желанной серединѣ, найти настоящій законъ дѣйствій какъ въ массахъ, такъ и въ отдѣльно-взятыхъ лицахъ — словомъ, въ это именно время Одиссея поразитъ величавостію патріархальною древняго быта, простотою, несложностью общественныхъ пружинъ, свѣжестью жизни, непритупленною, младенческою ясностью человѣка. Въ Одиссеѣ услышитъ сильный упрекъ себѣ нашъ XIX вѣкъ — и упрекамъ не будетъ конца, по мѣрѣ того, какъ станетъ онъ поболѣе всматриваться въ нее и вчитываться.

Что можетъ быть, на примѣръ, уже сильнѣе того упрека, который раздастся въ душѣ, когда разглядишь, какъ древній человѣкъ, съ своими небольшими орудіями, со всѣмъ несовершенствомъ своей религіи, дозволявшей даже обманывать, мстить и прибѣгать къ коварству для истребленія врага, съ своей непокорной, жесткой, несклонной къ повиновенію природой, съ своими ничтожными законами, умѣлъ однако же однимъ только простымъ исполненіемъ обычаевъ старины и обрядовъ, которые не безъ смысла были установлены древними мудрецами и заповѣданы передаваться въ видѣ святыни отъ отца къ сыну, однимъ только простымъ исполненіемъ этихъ обычаевъ дошелъ до того, что пріобрѣлъ какую-то стройность и даже красоту поступковъ, такъ-что все въ немъ сдѣлалось величаво съ ногъ до головы, отъ рѣчи до простаго движенія и даже до складки платья—и, кажется, какъ бы дѣйствительно слышишь въ немъ богоподобное происхожденіе человѣка? А мы, со всѣми нашими огромными средствами и орудіями къ совершенствованію, съ опытами всѣхъ вѣковъ, съ гибкой, перемѣнчивой нашей природой, съ религіей, которая именно дана намъ на то, чтобы сдѣлать изъ насъ святыхъ и небесныхъ людей, со всѣми этими орудіями, умѣли дойти до какаго-то неряшества и неустройства, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, умѣли сдѣлаться лоскутными, мелкими, отъ головы до самаго платья нашего, и ко всему еще въ-прибавку опротивѣли до того другъ другу, что не уважаетъ никто нико-

го, даже не выключая и тѣхъ, которые толкуютъ объ уваженіи ко всѣмъ.

Словомъ: на страждущихъ и болѣющихъ отъ своего Европейскаго совершенства Одиссея подѣйствуетъ. Много напомнитъ она имъ младенчески-прекраснаго, которое, увы! утрачено, но которое должно возвратить себѣ человѣчество, какъ свое законное наслѣдство. Многіе надъ многимъ призадумаются. А между-тѣмъ многое изъ временъ патріархальныхъ, съ которыми есть такое сродство въ Русской природѣ, разлито невидимо по лицу Русской земли. Благоухающими устами поэзіи навѣвается на души то, чего не внесешь въ нихъ никакими законами и никакою властію.

Н. Гоголь.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

А. В. ШЛЕГЕЛЬ.

СТАТЬЯ ГУСТАВА КЮНЕ.

Сочиненія А. В. Шлегеля. Изданы Эд. Бёкингомъ. Лейпцигъ, 1846 (A. W. von Schlegel's sämmtliche Werke. Herausgegeben von Ed. Böcking).

Лѣтомъ 1827 года, намъ, студентамъ философіи, объявлено было, что Августъ Вильгельмъ Шлегель, эта не только Нѣмецкая, но и Европейская знаменитость, пріѣхалъ въ Берлинъ и будетъ читать лекціи объ изящномъ. Мы были тогда совершенно погружены въ изученіе той глубокой философіи, которая обнимаетъ небо и землю. Намъ казалось, что цѣль науки — прослѣдить проявленіе Божества въ развитіи всего человѣчества, найти въ міровомъ процессѣ духъ Божій, а въ фактической исторіи и во всѣхъ миѳахъ — абсолютный разумъ. Богъ являлся намъ высшимъ разумомъ всего міра, и всякое произведеніе свободнаго творчества продуктомъ необходимости. Красоту мы цѣнили по ея значенію. Мы не высоко также ставили индивидуальность въ великомъ міровомъ процессѣ и въ сферѣ единичной дѣятельности. Если бы предъ нами явилась самая блестящая личность, чувствующая свое достоинство и значеніе, то она не поразила и не ослѣпила

бы насъ. Безъ сомнѣнія, въ нашей гордости, не поддававшейся обманчивымъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, скрывалась частица себялюбія и самоувѣренности. Нельзя узнать тайну благоуханія цвѣтка, если возьмешь его за корень. Шлегель явился предъ нами такимъ совершенно-развившимся цвѣтомъ человѣческой образованности. Жаль только, что онъ пàхнулъ слишкомъ сильно eau de mille fleurs.

Я раскaзываю все это для того, чтобы познакомить читателей съ тою настроенностію духа тогдашней молодежи, съ которою Нѣмецкіе юноши шли изъ душной комнаты подъ № VIII, гдѣ читалъ Гегель, чрезъ университетской садъ въ Академію пѣнія. Въ ея пространной свѣтлой залѣ Шлегель читалъ свои лекціи о пластическомъ искусствѣ вѣчно-юныхъ Древнихъ. Тогда украшала еще эту торжественную залу, которая служила также для цвѣточныхъ выставокъ, прекрасная большая лѣстница, занимавшая третью часть зданія. Шлегель появился въ дверяхъ на верхнихъ ступенькахъ и сошелъ къ намъ, подобно легкоокриленному Гермесу, вѣстнику Олимпійскихъ боговъ. На немъ былъ какой-то бальный, или придворный костюмъ. Прикрасами собственно-изобрѣтенной утонченности старался онъ превзойти законы тончайшаго этикета. Простые Нѣмецкіе студенты, мы вдругъ покраснѣли, потому-что Шлегель — румянился. Прекрасные русые локоны были къ сожалѣнію тоже — парикъ. Но онъ носилъ эти локоны съ необыкновенною, вѣчно-улыбающеюся пріятностію,

и когда говорилъ о граціяхъ, то можно было, слушая прекрасное теченіе его рѣчи, позабыть, что его причесывалъ простой Парижской парикмахеръ. Этотъ шестидесятилѣтній старецъ любилъ искуства, которыя молодятъ человѣка, даже, когда говорилъ о нагой, безыскуственной красотѣ древнихъ божескихъ статуй. Онъ отрицалъ безпокровную красоту человѣческихъ формъ и очень ревностно поддерживалъ свое извѣстное мнѣніе, что Древніе, руководимые съ древнѣйшихъ временъ законами приличія, изображали свою богиню Аматузію въ одеждѣ. Чтенія его были бѣдны содержаніемъ, но облечены въ прекраснѣйшія формы краснорѣчивыхъ бесѣдъ. Въ волнообразной формѣ его рѣчи была какая-то Іоническая пріятность. Художественнымъ образомъ приглашалъ онъ къ наслажденію классическими произведеніями. Говорятъ, что Берлинская публика — самая нетерпѣливая и невѣрная публика. За двадцать лѣтъ, въ то время, когда Шлегель оставилъ съ Тикомъ Іену, онъ, въ цвѣтѣ своей литературной дѣятельности, читалъ въ Берлинѣ лекціи драматургіи, но безъ всякаго успѣха. Немного времени спустя, онъ читалъ эти самыя лекціи въ 1807 г. въ Вѣнѣ съ блестящимъ успѣхомъ. Онѣ потомъ появились въ печати, переведены были на всѣ Европейскіе языки и составляютъ лучшее его сочиненіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ Академіи пѣнія было у него очень малочисленное собраніе слушателей, а мы, студенты, были даже незваные гости. Часто, среди самой убійственной тишины, слышалось восклицаніе: какъ мало сегодня

публики! Острить Шлегель не умѣлъ, а политическіе намеки, до Іюльской революціи, были неизвѣстны. Въ тѣ времена искуство имѣло цѣну само по себѣ — и человѣкъ, подобный Шлегелю, навѣрно ожидалъ, что онъ соберетъ вокругъ себя весь блескъ столицы. Но въ самомъ дѣлѣ для Нѣмецкихъ студентовъ, въ чтеніяхъ его, было слишкомъ мало матерьяла для мыслей и слишкомъ много наружнаго блеска. Мы вспомнили, что І. Г. Фоссъ всегда называлъ Шлегеля, не знаю почему, *льстивымъ и коварнымъ сэръ Вильямомъ.* Мы припомнили глупую эпиграмму Иммермана на Шлегеля:

Erst in England, dann in Wälchland, dann in Brahma's
Finsternissen,
Hast du dir, Wilhelm, deinen deutschen Rock zerrissen! *

Если бы мы знали тогда нелѣпую нападку Шлегеля на Шиллера:

So lange es Schwaben gibt in Schwaben.
Wird Schiller immer seine Bewunderer haben. **

то жестоко отомстили бы обиду, нанесенную поэту рифмоплетомъ. Нѣмецкое юношество считаетъ всякое оскорбленіе, нанесенное Шиллеру, оскверненіемъ національной святыни. Вся внѣшность Шлегеля производила на насъ непріятное впечатлѣніе. Въ его личности, расчитанной на то, чтобы произвести блестящее вліяніе, мы видѣли гримасы

* Сперва въ Англіи, потомъ въ Италіи, потомъ въ Индіи, разорвалъ ты, Вильгельмъ, твою Германскую одежду.

** Доколѣ въ Швабіи будутъ Швабы, до тѣхъ поръ Шиллеръ будетъ имѣть поклонниковъ (Швабы извѣстны въ Германіи глупостью. Шиллеръ былъ родомъ Швабъ).

денди. Два иностранные ордена, украшавшіе грудь этаго Нѣмецкаго ученаго, не были намъ непріятны, потому-что политическія симпатіи и антипатіи были намъ неизвѣстны. Насъ оскорбляли тогда тѣ пріемы, которые этотъ старикъ употреблялъ для того, чтобы казаться юношей. Онъ улыбался такъ самодовольно, какъ Нарциссъ, и мы въ самомъ дѣлѣ видѣли предъ собою только великолѣпнаго, разукрашеннаго холостяка, потому-что два брачные бездѣтные его союза кончились разводомъ. Говоря, онъ игралъ то золотою табакеркою, которую вертѣлъ въ рукахъ, то драгоцѣнною булавкою, воткнутою въ рубашку. Можетъ быть, это была та самая булавка, которую онъ послѣ, уже едва не осмидесятилѣтній старецъ, въ своей духовной завѣщалъ, въ знакъ памяти, великой актрисѣ Берлинскаго театра, Шарлоттѣ фонъ Гагнъ. Объ этой любопытной чертѣ Шлегеля говорили газеты. Вообще Берлинъ имѣлъ много притягательной силы для Шлегеля. Въ 1840 году онъ пріѣхалъ туда изъ Бонна, чтобъ лично выразить свои чувства новому Королю. Говорятъ, онъ явился въ томъ же чижико-зеленомъ фракѣ, въ которомъ представлялся въ Парижѣ Бурбонамъ во время реставраціи. Но время его прошло—и онъ не могъ остаться въ Берлинѣ. Можетъ быть, онъ охотно умеръ бы при Дворѣ. Но онъ умеръ одиноко въ Боннѣ, не окруженный друзьями. Можетъ быть, въ послѣднія минуты жизни, онъ былъ еще занятъ туалетомъ мысли какаго-нибудь Индѣйскаго брамина. Его обязанностью, мечтою и страстью было находить са-

мыя приличныя одежды для всѣхъ народовъ, вѣковъ и поясовъ. Онъ былъ величайшій виртуозъ въ Нѣмецкомъ языкѣ. Нѣмецкіе студенты 1827 года были несправедливы къ нему: они отвращались отъ него, потому-что не могли перенести нѣкоторыхъ его странностей. Они были неблагодарны къ нему, потому-что говорили и говорятъ еще его языкомъ, когда душѣ являются великія созданія Шекспира. Августъ Вильгельмъ Шлегель умѣлъ Нѣмецкую ученость, тяжелую и лишенную прекрасной внѣшности, облечь въ красивыя, изящныя формы. По-этому, по случаю выхода въ свѣтъ его сочиненій, мы должны вспомнить о великихъ достоинствахъ и многостороннемъ вліяніи этаго человѣка на Нѣмецкую образованность.

А. Вильгельмъ Шлегель родился въ Ганноверѣ, и слѣдовательно уже съ-дѣтства говорилъ нарѣчіемъ, которое всѣхъ ближе къ языку письменному. Не безъ послѣдствій было также, что онъ образовался въ Гёттингенѣ, гдѣ процвѣтали тогда филологическія науки подъ вліяніемъ Гейне. Послѣ онъ былъ три года домашнимъ учителемъ въ домѣ однаго богатаго банкира въ Амстердамѣ. Вѣроятно, ему очень нравилась Голландская чистота, пріятная опрятность и гладкость формъ. Потомъ онъ отправился въ Іену, гдѣ Фихте созвалъ значительное число пламенныхъ юношей подъ знамена своего смѣлаго идеализма. Мы знаемъ, что Шлегель принималъ участіе въ изданіи Шиллеровыхъ Альманаха Музъ и Часовъ (Horen); но онъ ни сколько не со-

чувствовалъ силѣ, величію и паренію генія Шиллера. Шиллеръ читалъ въ то время въ Іенѣ исторію. Въ какомъ смыслѣ читалъ онъ исторію, мы знаемъ изъ его пониманія историческихъ лицъ, а форма историческаго преподаванія Шиллера сохранилась въ его статьяхъ и чтеніяхъ, исполненныхъ силы и глубокаго содержанія. Въ то время уже вышла его Исторія тридцатилѣтней войны. Его письма объ эстетическомъ воспитаніи, равно какъ и лирическія стихотворенія свидѣтельствовали, какой полетъ принялъ его идеализмъ. Въ то время, когда Шлегель пріѣхалъ въ Іену, Шиллеръ еще не создавалъ своего Валленштейна; но въ юношескихъ драмахъ своихъ, исполненныхъ гигантской жизни, особенно въ Донъ-Карлосѣ, онъ уже высказалъ высокую цѣль, къ которой стремились и борющійся духъ человѣчества и борьба двухъ столѣтій, вспыхнувшая во Франціи. Въ великомъ драматическомъ разговорѣ между Филиппомъ и Позою, геній Нѣмецкаго поэта уже заранѣе представилъ полное торжество того, къ чему стремилась горячая борьба элементовъ во внѣшней жизни, послѣ столькихъ лѣтъ, наполненныхъ кровью и опустошеніями. Чудная натура Шиллера именно проявилась въ томъ, что онъ, по какому-то инстинкту, творилъ въ одно время то же, что творили въ то самое время великія поворотныя точки всемірно-историческаго развитія. Все это было тогда извѣстно. Самъ Гёте началъ въ 1794 году переписку съ профессоромъ Исторіи въ Іенѣ. Великое зрѣлище представляла эта борьба возвышен-

наго человѣка съ величайшими задачами вѣка, а братья Шлегели вмѣстѣ съ Тикомъ мало заботились въ Іенѣ о Шиллерѣ, никогда не считали его чѣмъ-нибудь важнымъ—и кругъ своихъ интересовъ, которые они назвали романтикой, очертили однимъ Гёте, а не Шиллеромъ, потому-что Шиллеръ всегда торжествовалъ бурный тріумфъ духа надъ природой. Поклоняясь одной природѣ, они увѣнчевали Гёте, а истинное стремленіе Гёте — соединить духъ и природу — остались ими почти незамѣчено. Должно полагать, что тутъ были личныя антипатіи. Личность Шиллера не обѣщала много и была непривлекательна: она не высказывала внутренняго богатства содержанія его духа. Гёте поражалъ своею личностью; а романтики, при всей наклонности къ мечтательности, обращали очень много вниманія на внѣшность. Въ самомъ дѣлѣ, Гёте въ то время уже въ совершенствѣ владѣлъ формою. Никому не улыбнулся такъ привѣтливо Аполлонъ и не напечатлѣлъ на челѣ печати совершенства. Такъ называемые романтики въ то время уже охотно склоняли главу подъ рабство формы. Братья Шлегели искусничали въ то врема во всѣхъ возможныхъ родахъ поэтическихъ размѣровъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Нынѣ намъ непонятно это сонетное бренчанье, это поклоненіе поэтическимъ формамъ въ то самое время, когда на берегахъ Сены подымался ураганъ изъ низшихъ слоевъ человѣческаго общества. Уже гремѣлъ громовый голосъ бури; а эти ученики Аполлона заботились, какъ бы вскарабкаться на повоот-

крытый Парнасъ эстетическаго блаженства. Люди, вслушивавшіеся въ благозвучіе стиховъ, не слышали громоноснаго Юпитера, посылавшаго на землю Марса и свои молніи. Не возражайте, что никто не слышалъ этаго грома въ Германіи. Шиллеръ создавалъ свои произведенія какъ бы при зрѣлищѣ великихъ міровыхъ бурь своего вѣка. Кто не чувствуетъ въ его *Разбойникахъ* біенія пробуждающейся природы? не слышитъ въ *Коварствѣ и любви* крика возстанія противъ тиранства старинныхъ обычаевъ? Въ *Фіэско* представленъ весь міровой процессъ политическаго переворота; въ *Валленштейнѣ* браздами міра правитъ геній. Поэтъ Шиллеръ былъ авгуромъ народныхъ судебъ. Шлегели занимались искуствомъ ради искуства; они были отличные техники. Тикъ тоже, удаленный отъ историческаго движенія своего времени, твердилъ въ то время, что искуство создано для того, чтобы возвышать душу надъ печальною дѣйствительностію. Шлегели старались смахнуть съ ногъ своихъ пыль взволновавшейся дѣйствительности; но они не могли избавиться отъ пыли своихъ школьныхъ правилъ. Вообще ихъ называютъ представителями романтическаго направленія; но это несправедливо. Элементы и матерьялы романтики доставляли имъ люди, болѣе ихъ одаренные творчествомъ—Тикъ и Новалисъ; они только критикой своей давали имъ законное существованіе. Въ тѣхъ областяхъ романтики, гдѣ они хотѣли творить сами, они создавали каррикатуры и какія-то болѣзненныя порожденія романтики. Таковы, на

прим., Люцинда и Аларкосъ Шлегеля. Они съ охотою присоединились бы къ Фихте, который умѣлъ пробудить мыслительныя силы въ юношествѣ. Но отъ его мощной силы, сосредоточивавшей весь мiръ на силѣ самосознанiя, они заимствовали одно умѣнье личнымъ появленiемъ производить эффектъ.

Перiодъ критической борьбы Шлегелей начался около 1795 г. Два года спустя, Августъ Вильгельмъ Шлегель предпринялъ свое лучшее творенiе — переводъ Шекспира. Когда онъ самъ сочинялъ стихи, онъ былъ почти рифмоплетомъ; когда переводилъ— почти поэтомъ. Въ 1799 предпринялъ онъ съ братомъ своимъ изданiе журнала: Атеней. Великая заслуга Шлегелей именно состояла въ томъ, что они были посредниками между публикой и поэтами и мыслителями, которые обыкновенно чужды пониманiю толпы или по причинѣ своего глубокомыслiя, или генiальности. Всегда нужны бываютъ такiе писатели, которые трудъ мышленiя облегчаютъ для людей, имѣющихъ посредственное образованiе, и дѣлаютъ ихъ способными для духовныхъ наслажденiй— а изъ такихъ посредственно-образованныхъ людей и состоитъ публика. Шлегели были первыми такими благодѣтельными посредниками въ Германiи. Они водрузили знамя романтики. Ихъ не должно также называть эстетическими идеалистами, уже и по тому, что они не сочувствовали высокой натурѣ Шиллера. Если имъ нужно дать имя, то ихъ должно назвать эстетическими интеллектуалистами. Задача ихъ была—воспитать публику для того, чтобы раскрыть передъ

нею сокровища духовнаго міра всѣхъ странъ и вѣковъ. Они исполнили свое назначеніе съ фанатическимъ рвеніемъ, частью съ односторонностью; хотѣли иногда возвести свой вкусъ въ законъ—но своею журналистикой и статьями уничтожили предѣлы, существовавшіе между геніемъ и толпою.

Оба брата были совершенно различнаго характера. Одинъ, кажется, долженъ былъ бы дополнять другаго—и оба, продолжая трудиться вмѣстѣ, могли бы создать полную эстетику. Но вся школа романтиковъ скоро разрушилась. Новалисъ и Ваксирёдеръ рано умерли. Тикъ пошелъ своей дорогой. Фридрихъ Шлегель, начавшій съ Шлейермахеромъ переводить Платона, вскорѣ оставилъ этотъ трудъ. До тѣхъ поръ, пока оба брата работали вмѣстѣ, старшій предостерегалъ Фридриха отъ мечтательности, а меньшой сообщалъ Вильгельму болѣе жизненной силы.

Августъ Вильгельмъ Шлегель открылъ свой журналъ *Атеней* разговоромъ между поэзіей, грамматикой и геніемъ различныхъ народовъ. Въ этой и подобныхъ статьяхъ, отличающихся прекрасною формой, должно искать основаній эстетики, основаній, еще имѣющихъ цѣну приготовительныхъ трудовъ. Въ то время, когда Фридрихъ Шлегель былъ вождемъ въ области философіи въ Атенеѣ, а Августъ Вильгельмъ въ разговорной формѣ описывалъ сокровища Дрезденской галлереи, Фоссъ издалъ свой переводъ Гомера — и Вильгельмъ Шлегель написалъ критику, которая навсегда останется мастерскимъ произведеніемъ со стороны я-

зыка. Всегда имѣя въ виду классическія формы древняго міра, онъ написалъ статьи свои о *Римскихъ элегіяхъ*, о *Германѣ* и *Доротеѣ* Гёте. Тогда же Фридрихъ Шлегель написалъ глубокомысленную и исполненную поэзіи статью о *Вильгельмѣ Мейстерѣ*, которая удивленной Германіи открыла тайну пониманія Гете. Въ это же время Фридрихъ началъ рядъ своихъ безсвязныхъ отрывковъ, которые онъ назвалъ идеями. Онъ мечталъ и задумывался надъ тѣмъ, чѣмъ Вильгельмъ хотѣлъ только наслаждаться. Языкъ Фридриха, во время изданія Атенея, былъ не только глубокъ, •силенъ и прекрасенъ, но даже нерѣдко великолѣпенъ. Позже онъ сдѣлался темнѣе и изысканнѣе, потому-что въ самомъ Шлегелѣ была всегда наклонность къ парадоксамъ. Языкъ Августа Вильгельма былъ всегда ясенъ, прозраченъ и граціозенъ. Онъ самый лучшій чичероне въ извѣстныхъ ему областяхъ изящнаго. Оба брата заботились породнить всѣ искуства между собою, чтобы изъ этаго союза создать истинную философію жизни и духовнаго наслажденія. Но Фридрихъ не долго жилъ. Въ юности у него было прекрасное и великое стремленіе понять всю глубину міра духа. Одушевленіе доходило въ немъ до болѣзненной восторженности. Искуство было для него, какъ для посвященнаго жреца, религіознымъ служеніемъ. Въ немъ жило горячее желаніе сломить печать со всѣхъ наукъ, Фаустовское стремленіе, врожденное Германской природѣ. У него не было только никакаго средоточія. Позднѣе нашелъ онъ для себя это средо-

точіе въ лонѣ католической церкви. Вильгельмъ оставался всегда безъ всякаго средоточія, самъ не замѣчая нужды въ немъ: его натура была легче и счастливѣе.

Легко обозрѣть дальнѣйшую литературную дѣятельность Ав. Вильг. Шлегеля, уже означивъ ея сущность. Окончивъ изданіе Атенея, онъ сдѣлался сотрудникомъ журнала Zeitung für die elegante Welt, который издавалъ Спазье въ Лейпцигѣ. Тамъ продолжалъ онъ свою политику противъ Коцебу и Меркеля, однако, въ насмѣшкахъ своихъ надъ пошлостью ежедневной жизни, зашелъ слишкомъ далеко. Онъ смѣшивалъ Ифланда, въ которомъ есть національная истина, съ Коцебу, котораго драматическія сочиненія — сусальное золото.

Изъ Іены А. В. Шлегель отправился въ Берлинъ, гдѣ тогда было очень печальное время. Послѣ краткаго, въ чувственныхъ удовольствіяхъ проведеннаго вѣка, тамъ господствовалъ духъ, который не былъ въ состояніи пробудить жизни какаго бы то ни было рода, или любви къ искуству. Мы уже расказывали, что онъ тамъ читалъ безуспѣшно свои драматическія лекціи и написалъ своего бездушнаго Іона.

Въ 1805 г. А. В. Шлегель познакомился съ госпожею Сталь. Это знакомство было для него эпохою, какъ для Фридриха Шлегеля знакомство съ Доротеею Мендельсонъ. Кажется, что эти *женственные геніи* (такъ называлъ Жанъ-Поль братьевъ Шлегелей) нуждались въ женщинахъ мужественныхъ,

которыя возбуждали въ нихъ дѣятельность и изощряли душевныя силы. Извѣстно, что г-жа Сталь-Гольштейнъ познакомилась съ А. Шлегелемъ во вресвоего путешествія въ Германіи, не знаю, въ Берлинѣ, или Веймарѣ. Эта женщина едва спаслась отъ гильотины, хотя она въ своемъ первомъ сочиненіи и съ одушевленіемъ говорила о Руссо. Въ Англіи познакомилась она съ формами законной оппозиціи; во время директоріума возвратилась въ Парижъ — но ея салонъ вскорѣ сдѣлался мѣстомъ сборища недовольныхъ, и первый консулъ никакъ не могъ забыть, что она назвала его un Robespièrre à cheval. Это остроумное слово достигло своей цѣли: Бонопарте былъ взбѣшенъ, что женщина однимъ словомъ хотѣла снять съ него маску, и онъ выслалъ ее изъ Парижа, сказавъ, что отдаетъ ей весь земной шаръ, а себѣ оставляетъ только Парижъ. Эту женщину плѣнила Германія и Нѣмецкая литература — и Шлегель, обладавшій необыкновенно языкомъ, явился ей самымъ лучшимъ посредникомъ. Этотъ Нѣмецкій ученый, собиравшій поэтическую цвѣточную пыль со всѣхъ народовъ и вѣковъ, вѣроятно удивлялся рѣшительной силѣ Француженки, которая, острымъ разумомъ своимъ и всей теплотою женскаго сердца, содѣйствовала политическому образованію своего народа. Шлегель взялъ на себя образованіе ея дѣтей и сопровождалъ ее въ путешествіяхъ. Это знакомство имѣло для обоихъ прекрасныя послѣдствія. Они были почти равны лѣтами. Имъ нравилась противоположность Французскаго и Нѣмецкаго

національнаго генія: они мѣнялись тѣмъ, чего недоставало каждому. Безъ сомнѣнія Шлегель не былъ совершеннымъ представителемъ Нѣмецкаго народа; г-жа Сталь, напротивъ, была представительницею всѣхъ возбужденныхъ страстей своей націи. Кажется, она одержала во всемъ верхъ, потому-что ея мнѣнія и правила укоренились въ почвѣ исторически взволнованнаго народа. Шлегель не офранцуживалъ себя, но все болѣе и болѣе отчуждался отъ условій и потребностей національнаго развитія. Говорятъ, что тотъ дѣлается космополитомъ, кто удаляется отъ окружающаго его историческаго міра. Шлегель былъ такимъ человѣкомъ, и съ тѣхъ поръ трудился для всеобщаго соединенія культуръ всѣхъ народовъ. Читанныя имъ въ Вѣнѣ лекціи о драматической литературѣ, блистательнѣйшее изъ его сочиненій, показываютъ также и всѣ недостатки въ направленіи Шлегеля. Въ первомъ томѣ, совершенно посвященномъ Греческой жизни, Шлегель является счастливымъ наслѣдникомъ того, что завоевали Лессингъ, Винкельманъ и Гёте. Но въ рукахъ его это не мертвое наслѣдство: сокровища, при содѣйствіи Шлегеля, становятся всеобщимъ достояніемъ: ими могутъ наслаждаться всѣ. Второй томъ посвященъ Римлянамъ и Французамъ. И здѣсь Шлегель продолжаетъ дѣло Лессинга. Одно воззрѣніе на Мольера и новѣйшую комедію принадлежитъ ему—но оно его недостойно. Всѣ слабости Шлегеля обнаруживаются въ третьемъ томѣ, который весь его произведеніе. Онъ сомнѣвается въ поэтическомъ

достоинствѣ новѣйшей комедіи, которая изображаетъ дѣйствительное общество. Въ Мольерѣ видитъ онъ придворнаго шута, не замѣчая его нравственной силы и строгаго достоинства сатиры. Въ Шекспирѣ Шлегель все освятилъ—прихоти субъективной фантазіи и даже странную средневѣковую грубость. Въ то время, когда созидалъ онъ храмы Британскому генію, онъ забывалъ Шиллера и Гёте. Лекціи Шлегеля о драматургіи пріобрѣли Европейскую извѣстность и были переведены на языки всего образованнаго міра.

Со времени личнаго знакомства своего съ г-жею Сталь, Шлегель писалъ и по-Французски съ большою пріятностію и искуствомъ. Въ 1807 году издалъ онъ: Comparaison entre la Phèdre de Racine et celle d'Euripide. Здѣсь сказалъ онъ Французамъ Нѣмецкую истину, что ихъ эстетическій вкусъ всегда сообразовался съ господствующимъ политическимъ порядкомъ вещей. Онъ съ своей стороны хотѣлъ, чтобы вкусъ и искуство были универсальны и не зависѣли отъ національнаго развитія. Онъ первый объявилъ Французамъ Лессинговскую истину, что слогъ ихъ классической трагедіи возникъ изъ непониманія Аристотеля, и что изъ сочиненій Древнихъ можно вывести правило объ единствѣ дѣйствія, но не объ единствѣ времени и мѣста. Это небольшое сочиненіе не только возбудило удивленіе Французовъ, но и составило для нихъ эпоху. Съ тѣхъ поръ Викторъ Гюго началъ создавать свои романтическія каррикатуры.

Шлегель послѣдовалъ за своею пріятельницею въ Коппе, деревню покойнаго Неккера, на берегу Женевскаго озера. Тамъ возникло ея сочиненіе о Германіи; но оно было запрещено—и, спустя уже четыре года, вышло въ Лондонѣ. Говорятъ, что Шлегель былъ сотрудникомъ г-жи Сталь, но это не совершенно вѣроятно. Вѣроятнѣе, что это сочиненіе возникло изъ ея прѣній съ Шлегелемъ о Нѣмецкой литературѣ. Когда сочинительница вздумала появиться во Франціи, то ей приказали удалиться въ Коппе; но она отправилась въ Вѣну и чрезъ Петербургъ въ Стокгольмъ, гдѣ ее блистательно приняли, Шлегель повсюду сопутствовалъ ей. Послѣ мира 1815 года, она возвратилась въ Парижъ, гдѣ и умерла въ 1817 г. Шлегель издалъ на Нѣмецкомъ языкѣ въ 3-хъ томахъ ея послѣднее сочиненіе: Considérations sur la révolution. Въ слѣдующемъ году возвратился онъ въ Германію, не съ тѣмъ, чтобы окончить прерванные переводы Шекспира и Кальдерона, но чтобы посвятить свою дѣятельность Индіи. Уже давно хотѣлъ онъ заняться Санскритскимъ языкомъ: онъ намѣреніе свое высказалъ еще 1799 г. въ Атенеѣ. Фридрихъ Шлегель, познакомясь въ Парижѣ съ Гамильтономъ, былъ первый Нѣмецъ, который, не побывавъ въ Индіи, посвятилъ себя изученію Санскритскаго языка. Въ 1819 г. А. В. Шлегель написалъ свой извѣстный обзоръ состоянія Индѣйской филологіи. Дѣятельность его въ Боннѣ принадлежала почти исключительно этимъ занятіямъ, и онъ сосредоточилъ всѣ силы на своей

Индѣйской Библіотекѣ, хотя и писалъ Французскія брошюры и статьи въ Journal des Débats, которыя отдѣльно явились въ Парижѣ въ одномъ томѣ. Онъ хотѣлъ, чтобы Нѣмецкая образованность сроднилась и съ этою новою областью его занятвій. Онъ хотѣлъ, чтобы наслаждались, не только прошлою, но и настоящею жизнію Индіи: по-этому онъ представлялъ своимъ читателямъ этнографическія картины чудной страны, лежащей между Индомъ и Гангомъ. Ему нравилась природа Индіи; онъ писалъ исторію слоновъ, занимался скульптурой и архитектурой Индѣйцевъ, чтобы открыть пониманіе поэтическихъ красотъ этой колыбели человѣчества. И въ этомъ направленіи обнаружилось блестящее призваніе Шлегеля быть журналистомъ. Индѣйскія сколы старался онъ передать Нѣмецкимъ гекзаметромъ. За нимъ еще остался переводъ Багавадъ-Гиты и Рамаяны. Кромѣ того за нимъ осталась въ долгу еще книга: Воспоминанія изъ его жизни. Мнѣ кажется, что человѣкъ, который такъ хорошо зналъ свѣтъ, вѣроятно имѣлъ даръ наблюдательности. Всѣ историческія и литературныя лица того времени бывали въ салонѣ его пріятельницы г-жи Сталь. Не говоря уже о Іенскомъ періодѣ, Шлегель видѣлъ Вѣну, Берлинъ, Петербургъ, Стокгольмъ и Парижъ въ важнѣйшія эпохи развитія міра, не какъ ученый, но какъ человѣкъ съ значеніемъ и знающій дѣла міра сего. Отъ чего этотъ виртуозъ въ языкѣ былъ нѣмъ, когда дѣло шло о признаніяхъ?

К. Герцъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Францiя. Книгопродавецъ Тешнеръ издалъ Histoire de Théodoric-le-Grand, roi d'Italie, précédée d'une revue préliminaire de ses auteurs et conduite jusqu'à la fin de la monarchie ostrogothique, par M. le marquis du Roure. 2 vol. Журналы называютъ это сочиненiе важнымъ явленiемъ.

Вышло новое изданiе увѣнчанной Французскою Академiею Histoire de France par Ed. Mennechet. 2 vol.

Третья часть сочиненiя: Etudes sur l'histoire universelle par E. G. Arbanère, 2 vol., вышла на-дняхъ у братьевъ Дидо. Она обнимаетъ среднiе вѣка и новую исторiю.

Langage du coeur, poésies par Constantin Beuf. 1 vol.

Братья Дидо издали: Lettres industrielles, par Ch. Sallandrouze de la Mornaix. 1 vol.

Аббатъ Флоттесъ, профессоръ въ Монпелье, издалъ разсужденiе о Паскалѣ, въ которомъ доказываетъ, что Паскаль не былъ скептикомъ. Оно называется: Etudes sur Pascal. 1 vol.

Бартелеми Сентъ-Илеръ издалъ переводъ Аристотелева разсужденiя о душѣ.

Вышелъ первый томъ новѣйшей энциклопедiи братьевъ Дидо.

Вышли Lettres et négociations de Paul Choart, seigneur de Buzanval, ambassadeur ordinaire de Henri IV. Leide.

Журналы увѣдомляютъ, что печатается исторія Французской революціи Луи Бланъ, которая выйдетъ въ 10 томахъ.

Вышло новое изданіе политической экономіи Дро.

Англія. Диккенсъ (Бозъ) издалъ собраніе юмористическихъ очерковъ Италіи, подъ заглавіемъ: Pictures from Italy. London. Bradbury and Evans.

Явилось продолженіе знаменитой History of Britisch India by James Mills, писанное Уильсономъ, въ которомъ исторія доведена до 1835.

Миссъ Мепса Тейлоръ перевела Dorfgeschichten Ауэрбаха.

Италія. Вышелъ седьмой томъ любопытнаго и замѣчательнаго сборника Альбери: Relazioni degli Ambasciatori Veneti al Senato. Онъ содержитъ Relazioni della Corte di Roma nel secolo XVI и три оригинальныхъ документа изъ собранія Лаппони.

Германія. Графиня Ида Ганъ-Ганъ издала новый романъ: Clelia Conti.

Очень хвалятъ: Darstellung der spanischen Litteratur im Mittelalter, von Ludwig Clarus. Mainz. 2 v.

Вышло второе изданіе: König Sigurd's Brautfahrt. Eine nordische Heldensage von Em. Geibel.

Въ Лейпцигской иллюстрированной театральной газетѣ печатается новая трагедія Генриха Лаубе въ 5 дѣйствіяхъ: Struensee und die Deutschen in Dänemark.

Журналы хвалятъ новую обработку народной сказки о Фаустѣ, въ которой авторъ хотѣлъ возстановить всѣ первоначальные образы геніальнаго

творенія Гёте: Dr. Iohannes Faust, Puppenspiel in 4 Acten, hergestellt von Karl Simrock.

Вышла первая часть новаго сочиненія князя Пюклеръ-Мускау: Die Rückkehr. Aegypten. Mit Abbildungen.

Вотъ заглавіе новаго сочиненія г. Кёберле, о которомъ мы уже упомянули: Rom unter den letzten drei Päpsten und die zweite Reformation in Deutschland. 1 Band: Leo XII und der Geist der römischen Hierarchie.

За нѣсколько времени передъ смертію знаменитаго Мархейнеке вышла его исторія реформаціи, обработанная для народа, подъ заглавіемъ: Die Reformation, ihre Enstehung und Verbreitung in Deutschland 112 pag.

Явился переводъ сочиненія извѣстнаго Англійскаго писателя Томаса Пайна: Das Zeitalter der Vernunft.

Въ одномъ Вѣнскомъ журналѣ напечатана неизвѣстная до сихъ поръ переписка Гёте съ Генцомъ.

Появился курсъ эстетики знаменитаго профессора Вишера.

Собирается подписка на изданіе сочиненій Песталоцци на трехъ языкахъ.

Вышло новое изданіе Jagdbrevier von Heinrich Laube.

Шеллингъ издалъ обширное предисловіе къ посмертнымъ сочиненіямъ Генриха Стеффенса, о которомъ журналы очень много говорятъ.

Вышла обработка извѣстнаго сочиненія Коке-

реля: Histoire des églises du désert, подъ заглавіемъ: Die Verfolgungen der protestantischen Kirche in Frankreich von G. Schilling.

Извѣстный путешественникъ Венедей издалъ: Das Südliche Frankreich. 2 B.

Поэтъ Г. Кёнигъ издалъ сочиненіе о всѣхъ современныхъ вопросахъ, подъ заглавіемъ: Stationen.

Die Goethe-Literatur въ нынѣшнемъ году очень богата. Недавно извѣщали мы о выходѣ книгъ Римера и Шёля, а теперь опять вышли два сочиненія: 1.) Briefe von Goethe und dessen Mutter an Fr. Fr. von Stein, von Dr. Ebers und Kahlert. 2) Briefe Schillers und Goethes an A. W. Schlegel, von T. Böcking.

Журналъ Europa, до сихъ поръ издаваемый Левальдомъ, съ Октября будетъ выходить подъ редакціею Кюне у г. Виганда.

Вышла: Geschichte des Tridentinischen Concils. Nach der Darstellung eines katholischen Schriftstellers, von Dr. Danz.

Профессоръ Шиллингъ издаетъ выборъ изъ сочиненій Лейбница: Leibnitz als Denker. Auswahl aus seinen kleinern Aufsätzen, zur übersichtlichen Darstellung seiner Philosophie.

Вышли Vorlesungen ueber Katholicismus und Protestantismus von Heinrich Thiersch. 2 vol.

Новый романъ: Der moderne Eulenspiegel. Von Adolf Tchabuschnigg. 2 B.

Книгопродавецъ Вигандъ издаетъ полное собраніе сочиненій А. Фейербаха, коихъ теперь вышелъ первый томъ.

ПОДРАЖАНІЕ СТИХАМЪ О ЛИЛІЯХЪ.

Къ чему о пищѣ, объ одеждѣ,
Живя, заботиться весь вѣкъ?
Не о душѣ ль ты долженъ прежде
Помыслить, бренный человѣкъ?

Взгляни на птицъ подъ небесами:
Не сѣютъ и не жнутъ онѣ,
Но сыты Божьими дарами.
Не выше ль ихъ ты на землѣ?

И кто себѣ, заботясь, можетъ
Еще хоть локоть росту дать?..
И для чего тебя тревожитъ
Забота, гдѣ одежду взять?

Взгляни на лиліи, какъ въ полѣ
Онѣ красуяся растутъ:
Онѣ въ своей смиренной долѣ
Труда не знаютъ, не прядутъ.

Но имъ уборъ ихъ величавый
Самъ Богъ соткалъ: о, вѣрь ты мнѣ,
И Соломонъ въ сіяньи славы
Не одѣвался какъ онѣ!

Когда жъ такъ убранъ злакъ ничтожной,
Который завтра бросятъ въ печь —
О, маловѣры! какъ возможно,
Чтобъ васъ Господь не сталъ беречь?

Не говорите же въ заботѣ:
Во что одѣться? что намъ ѣсть?
Вы не въ язычествѣ живёте;
У васъ Отецъ всещедрый есть:

Что нужно вамъ — Ему извѣстно.
Ищите царствія Его;
Ищите правоты небесной,
И все то будетъ вамъ дано.

О *завтра* думайте спокойно.
День предстоящій самъ найдетъ,
О чемъ пещись ему. Довольно
Дню каждому своихъ заботъ.

Я. Гротъ.

ОТВѢТЪ.

Мнѣ говорятъ: погибъ твой даръ,
Прошло счастливое мгновенье,
Когда души кипящей жаръ
Лился въ живое пѣснопѣнье.
Не возвратить тебѣ тѣхъ дней!
Они прошли чредой своей!

Пусть говорятъ! толпы холодной
Давно знакомъ мнѣ приговоръ;
Давно привыкъ смотрѣть мой взоръ
На жало зависти безплодной.
Но ихъ укоръ, но ихъ хула
Сожмутъ ли крылья у орла?

Пусть говорятъ! въ сознаньи твердомъ
Моихъ душевныхъ свѣжихъ силъ,
Безмолвно я съ презрѣньемъ гордымъ
Ихъ жалкой крикъ переносилъ.
Никѣмъ незримыя видѣнья
Мнѣ были свѣтомъ утѣшенья.

И думалъ я: пора придетъ —
Грудь переполненная хлынетъ,
И лавой огненной откинетъ
Богатыхъ звуковъ водометъ,
И разовьется пѣснь цвѣтная,
Кипя, и грѣя, и сверкая.

Въ той пѣсни первая струна
Вся — Божеству! вся — искупленью!
И загремитъ псалмомъ она,
Подобно ангельскому пѣнью.
И грудь, внимая звукъ святой,
Вскипитъ слезами и мольбой.

Другихъ двухъ струнъ аккордъ священный
Вамъ, вамъ — Отечество и Царь!
Тебѣ — религіи алтарь!
Тебѣ — Властитель полвселенной!
Для сердца Русскаго давно
Царь и Отечество — одно.

Я разверну твои скрижали,
Святая Русь! я передамъ
Рѣзцомъ стиха твердѣе стали
Твои судьбы твоимъ сынамъ.
И сердце Русское услышитъ,
И грудь восторженно задышетъ.

Струны послѣдней звукъ живой
Вамъ — жизни чудныя волненья —
Мечты, надежды, вдохновенья!
Я облеку васъ въ стихъ родной,
И съ гордой радостію кину
Въ печальный міръ, какъ цвѣтъ въ пустыню!

* *

УНЫНІЕ.

Ни дружбы, ни любви.... Среди чужихъ людей
Одно мученіе горитъ въ душѣ моей.
Но имя нѣжное Россіи непрерывно
Уста мои твердятъ. Но глухо, безотзывно
И хладно все кругомъ. И медленно, какъ лѣнь,
Влачится предо мной немилый сердцу день.
А ночь угрюмая безъ сна и безъ отрады
Еще страшнѣе мнѣ... Въ сіяніи лампады
Опять мгновенія считаю; ноетъ грудь,
И горько плачу я. И хоть бы кто-нибудь
Мнѣ руку сжалъ, моей встревоженный судьбою,
И, въ очи глядя мнѣ, спросилъ: «но что съ тобою?»
Одинъ, одинъ!...

Н. Будьдобрый.

Мюнхенъ.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Настала грустная и страшная година.
Семейныя права и право гражданина,
Отчизнолюбіе и вѣру во Христа
Чернитъ зломысліе и гложетъ суета.

То знаютъ многіе, и многіе порою
Берутся улучшать, и сѣтуютъ душою —
Но отступаются, почуявъ неуспѣхъ —
И безпрепятственно восторжествуетъ грѣхъ.

Но отъ чего же мы, при взрывахъ океана,
Сорвавши паруса, столкнувши капитана,
Закладываемъ течь, лишаемся одеждъ,
Не думая о томъ, что нѣтъ уже надеждъ?

7 Августа, 1845 г.

II.

Жужжащій шмель размахиваетъ жаломъ,
Какъ кондотьеръ подкупленнымъ кинжаломъ.
Какъ бирюза, какъ неба лоскутокъ,
Лазурится малюточка-цвѣтокъ.

Пусть дѣвушка, смиренное созданье,
Безропотно перенесетъ кусанье;
Пусть, вѣрная, почти четыре дня
Проговоритъ: не позабудь меня —

Но я могу перетерпѣть мученье;
Но я могу исчерпать наслажденье:
Такъ дайте жъ мнѣ благоуханныхъ розъ,
И тяжкихъ ранъ, и ядовитыхъ слёзъ.

16 Августа, 1845 г.

III.

Стою на курганѣ съ двухствольнымъ ружьемъ;
Объята окрестность таинственнымъ сномъ,
И будто бы пятна болящей земли
Сосѣднія села чернѣютъ вдали.

А сизая туча съ востока бѣжитъ;
Въ ней громъ перекатный уныло гремитъ,
И молнія блещетъ лиловой змѣей,
И кто-то мнѣ шепчетъ: иди же домой.

Пусть вѣтры бушуютъ во мракѣ ночномъ;
Пусть молніи льются огневымъ дождемъ;
Пусть громъ перекатный гремитъ да гремитъ:
Меня онъ расщеплетъ, но не устрашитъ.

3 Августа, 1845.

Д. Коптевъ.

ЖЕНѢ МОЕЙ.

На день ея рожденія.

Ты со мною жизни моря
Смѣло мчишься по волнамъ;
Ты со мною чашу горя
Распиваешь пополамъ.

Мы съ тобою какъ *два тома*,
Или книга *въ двухъ частяхъ*:
Отъ того намъ часто дома
Веселѣе, чѣмъ въ-гостяхъ!

Мы съ тобой какъ струны лиры,
Кѣмъ-то сдвинутыя владъ;
Не богаты, полу-сиры,
Но любовь нашъ тайный кладъ.

Вотъ зачѣмъ твой день рожденья,
Въ этой жизни буревой,
Есть мнѣ даръ отъ Провидѣнья,
Есть мой *праздникъ годовой!*

Ѳ. Глинка.

МОРЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ.

Съ Сербскаго.

Когда мнѣ подруга
Моя измѣнила,
И храброе сердце
Во мнѣ пріуныло:

Однажды — я помню —
Той смутной порою
Далматъ повстрѣчался
Коварный со мною.

«Возьми-ка, онъ молвилъ,
Ты саблю кривую,
Пойдемъ-ка со мною
Въ столицу морскую!»

«Житье, Алексѣичь,
Тамъ нашему брату;
Душею тамъ рады
Лихому солдату.»

«Тамъ денегъ, что камню;
Богаты, братъ, будемъ!
Лихія винтовки
Себѣ мы добудемъ.»

«Намъ грудь золотыми
Унижутъ кистями,
И алую шапку
Дадутъ съ галунами!»

«Сытнѣе, вкуснѣе
Тамъ ѣстся и пьется;
Забудешь тамъ скоро,
Что горемъ зовется.»

«А красныя дѣвки!...
Какъ станемъ порою
Бродить по деревнямъ
Веселымъ съ тобою:»

«Споютъ, Алексѣичь,
Намъ пѣсню такую...
Пойдемъ, братъ, скорѣе
Въ столицу морскую!»

Поддался я, глупый,
На хитрыя рѣчи;
Не думая, вскинулъ
Винтовку на плечи.

И вотъ очутился
Отъ милаго краю
Далеко, далеко...
Но счастья не знаю!

Какъ песъ я прикованъ;
И рвусь, и тоскую,
И въ хлѣбѣ насущномъ
Отраву я чую.

И звонкая пѣсня
Души не забавитъ,
И самый-то воздухъ
Все душитъ и давитъ.

Не ищутъ со мною
Красавицы встрѣчи:
Ихъ часто пугаютъ
Имъ чуждыя рѣчи.

Соотчичей старыхъ
Не могъ распознать я:
По нраву, по рѣчи
Мнѣ братья — не братья!

Отъ нихъ не услышишь
Родимаго слова;
Не скажешь имъ: «братцы,
Здорово, здорово!»

И грустно мнѣ нынче,
И горько, и тяжко.
Здѣсь точно я въ клѣткѣ
Залетная пташка.

Покинулъ давно бы
Я сторону эту:
Есть сила, есть крылья,
Да волюшки нѣту!

Н. Бергъ.

Москва.

К... К... П — — вой.

Въ достопамятные годы
Милой юности моей,
Вы меня, пѣвца свободы
И студентскихъ кутежей,
Восхитительно ласкали —
И легко мечты мои
Разгарались и пылали
Вдохновеніемъ любви;
И легко и сладкогласно
Мой счастливый стихъ звучалъ,
Выговаривая ясно
Много, много вамъ похвалъ!
Поэтически-живая
Отцвѣла весна моя,
И дана мнѣ жизнь иная
И тяжелая — но я,
Тотъ же я: во мнѣ сохранно
Уцѣлѣли той поры
Благодатной, безтуманной
Драгоцѣнные дары:
Сердца чистая любовность,

И во всякой день и часъ
Достохвальная готовность
Воспѣвать и славить васъ
Громко, живо, самозвонно!
И теперь, когда, увы!
Черезчуръ неблагосклонно
На меня глядите вы —
Потому-что за родную
Старину и за своихъ
На враговъ и нехристь злую
Возстаетъ мой Русской стихъ,
Потому-что не хочу я
Нѣмчуры, и не даюсь
Ей въ неволю, и люблю я
Долафертовскую Русь —
И теперь, когда опалой
Поразили вы меня,
Непріязнью небывалой
Беззащитнаго гоня,
И теперь я вашъ глубокой
Почитатель, и готовъ
Васъ по-прежнему высоко
Славить множествомъ стиховъ.
Я себѣ не измѣняю,
Потому-что, съ юныхъ лѣтъ,
Ясно вижу, твердо знаю,
Что тѣмъ паче я поэтъ,
И тѣмъ выше, и тѣмъ краше
Достославное мое
Пѣснопѣнье, что я ваше
Неизмѣнное копье!

Н. Языковъ.

28 Апрѣля, 1846 г.

ДВА ЧУВСТВА.

Когда я валъ рѣчной слѣжу,
Или съ крутой горы гляжу
На злачныя поля;

Когда одинъ въ глуши лѣсной
И шумъ дубовъ и вѣтра вой
Внимаю, молча, я;

Когда съ небесной высоты
На благовонные цвѣты
Сверкаетъ утра лучь;

Когда летитъ чрезъ море мглы
На каменистыя скалы
Перунъ изъ черныхъ тучь;

Когда спокойствія полна,
Иль въ содроганьи, но одна
Природа предо мной —

Я жить хочу, я полонъ силъ,
Мнѣ страшенъ гладный зевъ могилъ,
Мнѣ дорогъ міръ земной.

Когда жъ ликующихъ людей,
Въ сіяньи праздничныхъ огней,
Я слышу смѣха звонъ,

Межъ-тѣмъ, какъ средь полночной тьмы
Вдругъ за оградою тюрьмы
Возникнетъ долгій стонъ;

Когда младая мать дитя
Цѣлуетъ, пѣстуя, шутя,
И въ очи и въ уста,

Межъ-тѣмъ, какъ плачетъ у окна
Недужна, трепетна, блѣдна,
Сѣдая нищета —

Тогда я чувствую вполнѣ,
Что силъ и воли нѣтъ во мнѣ,
Что мыслить тяжело,

Что полонъ міръ земной чумы,
Что, видно, тутъ ошибкой мы,
Что жизнь — и бредъ и зло.

Н. Будьдобрый.

Швальбахъ.

РАЗНОЕ.

— Читатели Современника видѣли, съ какимъ уваженіемъ нѣкоторые изъ Германскихъ Университетовъ приняли ученый трудъ Профессора *Ковалевскаго* (т. XLII, стран. 329). Спѣшимъ сообщить имъ рескриптъ Е. В. Короля Прусскаго по этому же обстоятельству. «Monsieur le Professeur. Je sais apprécier l'attention que vous m'avez témoignée par l'envoi du premier volume de votre Dictionnaire Mongol-Russe-Français, et en vous exprimant mes remercimens je me plais à vous faire remettre, comme une marque de ma satisfaction, la médaille ci-jointe destinée au mérite dans les sciences. Votre affectionné Frederic Guillaume. Potsdam, le 7 mars 1846.»

— Въ разныхъ владѣніяхъ, составляющихъ изъ себя Германскій союзъ, въ нынѣшнее время издается *журналовъ и газетъ* до 800. Въ одной Пруссіи выходитъ ихъ 313, въ Саксоніи 104, въ Баваріи 96, въ Виртембергѣ 43, а въ Баденѣ 40. Только въ Шаумбургъ-Липпе и въ Гессенъ-Гомбургѣ является по одному изданію.

— 5 Іюня скончался въ Санктпетербургѣ, на шестидесятомъ году отъ роду, Членъ Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и Словесности, Статскій Совѣтникъ *М. Е. Лобановъ*. Литература наша обязана ему переводомъ Расино-

выхъ трагедій: *Ифигеніи* и *Федры*, въ которыхъ нѣкогда такъ блистательно являлась на театрѣ знаменитая *Семенова*. Лобановъ служилъ долгое время въ Императорской Публичной Библіотекѣ подъ начальствомъ А. Н. Оленина. Живши въ одномъ домѣ съ Гнѣдичемъ и Крыловымъ, онъ пользовался ихъ драгоцѣннымъ обществомъ и тонкими сужденіями. Какъ преподаватель Русской Словесности, Лобановъ принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ здѣсь лицъ. Въ послѣднее время онъ занимался преимущественно обработываніемъ Русскаго Словаря съ другими Членами Втораго Отдѣленія Академіи.

— Анонимъ, напечатавшій *Новаго Тимона* (The new Timon, a romance of London), умѣлъ очень счастливо схватить рѣзкія черты знаменитыхъ современниковъ нашихъ и внести ихъ въ свое сочиненіе. Мы приводимъ здѣсь изображеніе лицъ, особенно достойныхъ общаго вниманія. «Вотъ подъѣзжаетъ «верхомъ въ маленькой галопъ, совершенно опу-«стивъ поводья своей лошади, тотъ, кого въ Лон-«донѣ, къ удивленію Французовъ, называютъ *ста-«рымъ красавцемъ* — *Лордъ Веллингтонъ*. Шляпа его «плотно надвинута на сурово-важный лобъ; негиб-«кій станъ сжатъ туго-застегнутымъ сюртукомъ; «внутри — желѣзо, прошедшее черезъ огонь — крѣ-«пость непреклоннаго ума. Далеко отъ него богат-«ство тѣхъ обильныхъ натуръ, тѣхъ жизненныхъ «силъ, которыя текутъ потоками и питаютъ и тра-«ву ядовитую и цвѣтокъ! Самыя страсти его покор-«ны ему; пороки и добродѣтели его подъ тою же вла-

«стію. Если въ жилахъ его кипитъ пылкая кровь, «то ею управляетъ разсудокъ; если онъ съ нѣкоторою «свободою предается удовольствіямъ — то выку- «паетъ это тѣмъ, что не знаетъ безумія. На горизон- «тѣ тѣсномъ онъ всегда видитъ хорошо; на гори- «зонтѣ нѣсколько обширнѣйшемъ — всегда дурно. «Смотря на все по старинѣ, онъ считаетъ государ- «ство лагеремъ, а цѣлый свѣтъ — однимъ манев- «ромъ. Однако жъ, когда мы начнемъ сравнивать «его съ другими побѣдителями, какъ уменьшатся «недостатки его, и какою чистою явится душа его! «Губы его, правда, дышатъ холодностію, но за то «на нихъ никогда не бывало обманчивой улыбки; «сердце его сурово, но небезчеловѣчно; никакой вѣ- «роломный поступокъ не помогъ его честолюбію; «никакое преступленіе не наложило пятна на его «славу. Вѣчное *я* не было его единственнымъ пра- «виломъ; никакая недостойная хитрость не служила «къ возвышинію его — и если по смерти своей онъ «оставитъ имя *героя*, то оно будетъ въ то же время «и имя *человѣка*.» Этотъ портретъ хорошъ; но авторъ *Тимона* выбралъ положеніе, самое невыгодное для Герцога. Когда Веллингтонъ расхаживаетъ по Парламентской залѣ въ своемъ бѣломъ жилетѣ и голубомъ фракѣ, или когда, съ голубой лентой черезъ плечо и съ орденомъ подвязки на колѣнѣ, принимаетъ въ большой галлереѣ Апслей-Гоуза кого-нибудь изъ членовъ королевской фамиліи, или говоритъ милое привѣтствіе какой-нибудь прекрасной пѣвицѣ—всякой, какъ нельзя лучше, пойметъ, что «iron duke»

желѣзный Герцогъ могъ быть названъ *старымъ красавцемъ*; но верхомъ — его согнутая спина и изнеможенное положеніе тѣла явно изобличаютъ лѣта и усталость жизни. Совсѣмъ другое говорится о Сирѣ *Робертѣ Пилѣ.* Всю Европу занимающій теперь собою Лордъ никогда не является въ такомъ выгодномъ свѣтѣ для наружности своей, какъ верхомъ на доброй и статной лошади. Одна изъ знатныхъ Лондонскихъ дамъ сказала, что «онъ походитъ въ этомъ положеніи на *джентельмена-фермера,* ѣдущаго продавать хлѣбъ свой въ ближній городъ.» Другіе Англичане не утверждаютъ этаго вполнѣ, однако жъ соглашаются, что лошадь увеличиваетъ сходство почтеннаго Сира съ деревенскимъ *джентельменомъ.* «Сиръ Робертъ» говоритъ *Тимонъ* «совсѣмъ не «ѣздитъ въ-галопъ; плотно сидя въ сѣдлѣ, онъ «бросаетъ на все свой осмотрительный взглядъ; «въ благоразумной рыси животнаго проявляется «основательный умъ господина его—и не безъ при«чины: не смотря на всю силу свою, могучій ры«сакъ не разъ утомлялся подъ тяжестію сѣдока «своего » Отъ Сира Роберта авторъ естественно переходитъ къ Лорду *Станлею,* котораго черты съ удивительнымъ искуствомъ набросаны въ слѣдующихъ строкахъ. «Блистательный качествами, могучій вспыльчивымъ характеромъ, откровенный, гордый, безразсудный — Этонскій школьникъ еще весь въ особѣ своей на зло времени, подагры и трудовъ, не могущихъ соединенными силами истребить юношескую живость его. Первый между равными, са-

мый смѣлый въ бою, онъ дерется какъ Спрингъ *; даже за обѣдомъ воинственныя склонности его оживляютъ все—и пылкая храбрость любимцевъ его, *боевыхъ пѣтуховъ* **, можетъ назваться символомъ его собственной. Посмотрите на него, какъ онъ, за неимѣніемъ противниковъ, бросается на друзей; онъ шагаетъ по землѣ огромными шагами, бьетъ во всѣ стороны до тѣхъ поръ, пока, утомясь наконецъ отъ побѣдъ своихъ надъ *Даномъ* и *Снобомъ* ***, онъ даетъ щелчокъ по носу *Бобу* **** Plants a sly bruiser on the nose of Bob. Этотъ достойный Бобъ, любя его, какъ друга, не можетъ бранить его, предлагаетъ отложить бой — между тѣмъ, кто можетъ безъ восхищенія слушать чистый Саксонскій языкъ его, это прозрачное слово, открывающее столь же чистое сердце, безразсудное до дерзости, но и презирающее всякую низость?»

— Отдѣленіе дюжинныхъ переводовъ Жоржъ Занда, Поля Феваля, Евгенія Скриба, Фредерика Сулье, Александра Дюма и прочихъ авторовъ болѣзненной школы, овладѣвшей у насъ *провинціальнымъ чтеніемъ* явилось за Іюль еще обильнѣе. По исчисленію, которое представлено было нами въ прошедшемъ мѣсяцѣ (Современ. т. XLIII, стран. 101), *дѣло* относилось къ *болтовнѣ*, какъ 1: 16. Нынѣ на *единицу*

* Славный кулачный боецъ въ Англіи.

** Домъ Дерби всегда отличался пристрастіемъ къ пѣтушьему бою, и это наслѣдственная страсть у Лорда Станлея.

*** О'Коннель и Кобденъ.

**** Сиръ Робертъ Пиль.

приходится уже *осьмнадцать*. Это постепенное возрастаніе угрожаетъ нашей литературѣ страшнымъ наводненіемъ.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

30. *Повѣсть объ Украинскомъ народѣ*. Написалъ для дѣтей старшаго возраста *П. Кулѣшъ*. Въ 12; 114 стран. Спб.

Разсматриваемая нами книжка есть эпизодъ изъ общей исторіи Россіи. Авторъ ограничился расказомъ событій, совершившихся въ Малороссіи съ 1597 по 1775 г. Сочиненіе его раздѣлено на семь главъ, изъ которыхъ каждая представляетъ въ себѣ нѣчто цѣлое относительно къ судьбѣ Малороссіи. На концѣ приложена хронологическая табличка. Расказъ веденъ просто, ясно и занимательно, такъ-что, прочитавши все сочиненіе, дѣти получатъ самое удовлетворительное понятіе объ этой части отечественной исторіи. Сверхъ того внесены въ книжку нѣкоторыя народныя пѣсни Малороссіи, переложенныя на обще-Русское нарѣчіе. Онѣ сообщаютъ расказу замѣтную живость и привлекательность. Словомъ: сочинитель умѣлъ вывести свою дѣтскую книжку

изъ разряда сухихъ и утомительныхъ сочиненій. Во время чтенія повѣствованій о бѣдствіяхъ Малороссіи, которыя столько лѣтъ тяготѣли надъ нею отъ безпрерывныхъ войнъ ея съ Литвою, Польшею, Татарскими ордами и отъ самыхъ въ ней междоусобій, нельзя не проникнуться убѣжденіемъ, какое благо приняла эта страна въ свои нѣдра, опять слившись съ Великороссіею, ея матерію, бывъ при началѣ своемъ нераздѣльно съ нею подъ однимъ скипетромъ. Всего умилительнѣе тутъ зрѣлище содѣйствія Вѣры, даровавшей силу Малороссіи защитить себя отъ иноплеменниковъ и войти снова въ храмъ спасенія гражданскаго и церковнаго.

31. *Registre alphabétique des noms des auteurs* dont les pièces sont insérées dans les différents recueils publiés par l'Academie Impériale des sciences de Saintpétersbourg, depuis sa fondation jusqu' à l'an 1846. Въ 8; 80 стран. Спб.

Появленіе въ печати этаго труда облегчаетъ способы пользоваться долголѣтними и многочисленными изданіями Академіи Наукъ, гдѣ соединено столько ученыхъ сокровищъ. Составитель алфавитнаго списка Академиковъ и другихъ лицъ, участвовавшихъ въ наполненіи академическихъ Актовъ, предварительно, въ хронологическомъ порядкѣ, означилъ всѣ книги, подъ какими названіями, на какомъ языкѣ и въ которомъ году Санктпетербургская Академія Наукъ ихъ печатала. Мы только нигдѣ не замѣтили указанія на годичные Отчеты II Отдѣленія Академіи, печатающіеся ежегодно со вре-

мени образованія его. По этому обстоятельству вышелъ небольшой пропускъ какъ въ именахъ авторовъ, такъ и въ указаніи на труды ихъ. Особенно жаль, что при этомъ пропускѣ утратилась возможность справляться съ біографіями тѣхъ лицъ, которыхъ ученыя заслуги изображаемы были въ упомянутыхъ Отчетахъ. Но какъ многосложное предпріятіе не можетъ быть безошибочно совершено съ перваго раза, то и эта книжка, при второмъ ея изданіи, легко пополнится. И въ нынѣшнемъ своемъ видѣ она является уже какъ образецъ тщательности и умѣнья, съ какими авторъ занимался своимъ дѣломъ.

32. *Стихотворенія Юліи Жадовской.* Въ 6. 8, 64 стран. Спб.

Въ явленіи таланта есть что-то неразгаданное. Онъ видимо освобожденъ Природою отъ многихъ повинностей, лежащихъ на обыкновенномъ человѣкѣ. Никому не дается безъ труда никакое знаніе. Талантъ приноситъ въ себѣ множество свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ постепенно и требующихъ усилія для расширенія ихъ. Онъ, можетъ быть и безсознательно, высказываетъ довременно то, до чего другихъ доводятъ опыты и изслѣдованія. Такъ показалось намъ, когда мы читали стихотворенія г-жи Жадовской. Нѣкоторая неисправность въ выраженіяхъ, въ стихосложеніи и другихъ принадлежностяхъ поэзіи заставляетъ насъ думать, что сочинительница не тратила много времени на ученое постиженіе того искуства, къ которому влекло ее призваніе. Между-

тѣмъ сколько достоинствъ открыть можно, вникая въ ея произведенія! Предметы, такъ сказать, исчерпанные поэзіею, для нея не остались безъ новости содержанія, безъ занимательности идей, безъ музыки стиха. Все это почерпнула она въ простой, чистой любви своей къ искуству. Ее не увлекла въ черное жерло свое модная школа писателей, которые логическій, ясный и выразительный Русскій языкъ обратили въ какое-то тарабарское нарѣчіе. Человѣкъ, вышедшій въ чистотѣ изъ этаго однаго искушенія, совершилъ подвигъ. Самое настроеніе поэзіи сочинительницы обнаруживаетъ самобытность ея таланта. Она выразила стихами внутренній міръ свой, міръ женщины, чувствующей, мечтающей, любящей, надѣющейся и вѣрующей. Между этимъ элегическимъ міромъ и красотою природы всегда существовала гармоническая связь. Вотъ и все, что льется изъ прекрасной души новой писательницы нашей. Но вслушайтесь, какъ это высказано:

«Куда сложить тяжелый грузъ души?
Кому повѣдать скорбь, гнетущую мнѣ сердце?
Вокругъ меня людей знакомыхъ много,
И многіе меня бы стали слушать:
Но гдѣ найду я теплое участье?
Гдѣ душу обрѣту, съ сочувствіемъ отраднымъ,
Которая со мной всѣ радости и горе
Понять и раздѣлить могла бы непритворно?
Кому я укажу на это небо,
Покрытое блестящими звѣздами?
Мнѣ скажутъ равнодушно: хорошо —

И не поймутъ души моей волненья!
Да, не поймутъ, какъ всю меня проникла
Непостижимая и тайная отрада,
Какъ съ каждыя блестящія звѣзды
Потокомъ огненнымъ въ меня струятся чувства,
Какъ мой языкъ съ невольнымъ увлеченьемъ
Тревожныя лепечетъ рѣчи,
И слезы медленно изъ глазъ моихъ катятся...
И если бъ кто увидѣлъ этѣ слезы —
Съ какой улыбкою взглянулъ бы тотъ на нихъ,
Съ какой холодностью бъ спросилъ: о чемъ я плачу?
Потомъ, съ насмѣшкою невыносимо-глупой,
Меня бы онъ мечтательницей назвалъ!...
Кто жъ объяснитъ души моей волненье?»

Не подумайте, что она всегда повторяетъ одно и тоже. Самое счастливое изображеніе чувствованій и красотъ природы становится утомительнымъ, когда мысли перестаютъ сообщать картинамъ особенность характера и новость взглядовъ. Мы приводимъ другое стихотвореніе, столь же художнически обработанное, какъ и первое, но исполненное другихъ воззрѣній: это — *Двѣ сестры*.

«Одна была жива, рѣзва, безпечна,
На розовыхъ устахъ съ улыбкой вѣчной
И съ живостью пріятной въ разговорѣ;
Въ ея разсѣянномъ, блестящемъ взорѣ
Слеза и горесть выражались рѣдко;
Въ осьмнадцать лѣтъ она была кокетка —
И взоръ уже приманивать умѣла
Атласнымъ плечикомъ и ручкой бѣлой;

По членамъ пробѣгалъ невольный трепетъ
У ней при звукахъ вальса иль кадрили;
И лесть мущинъ, притворно-нѣжный лепетъ
Порою ей до сердца доходили,
Хоть имъ она не вѣрила, и ловко
Качала, мило такъ своей головкой;
Не отягчаясь грустной, тяжкой думой,
На жизнь она глядѣла не угрюмо,
А весело; и въ розовомъ все цвѣтѣ
Ей представлялось. Такъ на бѣломъ свѣтѣ
Живется хорошо! — — Сестра другая...
Она была мила, прекрасна тоже
И только годомъ съ небольшимъ моложе;
Прекрасна — да: всякъ, на нее взирая,
Мечтамъ предаться былъ готовъ невольно,
А сердцу сладко дѣлалось и больно...
И мнилось, что съ небесною улыбкой
На землю ангелъ залетѣлъ ошибкой!
Она тиха, стройна и граціозна;
Ея движенья важны и серьёзны;
Рѣчь кроткая, взоръ скромный и печальный,
А голосъ сладостный и музыкальный.
Ей локоны густые осѣняли
Лице; уста порою выражали
Иронію и грусть; она любила,
Когда тоска ей душу тяготила,
Одна остаться, погрузиться въ думы;
Съ отрадою она внимала шуму
Густыхъ деревъ и птицъ весеннихъ пѣнью;
Въ волнахъ любила неба отраженье;
Невольную слезу и трепетъ груди
Она всегда старалась скрыть... и люди

Ея не понимали! И случалось,
Когда о лучшемъ въ жизни ей мечталось,
Свою головку оперши на руки,
Она въ душѣ вдругъ обрѣтала звуки
Чудесные; ихъ выразить желала,
Но, посмотрѣвъ вокругъ, вздыхала и молчала.»

Прочитавши такіе стихи, никто не усомнится, чтобы у автора не было въ душѣ прекрасныхъ матерьяловъ для созданія поэмы. Сочинительница совершенно овладѣла тѣмъ стихомъ, который необходимъ для разсказа свободнаго, яснаго и вмѣстѣ поэтическаго. Даже было бы жалко, если бы, послѣ первыхъ опытовъ, не пошла она далѣе. Элегическихъ изображеній для нея уже довольно. Полноты жизни, богатства характеровъ, болѣе рѣшительнаго направленія поэзіи — вотъ чего желаемъ мы отъ автора. Но для выполненія подобныхъ условій недостаточно формъ только лирическихъ. И сочинительница доказала уже, что постиженіе сокровеннаго въ жизни людей для нея доступно. Она часто въ немногихъ стихахъ выражаетъ очень многое, какъ на прим. въ слѣдующихъ:

«Чудесное что-то бываетъ порою со мной:
Въ душѣ нѣтъ ни горя, ни счастья, ни даже любви;
Безъ чувствъ равнодушно гляжу я на міръ и людей,
И кажется міръ мнѣ пустыннымъ и мрачнымъ и скучнымъ,
А люди какими-то куклами... я же сама —
Ничтожнымъ кажусь я созданьемъ безъ воли и силы;
И если бы, мнится, въ этѣ минуты явилась

Мнѣ грозная смерть, со всѣмъ своимъ страннымъ
величьемъ —
Она бъ не смутила меня, и я бъ тихо главу
Склонила въ надеждѣ покой обрѣсти и забвенье.»

33. *Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ.* Томъ I. Изданіе *Д. В.* Въ 8; 24, 310 и 104 стран. Моск.

Въ книгѣ всѣхъ шестнадцать статей. Нѣкоторыя изъ нихъ оригинальныя; другія или заимствованы сокращенно изъ иностранныхъ писателей, или переведены вполнѣ. Подъ статьями слѣдующія имена означены: *А. Хомяковъ, К. Кавелинъ, А. Поповъ, Т. Грановскій, К. Коссовичь, И. М. Снегиревъ* и *С. Соловьевъ.* Составъ книги, независимо отъ прекраснаго выбора статей, замѣчателенъ по единству мысли, господствующему въ Сборникѣ. Участники въ немъ обратили все вниманіе свое на доставленіе читателю положительныхъ свѣдѣній касательно исторіи, статистики и юриспруденціи Славянъ. Наша эпоха, когда ученые стремятся утвердить сужденія свои о народахъ на изслѣдованіи внутренней ихъ жизни, вызвала и Русскихъ къ этому роду дѣятельности. Счастіе, что за дѣло взялись люди съ талантами, съ знаніями и съ многостороннею образованностію. Ихъ труды положатъ твердое начало благородному соперничеству Славянъ съ народами западной Европы. Безъ пробужденія этой мысли надолго осталась бы всемірная Исторія неполною, одностороннею и ложно объясняемою. Надобно,

чтобы каждое племя, изучивши свои историческіе памятники, внесло въ Науку точные свои выводы и доставило бы тѣмъ всеобщему суду возможность наконецъ постигнуть человѣчество въ истинномъ его значеніи и достоинствѣ. Невѣжды и кривотолки стараются унизить подвигъ общества Московскихъ литераторовъ, увѣряя публику, что издатели Сборника — раскольники, гасильщики просвѣщенія, отказывающіеся отъ благъ Европейской образованности. Нѣтъ: одно недоброжелательство и безсмысленное упорство могутъ изъяснять такъ дѣло благородное, чистое и обильное благотворными послѣдствіями. Ученые Европейцы будутъ безпристрастнѣе и благороднѣе. Сборникъ, какъ спеціальная книга, навсегда останется для Славянъ и не-Славянъ источникомъ любопытнѣйшихъ свѣдѣній о племени, столь же многолюдномъ и столь же достойномъ общаго изученія, какъ остальная часть Европы. Данныя по части исторіи, статистики и юриспруденціи принадлежатъ не исключительно тому только народу, посреди котораго явились ученые, ихъ собравшіе, но всѣмъ жрецамъ Науки, обработываемой совокупно всѣми эпохами и всѣми вѣками. Мы не сомнѣваемся, что со-временемъ возникнутъ и особенности въ области наукъ относительно того или другаго народа, который глубже въ нихъ вникаетъ и поведетъ ихъ далѣе. Кто не согласится, что должна же какая-нибудь вѣтвь изученія процвѣсти и въ Славянскомъ племени? Но мы по-дѣтски разсуждали бы, если бы, желая того какъ патріоты и

вообще какъ честные граждане, ничего не вносили изъ внутренней жизни нашей въ массу обще-человѣческихъ свѣдѣній. Это нашъ долгъ и по отношенію къ самимъ намъ и по отношенію къ прочимъ народамъ, которые совѣстливо исполняютъ тоже самое. Кто воображаетъ, что уже достаточно пробавляться приготовляемымъ для насъ въ западной Европѣ; тотъ близорукъ и даже слѣпъ. Способы изученія Славянъ—въ ихъ рукахъ, а не у иностранцевъ. Не говоря о знаніи народнаго быта, оттѣнковъ его характера, домашней жизни, преданій, повѣрій, одинъ *языкъ* составляетъ уже такой предметъ, въ которомъ заключены важнѣйшія тайны народовѣдѣнія. Кто же, кромѣ самихъ насъ, надежно вступить въ этотъ лабиринтъ изслѣдованій? И такъ издатели Сборника заслужили признательность и Славянъ и не-Славянъ, положивъ начало изученію, для всѣхъ важному, даже необходимому, судя по господству историческаго направленія въ ученоиъ мірѣ Европы. Стремленіе издателей Сборника — утвердить за Славянами самостоятельность Науки — естественно связывается съ ихъ патріотическимъ трудомъ и давно составляетъ цѣль всѣхъ высоко-образованныхъ людей, преданныхъ душею и сердцемъ отечеству своему и постигнувшихъ благія послѣдствія для Науки вообще, когда она въ своемъ развѣтвленіи равномѣрно обработываема будетъ въ каждомъ племени человѣчества.

34. *Московскій Литературный и Ученый Сборникъ*. Въ 8; 579 стран.

Въ нынѣшнемъ году это выходитъ уже вторый литературный сборникъ. Мы произнесли наше мнѣніе о первомъ (т. XLI, стран. 272). То былъ Петербургскій сборникъ, которому достоинство и характеръ сообщили писатели, пожелавшіе видѣть издателемъ своимъ *Н. Некрасова*. На заглавіи Московскаго сборника не означено имени издателя; но изъ участниковъ въ немъ встрѣчается много тѣхъ же лицъ, которыя нами поименованы въ разборѣ Сборника историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи. Такимъ образомъ Московскій сборникъ, естественно, какъ литературное чтеніе, не ограничившись единствомъ предмета, удержалъ въ себѣ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое единство направленія. И здѣсь многое устремлено къ тому, чтобы выяснить идею Славянской самобытности, или хоть вызвать Славянское племя къ умственной дѣятельности независимо отъ ученыхъ трудовъ западной Европы. Читатели наши замѣтили выше, въ какой мѣрѣ и по какимъ побужденіямъ мы гармонируемъ съ этимъ направленіемъ. Много уже и единствомъ мысли (чего не было въ Петербургскомъ) выигрываетъ передъ нимъ Московскій сборникъ. Но еще важнѣе то, что почти каждая пьеса его ознаменована печатію или истины, или таланта, или глубокаго знанія. Его справедливѣе бы назвать не сборникомъ, а избранникомъ. Прочитывая одну за другою пьесы его, убѣждаешься, что онѣ были строго обсуживаемы и взвѣшиваемы, прежде, нежели опредѣлено было принять ихъ въ книгу. Статьи ученыя, статьи чисто-

литературныя и всѣ стихотворенія, здѣсь помѣщенныя, сохранятъ свое достоинство и тогда, когда книга эта перестанетъ привлекать къ себѣ вниманіе свѣтскихъ людей какъ новость. Мы никогда не были защитникамя изданія литературныхъ сборниковъ и даже не придаемъ имъ названія книгъ въ строгомъ смыслѣ. Всѣ они похожи на Сто литераторовъ, изобрѣтенныхъ книгопродавцемъ Смирдинымъ. Ни время, ни мѣсто. ни предметъ, ни характеръ—словомъ, ничто не возводитъ въ идею книги этаго собранія буквъ и строкъ. Но изъ Московскаго сборника всякій читатель, смотря по тому, какой родъ литератрры любитъ онъ исключительно, можетъ взять на свою долю, или хоть удержать въ своей памяти что-нибудь окончательно-хорошее. Конечно, нельзя не желать, чтобы осуществилась мысль издателя Сборника историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи — мысль о соединеніи однородныхъ изслѣдованій въ одно изданіе, безъ примѣси чуждаго ему. И особенно въ Москвѣ, гдѣ уже явился образецъ подобнаго изданія, можно привести эту мысль въ исполненіе и по другимъ отраслямъ вѣдѣнія. Тамъ не одни должностные литераторы и ученые; тамъ много лицъ, посвятившихъ музамъ свободную жизнь свою. Они, изъ сердца Россіи, обязаны дать примѣръ и въ этомъ дѣлѣ.

35. *Новое Общественное Устройство Санктпетербурга.* Составлено во Временномъ Отдѣленіи Хозяйственнаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Въ 8; 68 стран. Спб.

Положеніе о новомъ общественномъ устройствѣ здѣшней столицы Высочайше утверждено 13 Февраля 1846 года. По Городовому Положенію 21 Апрѣля 1785 года, въ Общую Городскую Думу, которая завѣдывала городскимъ хозяйствомъ и благоустройствомъ, избирались Гласные изъ городскихъ обывателей, купцовъ, ремесленниковъ, иногородныхъ и иностранныхъ гостей, именитыхъ гражданъ и посадскихъ. Нынѣ Санктпетербургское Городское Общество составляется изъ потомственныхъ дворянъ (у которыхъ здѣсь недвижимая собственность), изъ личныхъ дворянъ, почетныхъ гражданъ и разночинцевъ (тоже владѣтелей недвижимости), изъ мѣстныхъ купцовъ, столичныхъ мѣщанъ и столичныхъ ремесленниковъ. Изъ нихъ, на три года, избираются Уполномоченные или Гласные, образующіе изъ себя Общую Городскую Думу. По ея выбору составляется Распорядительная Дума, которой ввѣряется правительственная власть въ городѣ. Городской Глава предсѣдательствуетъ въ той и другой Думѣ. Распорядительная Дума дѣйствуетъ отдѣльно отъ Губернскаго Правленія и подчинена въ общемъ порядкѣ управленія Правительствующему Сенату, а въ мѣстномъ Начальникамъ Губерніи. Такимъ образомъ всѣ сословія принимаютъ нынѣ участіе въ дѣлахъ того города, въ которомъ они постоянно пребываютъ. Это совокупленіе ихъ въ управленіи городомъ не можетъ остаться безъ послѣдствій, самыхъ благотворныхъ для жителей столицы. Въ разсматриваемой нами книжкѣ читатель найдетъ всѣ

подробности раздѣленія обязанностей Общества Городской Думы, изложенныя съ удивительною ясностію и отчетливостію.

36. *Описаніе Суражскаго уѣзда Черниговской губерніи,* составленное *Есимонтовскимъ.* Двѣ части. Въ 8; стран. 83 и 118. Спб.

Авторъ обнимаетъ исключительно состояніе хозяйства: въ первой части описываетъ онъ крестьянское хозяйство, а во второй помѣщичье. Надобно согласиться, что это рѣдкая въ своемъ родѣ книга по изложенію дѣла. Сочинитель не только знаетъ во всей подробности состояніе хозяйства въ Суражскомъ уѣздѣ, но раскрываетъ много и новыхъ способовъ къ его улучшенію. Онъ пишетъ ясно, понятно и убѣдительно. Его примѣръ долженъ подѣйствовать на мыслящихъ помѣщиковъ Русскихъ. Отъ подобныхъ книгъ возникаютъ улучшенія, не гадательныя, но вѣрныя. Надобно только на самомъ мѣстѣ вникнуть въ дѣло и развить его сущность.

37. *Критическое изслѣдованіе значенія военной географіи и военной статистики. Д. Милютина,* Генеральнаго Штаба подполковника профессора Императорской Военной Академіи. Въ 8: 70 стран. Спб.

Въ напечатанной теперь книжкѣ изложены общія воззрѣнія сочинителя на предметы его изслѣдованій. Онъ безпрестанно и съ полнымъ знаніемъ ученаго соединяетъ и разграничиваетъ въ наукахъ то, что по сущности своей требуетъ совокупности или отдѣленія. Такъ-какъ главный его предметъ еще впереди, а именно: *современное положеніе замѣ-*

чательнѣйшихъ Европейскихъ государствъ въ военномъ отношеніи; то онъ желалъ только изложить предварительно общія идеи свои — и тѣмъ приготовить читателей къ труду послѣдующему. Судя по аналитическому взгляду его на географію и статистику въ военномъ отношеніи, надобно ожидать, что онъ прекрасно изложитъ и главный свой предметъ.

38. *Записки Русскаго Географическаго Общества.* Книжка I. Въ 8; 145 стран. Спб.

Вотъ и младшее изъ ученыхъ отечественныхъ Обществъ является передъ публикою съ своими трудами. Въ этѣхъ Запискахъ помѣщены: 1. Уставъ Общества; 2. Дополнительныя постановленія его Совѣта; 3. Отчетъ о занятіяхъ его съ Сентября 1845 по Май 1846 года; 4. Обзоръ географическихъ работъ въ Россіи, сочиненіе г. *Струве*; 5. Историческо-статистическое обозрѣніе монетнаго дѣла въ Россіи, г. *Арсеньева*; 6. Извлеченіе изъ отчета г. Фреймана о владѣніяхъ Гудзонбайской компаніи, г. *Савича*; 7. Объ этнографическихъ изслѣдованіяхъ вообще и въ Россіи въ особенности, г. *Бера;* 8. Взглядъ на современное состояніе геодезическихъ и топографическихъ дѣйствій, г. *Болотова.* Въ каждой изъ послѣднихъ пяти статей столько общей занимательности и частно-ученыхъ данныхъ, что ихъ чтеніе доставитъ пользу всякому, будетъ ли онъ ими заниматься просто изъ любопытства, или предаваясь наукѣ. И неудивительно: этѣ статьи обработаны представителями тѣхъ наукъ, къ которымъ относятся вышеприведенныя сочиненія.

39. *Священныя пѣснопѣнія древняго Сіона*, или стихотворное переложеніе псалмовъ, составляющихъ Псалтирь. Въ 8; 330 стран. Спб.

Новое переложеніе Псалтири въ Русскіе стихи остается тѣмъ же, чѣмъ всегда была эта работа: можно изъ любопытства пробѣжать два-три стихотворенія; можно по любознательности и сравнить ихъ съ подлинникомъ: но никогда ни для кого переложеніе не замѣнитъ сильнаго, выразительнаго Церковно-Славянскаго текста. Если бы удалось ученому, въ полной мѣрѣ знатоку языковъ Еврейскаго и Русскаго, воспроизвести достойнымъ образомъ красоты перваго на отечественномъ языкѣ—это другое дѣло: тогда бы мы услышали въ нашихъ родныхъ звукахъ всю гармонію и постигнули ясно всю высокость царственнаго Пѣснопѣвца. Но стопы, рифмы, сочетаніе, пресѣченіе — это узы, въ которыхъ нерѣдко бываетъ тяжело и великому поэту. А каково же въ нихъ стихотворцу обыкновенному?

40. *Дѣвица-отшельница*. Водевиль г. *Григорьева 1-го*. *Два рода безумія*. Драматическія сцены въ двухъ отдѣленіяхъ *А. П. Славина*. Въ 16; 153 стран. Спб.

Въ первой пьесѣ, передѣланной съ Французскаго, довольно хорошихъ положеній, языкъ легкой и живой — словомъ, она достигаетъ своей цѣли, т. е. нравится и зрителю и читателю. Вторая исполнена во всемъ преувеличеній: въ положеніяхъ, въ выраженіяхъ и въ самомъ изобрѣтеніи: это отпечатокъ

распространившагося у насъ ложнаго вкуса въ литературѣ.

41. *Методическія приготовительныя таблицы исторіи и географіи*, составленныя для облегченія приготовленій къ экзаменамъ а) на полученіе класнаго чина по программѣ подъ лит. А; b) въ юнкера на службу по программѣ Высочайше утвержденной, и с) въ учебныя заведенія — *Евгеніемъ Добронравовымъ*. Выпускъ первый. Въ 4; 39 стран. Спб.

Молодой человѣкъ, основательно выучившійся исторіи и географіи, можетъ дѣйствительно съ пользою употребить этѣ таблицы какъ программу экзамена; но ограничиться знаніемъ только того, что въ нихъ — не безопасно.

42. *Сводъ Россійско-Латинско-Французскаго словаря*, изданный штабъ-лекаремъ, надворнымъ совѣтникомъ *Иваномъ Ѳедоровымъ*. Часть I. А—Н. Въ 8; 429 стран. Казань.

Для молодыхъ людей, особенно поступающихъ въ гимназіи, сводъ трехъ языковъ, болѣе-нежели другіе тамъ употребительныхъ, принесетъ явную пользу, и мы по справедливости совѣтуемъ имъ запастися этимъ новымъ пособіемъ, когда оно будетъ кончено издателемъ.

43. *Курсъ Англійскаго языка*. Составленъ *И. Броуномъ*. Часть I. Въ 8; 394 стран. Спб.

Сочинитель предположилъ издать весь курсъ свой въ трехъ частяхъ. Вышедшая нынѣ содержитъ въ себѣ азбуку, легкіе разговоры, басни, анекдоты, повѣствованія и словарь. Во второй части будетъ

помѣщена грамматика; а въ третью войдутъ статьи для переводовъ съ Русскаго языка. Авторъ извѣстенъ, какъ хорошій преподаватель. Онъ и въ сочиненіи своемъ является педагогомъ мыслящимъ.

44. *Основныя формы уголовныхъ слѣдствій*, вообще принятыя при ихъ производствѣ. Собраны *Д. Долговымъ*. Въ 16; 66 стра. Спб.

Нельзя отрицать пользы подобныхъ извлеченій. Ихъ удобно примѣнять къ дѣлу, когда потребуетъ того нужда. Составитель этой книжки ничего не упустилъ изъ вида въ той маленькой рамѣ, которую самъ себѣ назначилъ.

45. *Руководство къ вытапливанію и очищенію сала, дѣланію сальныхъ, стеариновыхъ, восковыхъ и другихъ свѣчь и варенію всѣхъ сортовъ мыла.* Составилъ *А. А—въ*. Съ чертежами. Въ 12; 169 стр. Спб.

Видно, что составитель этой книги совершенно преданъ изученію предметовъ, имъ излагаемыхъ: онъ выражается языкомъ не слишкомъ обдѣланнымъ, но знаніе дѣла вездѣ ощутительно. Едва ли можно у насъ найти другую книгу, въ которой бы всѣ вышеозначенные предметы были разсмотрѣны, какъ здѣсь, съ такою подробностію и основательностію.

46. *Хозяйка-экономка.* Собраніе новыхъ опытовъ и наблюденій въ домашнемъ хозяйствѣ. *К. Авдѣевой*, сочинительницы «Ручной книги Русской опытной хозяйки». Въ 12; 144 стран. Спб.

Надобно полагать, что «Ручная книга Русской опытной хозяйки» не понравилась наконецъ самой сочинительницѣ, потому-что она, не выходя изъ

любимаго круга литературно-кухонныхъ своихъ занятій, предпочла сообщить новымъ своимъ открытіямъ совсѣмъ отличное отъ прежняго названіе.

47. *Сокращенная наука практическаго пчеловодства*, заключающая въ себѣ простые, но вѣрные способы къ успѣшному размноженію пчелъ и сохраненію ихъ отъ урона; съ описаніемъ новѣйшихъ открытій, орудій и пріемовъ по сей промышленности. Соч. *И. Витвицкимъ*. Съ 9 картинками. Въ 12; XII и 240 стран. Спб.

Кто знакомъ сколько-нибудь съ прежними сочиненіями г. Витвицкаго о пчеловодствѣ, тому нѣтъ уже надобности пріобрѣтать новое его сочиненіе. Онъ въ немъ снова излагаетъ свои замѣчанія прежнія, только въ сокращенномъ видѣ. Но любители пчеловодства, не видавшіе первыхъ книгъ г. Витвицкаго, должны купить эту предпочтительно, потому-что она, какъ сочинитель выразился, книжка дешевенькая.

II.

48. *Исторія смутнаго времени въ Россіи, въ началѣ XVII вѣка. Д. Бутурлина*. Часть *третья*. Въ 8; 262 и 147 стран. Спб.

49. *Чтенія въ* Императорскомъ *Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ*. Засѣданіе 27 Апрѣля 1846 года. *№ 4*. Въ 4. Моск.

60. *Петербургскія вершины*, описанныя *Я. Бутковымъ*. Книга *вторая*. Въ 8; 189 стран. Спб.

51. *Практическая медицина*. Лекціи частно-

терапевтическія профессора *Іустина Дядьковскаго*, изданныя Козьмою Лебедевымъ. *Книги 4 и 5.* Въ 8; 181, 192, 100 и 101, 230 стран. Моск.

═

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

4. *Руководство къ первоначальному изученію всеобщей исторіи.* Переводъ книги *В. Ф. Фольгера.* Въ 8; 170 стран. Спб.

Фольгеръ извѣстенъ и въ Германіи и у насъ какъ отличный педагогъ. Его географію на Русскомъ языкѣ издалъ Н. И. Гречь. Переведенная нынѣ исторія отличается всѣми хорошими качествами учебной книги — краткостію, умнымъ выборомъ происшествій, расположеніемъ ихъ и духомъ, въ которомъ написана исторія. Вся книга содержитъ въ себѣ, отъ повѣствованія о древнѣйшихъ извѣстныхъ народовъ до событій послѣ войны 1812 года, семдесятъ параграфовъ. Въ каждомъ изъ нихъ изложено какое-нибудь происшествіе. Не забыты успѣхи гражданственности, образованности, торговли и другихъ важныхъ частей исторіи. Переводчикъ исполнилъ свое дѣло отлично хорошо: онъ совершенно вошелъ въ тонъ оригинала. Его книга составляетъ прекрасное пособіе и начинающимъ учиться исторіи и занимающимся повтореніемъ ея уроковъ.

5. *О Гольдсмитѣ и его твореніяхъ.* Въ 8; 68 стран. Спб.

Удивляемся, отъ чего переводчикъ, такъ слабо владѣя на письмѣ Русскимъ языкомъ, не прочиталъ своего перевода съ кѣмъ-нибудь изъ людей, болѣе опытныхъ въ этомъ дѣлѣ. Между-тѣмъ книжка заслуживала заботливости о себѣ. Ея подлинникъ принадлежитъ перу Вальтера-Скотта. Нигдѣ, по-видимому, писатели такъ явно не пренебрегаютъ обработкою языка, какъ у насъ. Вѣрно снисходительность публики ихъ избаловала.

6. *Персеваль Кинъ.* Романъ *Марріэта.* Переводъ съ Англійскаго *А. Горкавенко.* Четыре части. Въ 12; 189 стран. Спб.

Этотъ переводъ можно прочитать не безъ удовольствія. Онъ и занимателенъ по содержанію и исправенъ по языку переводчика.

7. *Каротинъ.* Романъ *Поль-де-Кока.* Переводъ *Ивана Бобровскаго.* Часть первая. Въ 12; 148 стр. Спб.

Ежели прололженіе будетъ не лучше начала, то переводчикъ ничего не лишитъ читателей, остановившись на первой части труда своего, тѣмъ болѣе, что и Русскій языкъ не дался ему какъ знатоку.

==

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

3. *Исторія Новой-Сѣчи, или послѣдняго Коша Запорожскаго.* Составлена изъ подлинныхъ документовъ Запорожскаго Сѣчеваго Архива *А. Скальковскимъ.* Изданіе *второе,* исправленное и значительно умноженное. Части I и II. Въ 8; 367 и 367 стран. Одесса.

4. *Записки для городскихъ и сельскихъ хозяевъ,* содержащія въ себѣ опытныя правила о скотоводствѣ, пчеловодствѣ, садоводствѣ, огородничествѣ и разныхъ хозяйственныхъ предметахъ, какъ-то: мытьѣ, бѣленіи, чищеніи, приготовленіи домашнихъ снадобьевъ и проч. Собраны *К. Авдѣевой.* Изданіе *второе,* дополненное. Въ 12; 154 стран. Спб.

5. *Ручная книга Русской опытной хозяйки,* составленная изъ сорокалѣтнихъ опытовъ и наблюденій доброй хозяйки Русской. *К. Авдѣевой.* Изданіе *пятое.* Въ 2-хъ частяхъ. Въ 12; XIII, 226 и 215 стран. Спб.

ПИСЬМО КЪ Н. М. ЯЗЫКОВУ.

Загребъ (Аграмъ), $\frac{5}{17}$ Іюня, 1845 года.

Нельзя, кажется, отвѣчать скорѣе, какъ я вамъ отвѣчаю. Часа съ-два получилъ ваше письмо—и вотъ уже пишется отвѣтъ, и то потому только чрезъ два часа, что я не могъ оторваться отъ сообщества братій-Славянъ, отъ общества друзей, которыхъ дружба снискана не лѣтами знакомства, ни личнымъ сближеніемъ, ни собственнымъ достоинствомъ, нѣтъ, однимъ достоинствомъ родовымъ и неотъемлемымъ—тѣмъ, что я душею и тѣломъ Русскій; тѣмъ, что Русскаго во мнѣ узнаютъ съ перваго взгляду; тѣмъ, что Русское Славянство во мнѣ безцѣльно, безнамѣренно, а наполняетъ всего меня и не можетъ не наполнять, потому-что я весь Русскій и слѣдовательно весь Славянинъ.

Трудно было бы мнѣ перечесть мои новыя знакомства; а число моихъ новыхъ знакомыхъ и число моихъ друзей—людей, на всякомъ шагу доказывающихъ истинное, неподложное ко мнѣ влеченіе — одно и тоже. Не думайте, что тутъ что-нибудь преувеличено; повѣрьте, что я испытываю пріязнь ихъ ежеминутно, особенно теперь, когда я, вотъ уже недѣли полторы, какъ нездоровъ, живу вдали отъ города и лечусь холодною водою. Еще повѣрьте чис-

тосердечно тому, что я такой пріязни ихъ ничѣмъ не заслужилъ, не имѣвъ времени и даже не стараясь заслуживать. Тутъ все, что несется мнѣ въ даръ, несется одному имени Русскаго.

Но надобно ввести васъ въ настоящій мой бытъ по-порядку. Начинаю съ перваго шага моего путешествія. $\frac{3}{51}$ Мая выѣхалъ я изъ Венеціи, изъ страстно любимой мною Венеціи. Не скрою: грустно было разставаться съ страною, такъ гостепріимно пріютившею мою любовь къ Искуству; съ страною, которой небу, воздуху, памятникамъ прошедшаго и даже настоящему быту я обязанъ развитіемъ многихъ и многихъ понятій. Прощай, Венеція! прощай, Италія! Исчезли огоньки съ набережной; исчезло и зарево отъ газоваго освѣщенія. Еще 8 часовъ ѣзды — и мы въ Тріэстѣ, мы, то есть, я и мой товарищъ Ив. Павлов. Галаховъ. Я издавна не терплю Тріэста: его торгашество, его безъязычность, или многоязычность, что одно и тоже, его ужасное безвкусіе — все это такъ непримѣтно на меня дѣйствуетъ, что я готовъ былъ бы сдѣлать объѣздъ, чтобъ миновать этотъ городъ. Теперь я остался тутъ одинъ день, ожидая парохода въ городъ Пола. Но довольно и часу, чтобъ наткнуться на происшествіе. Со мною, правда, не случилось ничего особеннаго: только и всей замѣчательности — внимательность ко мнѣ Тріэстской полиціи. Замѣтьте, что я въ Тріэстѣ въ третій разъ — и всегда проводилъ только по одному дню. Не смотря на это, чиновникъ только взглянулъ на мой паспортъ, тотчасъ же, съ самою вѣж-

ливою полицейскою улыбкою, скзззалъ: «вы уже были здѣсь; вы, кажется, ѣздили по Далмаціи: какъ она вамъ понравилась?» Еще замѣтьте, что этому теперь ровно два года. Въ переводѣ съ полицейскаго языка, это значило: знайте, что мы васъ замѣтили. Но мнѣ это было все равно; потому-что въ моихъ поѣздкахъ, кромѣ любви къ моимъ братьямъ-Славянамъ и желанія помочь имъ — ровно ничего не было. Я попросилъ прописать намъ паспорты въ Фіуме, прибавивши, что оттуда, еще мы не знаемъ, куда поѣдемъ, думаю, что въ Венгрію. Онъ намъ прописалъ. Мы не обратили вниманія на то, что̀ было написано—и съ этою пропискою, на другой же день, то есть въ середу, пустились въ городъ Пола.

Чтобъ вѣрнѣе и ближе къ дѣлу описывать вамъ мое путешествіе, позвольте мнѣ цѣликомъ передавать мои бѣглыя путевыя замѣтки. Сначала онѣ неправильны, именно потому, что я ѣхалъ не одинъ, а съ человѣкомъ, съ которымъ мы такъ близко сошлися, что частехонько, вмѣсто дневника, все повѣрялось ему, въ обмѣнъ на его замѣчанія.

18. *Рѣка* (Фіуме). Вчера вечеромъ я впослѣдніе простился съ Италіею. Ночь была чудная. Прощанье наше было торжественно. Амфитеатръ города Пола освѣтился луною. Темносинее, вполнѣ Итальянское небо, тишина ночи, яркій блескъ звѣздъ, величественныя тѣни аркъ — все сливалось воедино: то былъ мой послѣдній, прощальный поцѣлуй благословенной Италіи. Но въ $9^1/_2$ часовъ

пароходъ отходитъ. Дѣлать было нечего; надобно было съ сжатымъ сердцемъ оставить чудное зданіе: съ нимъ я какъ будто бы покидалъ и Италію.

На наше счастіе ночь была тиха и тепла; море не колыхнулось—и мы плыли такъ тихо и покойно, что едва было замѣтно движеніе. Съ нами были четыре спутника, Венгерцы; они до полуночи играли въ вистъ. Какъ давно я не встрѣчалъ висту! Кажется мнѣ, что эти господа не совсѣмъ жалуютъ Русскихъ: что-то они посматривали на насъ какъ будто искоса.

19. *Рѣка* (Фіуме). Передъ отъѣздомъ изъ Пола, мы въ-троемъ—я, Галаховъ и Каррара—были въ амфитеатрѣ. Долго, совершенно безмолвно, любовались мы его чудною прелестію; вдругъ слышимъ протяжный звонъ вечерняго колокола: бьетъ девять часовъ. Тишина и ничѣмъ не возмущаемое безмолвіе усиливали звуки и невольно остановили на нихъ думу. Я такъ вошелъ въ амфитеатрѣ внутрь себя, что мнѣ какъ-то было странно услышать звукъ Церковнаго колокола въ стѣнахъ его. Амфитеатръ и церковь Христіанская перенесли мысль на рубежъ между двумя рѣзко раздѣленными отдѣлами Исторіи. Но здѣсь раздѣленіе ихъ не оставило никакихъ слѣдовъ разрушенія: Церковь не уничтожила языческихъ памятниковъ. Не признакъ ли того, что это одинъ изъ немногихъ амфитеатровъ, не запятнанныхъ кровію Христіанскихъ мучениковъ? Я передалъ эту мысль Каррарѣ. Онъ пропустилъ ее молча, не сталъ прямо возражать, но потомъ прибавилъ, что здѣсь

Христіанство началось съ самыхъ первыхъ вѣковъ; что хотя объ епископахъ города Пола и не упоминается ранѣе 500 года, но въ Аквилеѣ было уже гораздо прежде епископское сѣдалище, а Аквилея отсюда недалеко. Все это такъ; лѣтописи не даютъ здѣсь никакихъ опредѣленныхъ данныхъ, но цѣлость зданія для меня одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ указателей. Оно громко говоритъ, что не было сильной вражды съ до-Христіанскимъ міромъ. Если бы амфитеатръ былъ мѣстомъ мученія, новоприведенные и потомъ слѣдующіе за ними обратились бы на него со всею яростію. Впрочемъ и то могутъ возразить мнѣ, что языческія зданія всего меньше терпѣли въ первыя времена Христіанства, особенно такія, которыя не относились прямо къ языческой религіи.

Гораздо ближе къ истинѣ то, что въ средніе вѣка не было въ городѣ Пола блестящей жизни; тоже самое говоритъ и цѣлость древнихъ храмовъ. Странно, что только на мѣстѣ однаго построили Христіанскую церковь; другіе два остались нетронутыми до тѣхъ поръ, пока Венеціане не перестроили однаго изъ нихъ въ правительственный дворецъ (palazzo del governo). Не забудьте, что тогда и помину не было объ уваженіи къ древности. Да даже и театръ, котораго теперь нѣтъ и слѣдовъ, или, пожалуй, остались одни указанія, и тотъ стоялъ почти до XVI вѣка. Серліо въ своемъ сочиненіи: Tutte le opere d'architettura et prospettiva di Sebastiano Serlio Bolognese (Vinegia MDC), въ третьей книгѣ, стр. 71, описываетъ его довольно подробно, хотя и говоритъ,

что онъ уже въ развалинахъ. Будетъ время — обо всемъ этомъ я напишу поподробнѣе: для этаго я сдѣлалъ выписки изъ главнѣйшихъ сочиненій, въ которыхъ говорится о городѣ Пола, и особенно объ его древностяхъ.

Теперь начали дѣлать новыя разысканія: копаютъ во многихъ мѣстахъ. Правительство отпускаетъ на это по 500 гульденовъ (на наши деньги, около 350 рублей серебромъ), назначая производить такія *огромныя* издержки въ продолженіе шести лѣтъ. Это уже чисто по-Австрійски. Одинъ городъ во всей имперіи, въ которомъ такъ много замѣчательныхъ древностей, и еще больше указаній, что тутъ было много и кромѣ настоящихъ остатковъ—и на это отпустить 350 рублей серебромъ въ годъ! Жителямъ города сильно хочется выхлопотать 1000 гульденовъ на неопредѣленный срокъ. Работа здѣсь очень дорога, потому-что очень слабо народонаселеніе—и безъ того множество земель остается неразработанныхъ. За копанье каждому работнику платятъ два цванцигера въ день (то есть, 40 коп. серебр.); женщинѣ, чтоноситъ землю, 15 крейцеровъ (15 коп. серебр.); за тѣлегу съ парою воловъ — цѣлый гульденъ. На долго ли же достанетъ 500 гульденовъ?

Копанье началось не больше, какъ за четыре дня до нашего пріѣзда; шло очень медленно—и, не смотря на это, отрыли уже довольно слѣдовъ, которые могутъ повести на дальнѣйшее. Первое: между двумя храмами нашли какую-то стѣну въ землѣ; она снаружи обложена Истрійскимъ камнемъ, очень

гладко обтесаннымъ. Это служитъ явнымъ указаніемъ, что она была поверхъ земли: иначе въ землѣ зачѣмъ было бы дѣлать такую щегольскую обкладку? А между-тѣмъ она подходитъ подъ основу однаго изъ храмовъ, именно того, что обращенъ въ правительственный дворецъ. Допустивши, что новооткрытая стѣна была снаружи, то есть поверхъ земли, сейчасъ же придешь къ заключенію, что, слѣдовательно, земля, ее закрывшая, была нанесена прежде построенія надъ нею храма. Такіе наносы земли въ приморскихъ странахъ бываютъ безпрестанно—и въ самомъ городѣ Пола нижняя часть воротъ вся въ землѣ, по крайней мѣрѣ на $1\frac{1}{2}$ аршина. Если только заключеніе мое подтвердится дальнѣйшими розысками, тогда надобно будетъ прибавитъ нѣсколько вѣковъ къ древности города.

Между мелочами нашли въ одномъ погребѣ множество винохранительницъ (амфоръ) съ *крышами*; потомъ въ другомъ мѣстѣ одинъ надстолбникъ (капитель) Коринѳскаго ордена, но очень упадшаго вкуса. Въ основѣ его четвероугольникъ, а не кругъ, и размѣры указываютъ, что это произведеніе вѣковъ уже Христіанскихъ; ширина его таже, что и вышина; листья идутъ въ два яруса, а не въ три, какъ въ другихъ превосходныхъ надстолбникахъ (капителяхъ), что украшаютъ столбы храма; работа листьевъ уже совсѣмъ не такъ тонка и отчетлива.

Въ день нашего отъѣзда главная работа была направлена па открытіе воротъ, предполагаемыхъ Каррарою въ стѣнѣ, не вдалекѣ отъ

главныхъ. Мнѣ было жаль, что не разрывали землю около самыхъ этихъ воротъ. Въ теперешнемъ ихъ видѣ, когда все основаніе подъ землею, они кажутся тяжелыми; а какъ разроютъ, просвѣтъ сдѣлается больше, и верхъ не будетъ давить ихъ. Вообще отъ работъ можно надѣяться многаго. Ими завѣдываетъ молодой Каррара, съ которымъ я познакомился и сошелся еще въ первый пріѣздъ мой въ городъ Пола. Онъ небогатый, то есть, просто бѣдный тутошній помѣщикъ, человѣкъ очень съ свѣтлымъ умомъ и превосходнымъ сердцемъ. Любя родину, онъ посвятилъ всю свою жизнь на изученіе древностей своего города — и безъ средствъ, безъ связей, одною настойчивостію, и искренне-страстною любовію къ своему занятію сдѣлалъ то, что правительство сначала отпустило небольшую сумму на покрытіе храма свинцовою крышею, послѣ разрѣшило устроить въ немъ собраніе отрытыхъ здѣсь древностей, а теперь, послѣ послѣдняго прошлогодняго пріѣзда сюда императора Фердинанда, дало кое-какіе способы на продолженіе изысканій. Не смотря на свою бѣдность, Каррара употребляетъ послѣднія крохи, чтобъ собрать все, что относится къ исторіи, древностямъ и жизни города Пола и всей Истріи. Онъ все повѣряетъ, что можетъ повѣрить— и потому это человѣкъ неоцѣненный для всякаго, кому бы вздумалось заняться превосходными здѣшними остатками древней архитектуры; особенно для архитектора онъ незамѣнимъ никакими книжными источниками.

Въ четвергъ мы ѣздили въ православное селеніе Перей. Тамъ пробыли мы цѣлый почти день у священника Петра Петровича Мирашевича. Онъ принялъ насъ съ чрезвычайнымъ радушіемъ; не зналъ, гдѣ посадить, чѣмъ угостить; безпрестанно хлопоталъ и поднялъ весь домъ на ноги; расказывалъ, какъ всѣ восхищаются подаркомъ г. Голубкова, какъ пріѣзжалъ сюда начальникъ Истріи и любовался ризами и утварью. И точно: Перейцы и во снѣ не видывали такаго богатсва. За-то священникъ, о чемъ ни заговоритъ, безпрестанно поминаетъ «нашего высокороднаго благодѣтеля Его Высокоблагородіе Платона Васильевича Голубкова». «Его», говоритъ онъ, «и старъ и младъ у насъ знаютъ и уважаютъ его имя». Пріѣзжалъ сюда и епископъ изъ Зоры, тоже вѣроятно въ слѣдствіе этаго подарка, и наградилъ священника краснымъ поясомъ—награда, соотвѣтствующая нашей скуфьѣ. Не смотря на то, что Перейцы съ-виду кажутся все какъ-будто бы недовольными—мнѣ сильно нравится ихъ характеръ. Никто изъ нихъ, рѣшительно никто, не нанимается въ услугу; а если кто можетъ, то еще къ себѣ нанимаетъ прислугу изъ Деньяна, ближайшаго городка. Это показываетъ и изобиліе; такъ и должно быть, потому-что у нихъ земли много, только рукъ нѣтъ для обдѣлки ея. У нихъ нѣтъ рѣшительно никакой промышленности. Всѣ земледѣльцы, пашутъ землю, разводятъ виноградники и масличныя деревья. Жаль, что у нихъ нѣтъ никого, кто бы могъ въ урожайный годъ пріостановить продажу и также

постараться о хорошей обдѣлкѣ вина и масла. Эта же бѣда и въ Пола. Виноградъ превосходный, оливъ премножество—и для себя (въ небольшомъ количествѣ) вино и масло прекрасныя, а на продажу не имѣютъ возможности дѣлать съ надлежащею рачительностію. Никто изъ Перейцевъ не понесетъ въ городъ продавать ни курицы, ни яицъ, ни молока, ничего, кромѣ произведеній земли. Они говорятъ: что̀ хорошо для губъ господскихъ, то хорошо и для насъ, и покушиваютъ-себѣ преисправно. Мнѣ нравится Славянская беззаботность и безсребренность. Вотъ уже объ этомъ народѣ, какъ и вообще о Славянахъ, нельзя сказать того, что Геродіанъ сказалъ о Нѣмцахъ: Sunt Germani pecuniae imprimis avidi (Herodianus, in Alexandro ad an. 235), т. е. *Нѣмцы всего больше падки на деньги.* У Славянъ, что̀ есть, то и ѣшь, а завтрашній день самъ о себѣ попечется. Истинно жизнь Евангельская. Я помню, прошедшаго года, когда я привозилъ вещи церковныя, одинъ поселянинъ позвалъ меня и еще Грека, что устроиваетъ тамъ мельницу, въ свой виноградникъ. Виноградникъ пребогатѣйшій—и все превосходный мускатный виноградъ. Но онъ живетъ такъ же, какъ и всѣ другіе. Такое удаленіе отъ роскоши и вообще отдѣльное житье Перейцевъ сохраняетъ чистоту ихъ нравовъ. Напримѣръ, какъ это было хорошо, что молодой парень, который меня провожалъ на своей лошади, не хотѣлъ ничего взять за лошадь. Я насильно вложилъ ему деньги въ шляпу—и послѣ мнѣ такъ было досадно, зачѣмъ я не пригласилъ

его съ собою выпить по стакану вина. Эта поганая привычка быть бариномъ (и еще какимъ? грошевымъ бариномъ) портитъ все порядочное. Какъ ни говорятъ о Перейцахъ, что они не имѣютъ промышленности, что ничего не продаютъ по мелочамъ, что не знаютъ ничего, кромѣ хлѣбопашества — все говоритъ въ ихъ пользу. Правда, что между ними нѣтъ ни сапожника, ни портнаго, никакаго ремесленника — да они и не имѣютъ нужды при своей первобытной жизни. Сапоговъ они не носятъ, а опуты; платье шьетъ каждому жена. Женщины, кажется, по обычаю Черногорцевъ, стоятъ не высоко въ ихъ сельскомъ обществѣ: ни прошедшаго года, въ продолженіе цѣлой недѣли моего пребыванія въ Переѣ, ни въ нынѣшній пріѣздъ, невѣстка священника никогда не садилась съ нами за столъ.

Нынче я встрѣтилъ новое лице въ Переѣ—это молодый священникъ, прибывшій сюда прошедшаго года изъ Каттеро. Онъ теперь учителемъ въ школѣ, и ему Мирашевичь удѣляетъ часть получаемой имъ платы. Когда мы сидѣли у однаго изъ здѣшнихъ обывателей Іововича, то рѣзкое различіе между выраженіями лицъ невольно бросилось въ глаза и обратило на себя наше вниманіе. Іововичь совершенно нашъ Малороссіянинъ, Мирашевичь — Великороссъ, а молодой священникъ, веселой пріятной наружности и очень съ нѣжнымъ лицемъ, какъ красивый Ярославецъ.

Теперь тѣ же самые доходы, которыми содер-

жался одинъ священникъ, надобно дѣлить на двоихъ Тяжко жить нашимъ единовѣрцамъ тамъ, гдѣ все противъ нихъ.

Пароходъ отъ Тріэста до Пола ходитъ два раза въ недѣлю: въ среду идетъ только до Пола и возвращается назадъ; въ субботу чрезъ Пола идетъ въ Рѣку (Фіуме). Проѣздъ до Пола стоитъ $4^1/_2$ гульдена, то есть, около 3 руб. серебр.; отъ Пола до Фіуме 2 гульдена 20 крейц. ($1^1/_2$ руб. сер.); прямо отъ Тріэста до Фіуме 5 гульденовъ (3 руб. 20 коп. сереб).

20. *Рѣка* (Фіуме). Вотъ тебѣ и расчитывай время путешествія. Нѣтъ, Австрія — не свой братъ. Засадили насъ въ Рѣкѣ (Фіуме) ни за что, ни про что—и мы должны здѣсь пробыть два дня, а можетъ еще и больше. Дѣло въ томъ, что на нашихъ паспортахъ прописано: *Buono per Pola, Fiume e ritorno*. Это проклятое слово *ritorno*, *обратно*, сгубило насъ. Мы совсѣмъ расположились ѣхать, наняли коляску до Карловца (Карлштада), посылаемъ за паспортами— вдругъ отвѣтъ, что насъ не могутъ пропустить въ Карловецъ. Мы въ полицію—полицейскій чиновникъ пріосанился и началъ говорить, что это приказаніе Тріэстской полиціи воротиться намъ обратно. Мы отвѣчаемъ, что Тріэстская полиція приказывать намъ не можетъ, что наши паспорты прописаны у Австрійскаго посланника. Толковали, толковали — а все дѣло ничѣмъ не кончилось. Слово *ritorno* до того напугало полицію, что чиновникъ объявилъ намъ: «если бы даже вы имѣли случай прямо съ кораблемъ отправиться въ Одессу—и тогда я не могъ бы

васъ выпустить: вы обязаны воротиться въ Тріэстъ.» На нашу бѣду консула нашего не было въ Рѣкѣ; онъ поручилъ все своему брату: тотъ не имѣетъ голоса. Ходили, ходили, туда, сюда—и къ предсѣдателю магистрата и ко всѣмъ—кончилось тѣмъ, что мы должны были писать въ Тріэстъ: почему намъ прописали такимъ образомъ? Теперь не знаемъ, что̀ будетъ. Безнамѣренной ошибки тутъ быть не можетъ, потому-что я самъ былъ въ полиціи и говорилъ, что мы поѣдемъ далѣе. Впрочемъ для меня это не новость. Два года тому назадъ, какъ я ѣздилъ въ Далмацію, мнѣ безпрестанно дѣлали затрудненія, такъ-что я въ Черногорье ѣздилъ безъ паспорта. Вообще до сихъ поръ мнѣ еще ни разу не случалось пріѣхать въ Австрію и выѣхать изъ Австріи безъ какихъ-нибудь непріятностей, между-тѣмъ, какъ я никогда въ другихъ государствахъ не встрѣчалъ ни малѣйшихъ — никогда.

Жить въ Рѣкѣ (Фіуме) очень скучно; кромѣ торговли—рѣшительно ничего. Подъ-вечеръ, только выйдете на улицу, вездѣ уличныя красавицы. Въ самомъ городѣ не видно бѣдности, напротивъ довольно изобилія. Въ Истріи она поражаетъ на каждомъ шагу; думаешь, думаешь—и не можешь объяснить ее. Пола, на примѣръ, на морѣ, на берегу однаго изъ лучшихъ заливовъ, который зимою частехонько бываетъ наполненъ судами, потому-что вблизи его страшное море *Quarner*, чрезвычайно бурное. Случается, что суда остаются здѣсь по 5 и по 6 недѣль, дожидаясь хорошей погоды. Кромѣ этаго — богатая рыбная

ловля. Виноградъ и масличныя деревья ростутъ въ изобиліи, земли множество—а бѣдность сильная. Ну, тутъ еще можно объяснить нездоровымъ климатомъ; на него можно сослаться и возложить вину на малое народонаселеніе. Но въ другихъ городахъ? Возьмемъ Ровиньо. Тоже торговый городъ, на превосходномъ мѣстѣ, въ прекрасномъ климатѣ, а еще бѣднѣе, повидимому, нежели Пола. За бѣдностію — развратъ. Вездѣ въ приморскихъ городахъ его довольно; но вездѣ онъ исключеніе изъ общаго правила. Въ Австрійскихъ городахъ наоборотъ: порядочная нравственность — рѣшительное исключеніе. Во Франціи, въ Германіи, въ Италіи — вездѣ безнравственность (разумѣется, я говорю о явнооткрытомъ безстыдствѣ, а не о общественной безнравственности) рѣзко отдѣлена отъ жизни общественной и заклеймена общественнымъ презрѣніемъ. Вездѣ она — порокъ, даже если и порокъ терпимый. Въ Австріи онъ такъ въ общемъ обиходѣ, такъ вошелъ въ объемъ гражданской жизни, что о немъ нѣтъ и помину. Я не знаю, могутъ ли люди дойти болѣе до животной жизни? Разговоры только объ обѣдѣ и уличныхъ красавицахъ. Ни въ общественныхъ бесѣдахъ, ни даже въ литературѣ, никогда, нигдѣ и ничто не переходитъ за предѣлы самаго житейскаго быта. Въ изящномъ — театръ, въ жизни — промышленность: вотъ уже самые высшіе предметы, до какихъ только могутъ возвыситься— но и то возвышаются рѣдко.

По моимъ отзывамъ можно подумать, что я

лично вооруженъ противъ всего края. Но пусть въ опровержение меня покажутъ мнѣ что-нибудь переходящее за предѣлъ самаго житейскаго, даже животнаго быта, на какомъ угодно поприщѣ. Въ Австріи, на примѣръ, самая лучшая исполнительная часть музыки—а есть ли извѣстные музыканты, сочинители? Кто есть, точно такъ же, какъ и самые исполнители—все это Славяне, особенно Чехи. Начтите мнѣ сколько-нибудь именъ въ Австрійской литературѣ. *Гаммеръ*— вотъ одно свѣтило. Въ положительныхъ наукахъ есть, потому-что животность жизни менѣе оказываетъ вліянія на внѣшнія занятія, но за то совершенно убиваетъ духъ и уничтожаетъ всякое благородство позывовъ.

21. *Рѣка* (Фіуме). Погода прескверная, дождь и такой вѣтеръ, какой я рѣдко и встрѣчалъ. Говорятъ, что здѣсь вѣтеръ и бури дѣло обыкновенное. Вчера я весь день провозился съ картиною. Когда ей кончатся цензуры — не знаю. Я везу съ собою картину, обрученіе Богородицы, одному моему доброму пріятелю Михаилу Осиповичу Суденкѣ Она писана на деревѣ, и такъ писана, что мнѣ страшно послать ее безъ себя. Богъ знаетъ, удастся ли въ другой разъ имѣть такое высоко-изящное произведеніе. Оно писалось по призванію — а это не часто встрѣчается въ наше время. Въ Венеціи была первая цензура; привожу сюда—другая. И какъ здѣсь дѣлается все спустя рукава, по-домашнему! Ценсоръ смотрѣлъ ее и далъ мнѣ свидѣтельство въ *казино*

(casino), то, что у насъ клубъ. Чуть-чуть не весь городъ собрался смотрѣть ее.

Въ городѣ *Рѣкѣ* (Фіуме) нѣтъ никакаго развлеченія. Два литературныя общества (societa literaria)— родъ нашихъ клубовъ. Тамъ читаютъ газеты, играютъ въ карты, и на бильярдѣ, и въ домино. Они довольно многолюдны, и больше всего въ нихъ играютъ въ карты. Изъ газетъ много Славянскихъ, именно Загребскія (Аграмскія) вѣдомости, Денница, вѣдомости Бѣлградскія, Подунавка Бѣлградская, Заря Далматская и газета Штейерская, потомъ Венгерскія, Нѣмецкія, особенно вездѣ Allgemeine Zeitung— это самая распространенная газета — Французскія: Journal des Debats, la Presse, la France, и нѣсколько Итальянскихъ. Въ самомъ городѣ издается одна газета на Итальянскомъ языкѣ; она преимущественно занимается торговлею

Не смотря на то, что здѣсь свободноторговый городъ (porto franco) и что торговля составляетъ исключительную жизнь страны, особенно-большаго торговаго движенія незамѣтно и вовсе невидно сколько-нибудь порядочныхъ товаровъ. Пристань довольно удобная для небольшихъ судовъ при устьѣ рѣчки Фіумеры. Она наполнена барками и небольшими кораблями. Главная торговля лѣсомъ; отсюда его везутъ въ Италію. Городъ Рѣка могъ бы быть весьма торговымъ городомъ, если бы было побольше заботъ о внутреннемъ устройствѣ въ Венгерскомъ королевствѣ. Это единственный приморскій городъ всей Венгріи, и особенно всей Хорватской зем-

ли — Кроаціи. Зная это, одно частное общество собрало капиталы и устроило превосходное шоссе до Карловца (Карлшада), но тѣмъ и кончилось— далѣе не проводятъ дорогъ.

Главная промышленность города — табакъ курительный, преимущественно цигары. Онѣ здѣсь очень дешевы, и курильщики говорятъ, что довольно сносны, по крайней мѣрѣ лучше Австрійскихъ и Итальянскихъ.

Жизнь въ городѣ очень тихая, полу-Итальянская, полу-Нѣмецкая. Такъ же, какъ и въ Италіи, довольно много кофеенъ, въ нихъ довольно празднаго народа; но кофейни здѣсь плохи и нечисты. Вообще и жизнь и движеніе таковы, что онѣ по неволѣ заставляютъ говорить о кофейняхъ. Одѣваются всѣ очень порядочно, особенно мущины; женщины тоже, но много видно *уѣзднаго* въ ихъ одеждѣ.

Положеніе города съ перваго взгляда нравится, потомъ наскучаетъ. Съ одной стороны заливъ, обнесенный кругомъ совершенно дикими скалами, круто спускающимися въ море; только на отлогомъ городскомъ берегу довольно зелени и разбросаны по мѣстамъ жилища. Правду сказать: все это не имѣетъ большой привлекательности. У самаго города—пожалуй, можно сказать, въ самомъ городѣ—втекаетъ въ Фіумскій заливъ рѣчка Фіумера; недалеко отъ города на ней множество мельницъ. Русло ея идетъ между самыми крутыми берегами, такъ что она какъ бы прорѣзываетъ горы, которыя потомъ не постепенно, а вдругъ въ городѣ оканчива-

ются долиною. Такое неожиданное появленіе плоской долины подлѣ крутыхъ горъ явно указываетъ на то, что она образовалась въ послѣдствіи времени отъ наносу и прибою песковъ, точно такъ же, какъ, я полагаю, и долина Каштарская. Она здѣсь не спускается съ крутизны, а разстилается у самаго ея подножія. Туземцы говорятъ, что еще недавно прибой песковъ увеличилъ берегъ на нѣсколько саженъ. Теперь устраиваютъ пристань, именно продолжаютъ каналъ отъ устья рѣки въ глубину залива и обкладываютъ его камнемъ.

Самыя горы вулканическаго образованія: это видно и по ихъ сложенію и по цвѣту нѣсколько ѳіолетовому, болѣе красноватому; на воздухѣ камень темнѣетъ и дѣлается темнопепельнаго цвѣта, принимая цвѣтъ застывшей лавы.

Ѳ. Чижовъ.

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ И ПРУССКІЙ ГЕОМЕТРЪ ЯКОБИ.

Къ концу академическаго года (пишутъ изъ Парижа), когда каждый думаетъ о томъ, какъ бы отдохнуть гдѣ-нибудь въ отдаленіи отъ города и подышать свѣжимъ воздухомъ, засѣданія Академіи Наукъ становятся менѣе одушевленными: въ палатахъ Мазарини, какъ и повсюду, страдаютъ отъ каникулярныхъ жаровъ. Впрочемъ въ послѣднее время въ Институтѣ было нѣсколько любопытныхъ чтеній. Эдмондъ Беккерель сообщилъ Академіи результатъ опытовъ, произведенныхъ съ цѣлію подтвердить и развить открытія Фарадая. Костъ въ замѣчательной запискѣ изложилъ, какимъ образомъ маленькія рыбки, очень обыкновенныя въ рѣчкахъ около Парижа и называющіяся épinoches, устраиваютъ свои гнѣзда и сохраняютъ яица. Способность этихъ животныхъ въ упомянутомъ отношеніи заслуживаетъ вниманіе натуралистовъ, тѣмъ болѣе, что она, по-видимому, далеко переходитъ за степень обыкновеннаго инстинкта рыбъ.

Чтобы вполнѣ оцѣнить важность труда при наблюденіяхъ за движеніемъ Урана, которыя Ле-Верье представилъ Институту, надобно дождаться, когда, по обнародованіи вычисленій, предположенія автора будутъ утверждены повѣрками. Ле-Верье ду-

маетъ вмѣстѣ съ другими астрономами, что неправильности движенія этой звѣзды, столь отъ насъ отдаленной, происходятъ отъ дѣйствія другой планеты, которая находится въ разстояніи гораздо значительнѣйшемъ и которой доселѣ не замѣтилъ ни одинъ наблюдатель. По изысканіямъ академика, положеніе неизвѣстной звѣзды будетъ опредѣлено съ точностію, достаточною для поддержанія надежды, что эта ипотеза скоро оправдается. Въ Астрономіи такія предсказанія не бываютъ безъ своихъ предшествующихъ. Извѣстно, что въ началѣ настоящаго столѣтія, послѣ открытія Цереры, небольшой планеты, замѣченной сперва Пьядзи, Ольберъ назначилъ два пункта на небѣ, близъ которыхъ, по его предположенію, должны были находиться новыя планеты — и въ самомъ дѣлѣ открытіе Юноны и Весты скоро подтвердило и ипотезу Германскаго астронома. Будемъ же надѣяться, что и Ле-Верье не менѣе посчастливится, и что, не смотря на трудность опредѣлить движеніе звѣзды — которая, если только существуетъ, должна совершать кругъ свой въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ — его гипотеза можетъ скоро подтвердиться вѣрнымъ наблюденіемъ.

Но самое значительное событіе, случившееся въ ученомъ мірѣ въ послѣдніе три мѣсяца, есть избраніе знаменитаго Прусскаго геометра Якоби въ иностранные члены Парижской Академіи Наукъ. Якоби становится преемникомъ славнаго астронома

Бесселя, котораго имя и талантъ созывали слушателей со всѣхъ концевъ Европы въ Кёнигсбергъ, гдѣ онъ былъ профессоромъ. Многимъ едва извѣстно, что титло *иностраннаго члена* — самая высокая награда, какую только можно оказать ученому за всѣ блестящія открытія въ наукахъ. Не считая почетныхъ академиковъ, Академія Наукъ, со включеніемъ сюда двухъ непремѣнныхъ секретарей, состоитъ изъ шестидесяти-пяти дѣйствительныхъ членовъ, живущихъ въ Парижѣ и раздѣляющихся на одиннадцать отдѣленій, изъ которыхъ первое состоитъ изъ математиковъ, а послѣднее изъ медиковъ. Къ каждому изъ этихъ отдѣленій, заключающихъ въ себѣ по шести членовъ—кромѣ отдѣленія географіи и мореплаванія, въ которомъ только три — причисляется отдѣленіе *корреспондентовъ*, также состоящее изъ опредѣленнаго числа членовъ, внѣ Парижа, въ остальной части Франціи, или въ другихъ государствахъ. Если взять во вниманіе, что, кромѣ двухъ математиковъ, избранныхъ во Французскихъ департаментахъ, на всемъ земномъ шарѣ только четыре удостоены званія *корреспондента* этой Академіи, и что для всѣхъ отраслей математическихъ, физическихъ и естественныхъ наукъ во цѣломъ мірѣ нельзя избрать больше осьми *иностранныхъ членовъ;* тогда конечно будетъ понятно, какъ это званіе почетно и высоко, и сколько славы въ титулѣ, который Ньютонъ и Лейбницъ носили съ гордостью, и котораго удостоеніе всегда вмѣняли себѣ въ честь высокіе умы всѣхъ странъ. Имена иностранныхъ ученыхъ,

носившихъ это званіе, каковы были: Боэргавъ, Галлеръ, Франклинъ, Линней, Лагранжъ и Деви, доказываютъ, что во всѣ эпохи Академія Наукъ этимъ отличіемъ умѣла вводить въ кругъ своей дѣятельности первые умы вѣка. При столь рѣдкомъ выборѣ, къ которому всѣ стремятся, трудно повѣрить, что, въ теченіе цѣлаго почти столѣтія, фамилія Бернульи занимала вполнѣ по праву и непрерывно всегда одно, а часто и два такія мѣста. Невозможно сравнить это привилегированное поколѣніе математиковъ ни съ какою другою фамиліею; но не безполезно будетъ сравнить между собою въ этомъ отношеніи разныя Европейскія націи. Долго казалось, что Англія, Германія и Италія призваны пополнять почти равномѣрно образованіе славной корпораціи, къ которой, около двадцати лѣтъ назадъ, принадлежали въ одно время три Итальянца: Пьядзи, Скарпа и Вольта. Въ послѣдніе годы эта равномѣрность начала теряться — и Германцы овладѣли почти всѣми вакантными мѣстами. Нынѣ ихъ шесть на восемь — и другіе народы должны опасаться, что къ славнымъ именамъ Гаусса, Берцеліуса, Эрштеда, Гумбольдта, Якоби и Де-Буша присоединятся не менѣе знаменитыя имена Либига, Мичерлиха, Эренберга. Не останавливаясь здѣсь на отысканіи причины этаго факта, мы не можемъ однако жъ обойтись безъ приглашенія ученыхъ другихъ народовъ удвоить усилія для полученія вѣнковъ, которые не должны же быть исключительною принадлежностію Германіи.

Избраніе Якоби можетъ повести къ другому соображенію, которымъ впрочемъ мы займемся не болѣе минуты. Съ нѣкотораго времени Евреи начали предаваться наукамъ и искуствамъ съ новымъ жаромъ и съ успѣхами весьма замѣчательными. Эти успѣхи, ощутительные повсюду, нигдѣ такъ не обнаружились, какъ въ Германіи. Къ имени Еврея Якоби можно еще присоединить имя Штерна, искуснаго геометра, который въ Гёттингенѣ идетъ по слѣдамъ своего славнаго учителя Гаусса, и имена, еще болѣе популярныя, Мейерберовъ и Мендельсоновъ, прославленныя успѣхами въ наукахъ и искуствахъ. Это пробужденіе народа, который такъ много способствовалъ въ средніе вѣки распространенію между Христіанами познаній Востока, предсказываетъ много добраго. Плодъ преимущественно философіи, это новое возникновеніе націи, несправедливо отверженной, есть явное слѣдствіе терпимости и свободы мысли.

Занятія Якоби такъ многочислены и въ то же время такъ специальны, что трудно, если не невозможно, дать о нихъ нашимъ читателямъ достаточное понятіе. Скажемъ по крайней мѣрѣ, что если Якоби преданъ единственно занятіямъ математическимъ, изъ этаго нисколько не слѣдуетъ, чтобы у него не было познаній литературныхъ, которыя составляютъ основу хорошаго воспитанія и которыя ученые хотѣли бы изгнать изъ общества, можетъ быть, для того только, чтобъ не однимъ остаться въ-невѣждахъ по Латинскому языку. Во Франціи есть

люди, которые думаютъ, что обидятъ кого-нибудь, назвавъ *классически-образованнымъ*, между-тѣмъ, какъ ученые по ту сторону Рейна не пренебрегаютъ ничѣмъ, что̀ помогаетъ развитію и укрѣпленію ума. Вотъ, на примѣръ, передъ нами философскіе тезисы, которые въ 1825 году г. Якоби защищалъ въ Берлинскомъ Университетѣ. Въ небольшой біографіи, помѣщенной въ концѣ книжки, сказано, что будущій геометръ занимался сперва филологіею. Между предметами этой замѣчательной диссертаціи молодаго кандидата (Якоби было тогда двадцать лѣтъ), подлѣ самыхъ трудныхъ математическихъ вопросовъ, есть одно изслѣдованіе варіанта, который Якоби хотѣлъ вставить въ Греческій текстъ 1260 стиха Софокловой *Электры*. Эти изысканія не помѣшали ему сдѣлаться великимъ геометромъ, такъ точно, какъ и прежніе труды Мичерлиха по восточнымъ языкамъ не помѣшали ему стать наряду съ первыми физиками. Классическое образованіе можетъ пригодиться ученому и тогда, когда бы оно ограничивалось и самыми простыми основаніями Латинскаго языка. Оно конечно не допустило бы однаго изъ Парижскихъ астрономовъ, какъ это недавно случилось съ нимъ, принять за вѣрный переводъ Латинскаго творенія Фабриціуса о солнечныхъ пятнахъ — одну парафразу, которая очень неполно передаетъ идеи подлинника.

Якоби занимался съ превосходнымъ успѣхомъ всѣми частями математическаго анализа. Особенное уваженіе геометровъ доставили ему изслѣдо-

ванія эллиптическихъ функцій и теоріи чиселъ. Трудно даже и поверхностно изложить значеніе эллиптическихъ функцій непосвященнымъ въ таинства высшаго анализа. Довольно сказать, что эта теорія опредѣляетъ свойства тѣхъ линій, которымъ, по формѣ одной изъ нихъ, дано названіе эллиптическихъ. Для этѣхъ кривыхъ линій надобно найти теоремы, сходныя съ тѣми, какія первоначальная геометрія заключаетъ въ себѣ относительно круга. Основаніе этимъ изысканіямъ положено было въ Италіи, болѣе вѣка тому назадъ, тонкимъ и изобрѣтательнымъ умомъ Фагнани, котораго открытія были почти не замѣчены современниками, и который только недавно оцѣненъ по достоинству. Онъ-то показалъ въ первый разъ равенство длины нѣкоторыхъ дугъ относительно къ эллиптическимъ линіямъ, хотя этѣ дуги не могутъ быть ни измѣрены наложеніемъ одной на другую, ни преобразованы въ другія линіи, которыя бы могли доставить непосредственное сравненіе между ними. Извѣстно, что въ геометріи начало наложенія, принаровленное къ дѣлу прямо, или посредствомъ нѣкоторыхъ видоизмѣненій, обыкновенно даетъ возможность судить о равенствѣ, или неравенствѣ двухъ количествъ—и всякій согласится, что введеніе въ науку новаго средства сравнивать произвело, со временъ Фагнани, результаты неожиданные.

Эта теорія линій эллиптическихъ, которой Якоби обязанъ значительною частію своей извѣстности, теорія, которою во Франціи долго зани-

мался почти исключительно Лежандръ, была обработываема въ Германіи другими геометрами. Уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія Гауссъ, въ своихъ *ариѳметическихъ изслѣдованіяхъ*, показалъ выводы, которые могли дать идею о тѣхъ неимовѣрныхъ успѣхахъ, какіе онъ сдѣлалъ на этомъ поприщѣ. Но по странному расположенію духа, которое часто обнаруживалось, славный Гёттингенскій геомертъ по-видимому удовлетворился своимъ открытіемъ и не позаботился издать въ свѣтъ плоды своихъ трудовъ. А когда въ 1827 году молодой Норвежскій геометръ Авель напечаталъ въ Берлинскомъ журналѣ Крелле удивительныя изслѣдованія, по-видимому заключавшія въ себѣ неизданныя открытія Гаусса, послѣдній ограничился похвалами успѣхамъ новаго атлета — и въ печатномъ своемъ письмѣ выразилъ удовольствіе, что Авель его предупредилъ и избавилъ его отъ труда печатать его собственное сочиненіе. Нужно называться Гауссомъ, чтобъ уступить другому съ такимъ спокойствіемъ славу столь важныхъ открытій!

Якоби тотчасъ отвѣчалъ на этотъ первый отзывъ Норвежскаго геометра — и эти два молодые и неутомимые соперника, въ теченіе двухъ лѣтъ, удивляли Европейскихъ математиковъ количествомъ и быстротою своихъ открытій. Къ сожалѣнію это прекрасное явленіе не было продолжительно—и Якоби, котораго Парижская Академія Наукъ недавно удостоила столь лестнаго отличія, безъ сомнѣнія, долженъ сожалѣть о своемъ несчастномъ соперникѣ. Авель умеръ двадцати-семи лѣтъ. Его послѣдніе

дни были отравлены горькими ощущеніями. Онъ былъ бѣденъ—и хотя у него на родинѣ были преданные ему друзья, изъ которыхъ главнѣйшій — прежній его учитель, Гольмбоэ, въ послѣдствіи издатель его сочиненій; однако жъ онъ всегда находился въ несчастномъ положеніи. Неутомимое трудолюбіе, забвеніе, въ какомъ его оставили, и неизвѣсность будущности его разрушили его здоровье—и онъ умеръ, отъ грудной болѣзни, почти подъ полюсомъ, на Фроландскихъ желѣзоплавильныхъ заводахъ, куда удалился зимою 1829 года.

Слѣдовало бы описать цѣлый рядъ его долгихъ страданій. Изъ напечатанныхъ его писемъ видно, что онъ наконецъ началъ сомнѣваться въ своемъ талантѣ. Все соединилось къ тому, чтобы подавить его. Удивительные труды, представленные имъ одной славной Академіи, были тотчасъ забыты, и члены коммиссіи занялись ими только по смерти автора. Приглашеніе Прусскаго правительства, чтобы Авель переѣхалъ жить въ Берлинъ, получено было во Фроландѣ, спустя нѣсколько дней послѣ его кончины. Письмо, написанное къ Шведскому Королю Лежандромъ, Пуассономъ, Лакруа и Морисомъ, членами Института, съ просьбою принять подъ покровительство Авеля, которому достался удѣлъ, несоотвѣтственный его рѣдкому и преждевременно созрѣвшему таланту, осталось безъ послѣдствій, не смотря на имя и знаменитость ученыхъ, обратившихся къ Королю Карлу-Іоанну — и этотъ славный геометръ, къ которому можно по справедливости приложить из-

вѣстное выраженіе Ньютона: *Если бы Котэсъ былъ живъ, мы что-нибудь знали бы*, долженъ былъ, отъ тоски и несчастій, преждевременно сойти въ могилу. Столь ранняя и печальная смерть налагаетъ на всѣхъ друзей науки обязанность часто повторять съ почтеніемъ имя человѣка, стяжавшаго славу только по смерти.

РОСКОШЬ И НИЩЕНСТВО ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

Каждый годъ чаще и чаще начинаютъ слышаться справедливыя опасенія на счетъ будущности Европейскихъ государствъ; замѣчаютъ страшную тучу, которая безпрестанно растетъ и грозитъ объять Европу ужасомъ, поразить бѣдствіями. Эта грозная, безпрестанно возрастающая туча — нищенство. Высшей степени своего настоящаго развитія оно достигло во-первыхъ въ странахъ, обильнѣйшихъ дарами природы, а во-вторыхъ въ странахъ, богатѣйшихъ по успѣхамъ и процвѣтанію промышленности. Но оно не ограничивается этѣми странами — явилось вездѣ и вездѣ возрастаетъ.

Кому не извѣстны ужасы нищенства, которое въ наше время приняло характеръ, столь отличный отъ прежняго, что даже стали употреблять для него особенное названіе *пауперизма?* Дѣйствительно, нищенство нашего времени совершенно отлично отъ нищенства прежнихъ вѣковъ. Это видно уже изъ того, что тѣ же мѣры, которыя въ прежнее время были бы болѣе, нежели достаточны, чтобы совершенно уничтожить нищенство, теперь даже не въ состояніи остановить его безпрестаннаго возрастанія. Сколько разныхъ благотворительныхъ заведеній основывается каждый мѣсяцъ! Сколько капиталовъ

постоянно употребляется на вспоможеніе бѣднымъ! Издаютъ законы о нищихъ, принимаютъ разныя мѣры; но все напрасно: зло ростетъ съ каждымъ днемъ. И благотворительныя заведенія, и человѣколюбивыя общества, и распоряженія правительствъ— все оказывается недостаточнымъ. Нищенство въ своемъ развитіи опережаетъ расчеты: мѣры, которыя были бы достаточны въ прошломъ году, принимаются въ настоящемъ и — недостаточны! Число людей, нуждающихся въ помощи, безпрестанно возрастаетъ. И гдѣ предѣлъ этому возрастанію? И чѣмъ остановить его?

Ясно, что всѣ нынѣ употребляемыя мѣры не достигаютъ своей цѣли. Зло возрастаетъ независимо отъ формъ правленія и не смотря на то, что законодательство во всѣхъ государствахъ сдѣлало въ послѣднее время замѣтные успѣхи. А между-тѣмъ не одни эти успѣхи, но и быстрые успѣхи въ наукахъ и особенно въ промышленности и множество общеполезныхъ изобрѣтеній—все, кажется, стремится къ тому, чтобы уничтожить нищенство, разлить благосостояніе между всѣми сословіями. Отъ чего же всѣ эти утѣшительныя явленія, всѣ эти многообразныя усовершенствованія, всѣ гигантскія изобрѣтенія нашего времени не въ состояніи ни на шагъ остановить грозный ходъ нищенства? Оно ростетъ всего быстрѣе именно тамъ, гдѣ всего болѣе обстоятельствъ, которыя по-видимому должны бы его уничтожить. Это не значитъ, что эти обстоятельства благопріятствуютъ нищенству, а только доказываетъ,

что причина, его производящая, сильнѣе благотворныхъ слѣдствій, которыя проистекаютъ отъ успѣховъ въ наукахъ, промышленности и законодательствѣ. Это доказываетъ также, что нищенство можетъ быть уничтожено только тогда, когда будутъ приняты упомянутыя мѣры къ уничтоженію самой причины, производящей его.

Нельзя сказать, чтобы въ такой ужасной степени увеличивалось число людей немощныхъ, которые не въ состояніи прокормить себя собственными силами. Правда, быть можетъ, болѣзненность у людей нашего времени обыкновеннѣе, нежели прежде; но за то и медицина сдѣлала успѣхи, равносильные болѣзненности. Конечно, есть между нищими и лентяи, которые избираютъ нищенство средствомъ къ своему существованію, болѣе легкимъ, нежели трудъ; но такіе нищіе были и прежде, и число ихъ возрастаетъ совсѣмъ не въ той пропорціи, какъ увеличивается нищенство вообще. Комплектъ убогихъ наполняется быстро людьми, которые нищаютъ не по тому, что не хотятъ, или не могутъ работать, а по тому, что самая изнурительная работа не обезпечиваетъ ихъ, самыя напряженныя усилія не удовлетворяютъ всѣхъ надобностей—и безнадежность, прибавляя свой гнетъ къ бремени бѣдности, лишаетъ человѣка бодрости душевныхъ силъ и заставляетъ его искать чужой помощи. Что жъ составляетъ причину такаго явленія?

Современно съ нищенствомъ и совершенно паралельно съ нимъ развивается другое, противополож-

ное явленіе — роскошь, ничѣмъ не останавливаемая въ своемъ развитіи. Ее не стараются истребить, подобно нищенству; ее считаютъ даже признакомъ народнаго благосостоянія, двигательницею, возбудительницею успѣховъ промышленности — и она проникаетъ общество отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ слоевъ, усиливаясь съ каждымъ годомъ. Она-то и составляетъ причину нищенства. Оно слѣдуетъ за нею, какъ тѣнь за предметомъ, неразлучно съ нею, родится отъ нея и возрастаетъ вмѣстѣ съ нею.

Роскошью я называю стремленіе людей доставлять себѣ какъ можно болѣе такихъ предметовъ, безъ которыхъ можно бы и обойтися. Это стремленіе легко переходитъ въ страсть, наполняетъ все время и всѣ мысли человѣка. Въ дорогихъ вещахъ ищетъ онъ своего счастія — и этому исканію нѣтъ предѣловъ, потому-что обладаніе какими угодно вещами не можетъ доставить человѣку истиннаго счастія, а развѣ одно минутное удовольствіе. Естественно по этому, что въ обществѣ, зараженномъ роскошью, эта зараза должна распространиться сверху до самаго низу. Богачь издерживаетъ свое состояніе на удовлетвореніе пустѣйшихъ прихотей; другой, менѣе богатый, не хочетъ уступить ему и раззоряется совершенно.

Но еще гораздо хуже то, что распространеніе роскоши рождаетъ во *всѣхъ* сословіяхъ новыя привычки, новыя потребности, часто не только излишнія, но даже вредныя. Для примѣра довольно

указать на распространеніе одуряющихъ веществъ. Радуются, что приготовленіе и продажа вина и табаку приводитъ въ движеніе многіе милліоны рублей. Говорятъ: это явный успѣхъ промышленности; а не думаютъ того, что и безъ несчастной привычки одуряться тѣ же милліоны были бы пущены въ оборотъ, только на предметы, гораздо болѣе полезные. Смѣшно было бы въ наше время сомнѣваться во вредномъ дѣйствіи пьянства, или употребленія табаку. Опытъ слишкомъ убѣдительно доказалъ, что ни водки нельзя считать средствомъ желудочнымъ, ни табаку — противоцинготнымъ. Да если бы они и дѣйствительно производили такое полезное дѣйствіе; то зачѣмъ людямъ здоровымъ безпрестанно принимать лекарство, и особенно такое лекарство, котораго польза, если бы она была, никакъ не можетъ сравниться съ тѣмъ вредомъ, какой оно наноситъ человѣку, преобращая дѣятельность его нервовъ, притупляя ихъ частымъ раздраженіемъ и медленно разрушая цѣлый организмъ? Табакъ въ короткое время, какъ онъ употребляется въ Европѣ, нанесъ ей уже неизобразимый вредъ, развилъ множество болѣзней, которыми дѣти часто бываютъ обязаны только тому обстоятельству, что ихъ родители держались несчастной привычки пить и курить. Дѣйствіе табаку тѣмъ губительнѣе, что поражаетъ, такъ сказать, изподтишка, становится властительною привычкою, даже потребностію, и лишаетъ человѣка способности, чтобы онъ самъ понялъ свое состояніе. Распространеніе табаку тѣмъ вѣрнѣе, что употребленіе его

считается принадлежностію зрѣлаго возраста; и потому мальчики спѣшатъ, при первомъ удобномъ случаѣ, преодолѣть естественное отвращеніе къ табаку, нажить себѣ несчастную привычку, чтобы тѣмъ самымъ, по крайней мѣрѣ въ собственныхъ глазахъ, стать наравнѣ со взрослыми: такъ обыкновенно привыкаютъ къ табаку. Теперь во многихъ странахъ Европы употребленіе его сдѣлалось еще обыкновеннѣе, нежели употребленіе вина; а первое слѣдствіе куренія, или нюханья — усиленная мечтательность и расположеніе къ лѣности, что нисколько не способствуетъ къ уничтоженію нищенства въ народѣ. Куритель табаку готовъ отдать послѣднюю копѣйку за щепотку этаго зелья; первая его забота о табакѣ, а уже вторая о семействѣ. Прибавленіе одной этой потребности въ состояніи было бы обѣднить много семействъ; но послѣднее время создало много другихъ потребностей, прежде неизвѣстныхъ.

Такимъ образомъ нужды во всѣхъ сословіяхъ увеличились; а средства къ удовлетворенію ихъ никакъ не могли возрасти въ равной степени уже и по одной той причинѣ, что нужды всѣхъ сословій возрасли единовременно, и что роскошь собственно гнѣздится въ сословіи людей съ состояніемъ. Эти люди считаютъ для себя необходимостію издерживать огромныя суммы на свое платье, посуду, мебели, на столъ и проч. и наконецъ на то, чтобы чѣмъ-нибудь разсѣять скуку, наполнить время, посвященное пустякамъ. Конечно, многія благотворительныя заведенія обязаны своимъ существованіемъ

этимъ же людямъ; но когда ближе присмотрѣться къ нимъ, то окажется, что побужденіемъ къ основанію такихъ заведеній было чаще тщеславіе, нежели человѣколюбіе; по крайней мѣрѣ трудно соединить идею истиннаго человѣколюбія съ представленіемъ о человѣкѣ, который бросаетъ огромныя суммы на удовлетвореніе своему тщеславію, тогда-какъ тѣ же деньги могли бы спасти отъ голодной смерти многія семейства, или послужить къ осуществленію общеполезныхъ предпріятій, которыя останавливаются по недостатку капиталовъ.

Что сказать о человѣкѣ, который платитъ нѣсколько тысячь за одинъ сервизъ въ то время, когда тысячи его ближнихъ въ буквальномъ смыслѣ умираютъ отъ голоду? Ему гораздо пріятнѣе мысль, что праздная, безчувственная толпа будетъ толковать о богатствѣ его сервиза, нежели спасеніе жизни многимъ изъ его согражданъ! Если такой человѣкъ жертвуетъ на бѣдныхъ сумму, для него ничтожную, онъ уже становится въ число благотворителей; но истинная благотворительность не можетъ измѣряться однимъ количествомъ пожертвованія, а вѣрнѣе — отношеніемъ его къ цѣлой суммѣ, изъ которой выдѣляется пожертвованіе; по-этому вдова, отдавшая послѣднюю лепту, дала болѣе богача, пожертвовавшаго многими динаріями: она отдала все, а тотъ только малѣйшую частицу.

Если кто отниметъ у васъ сто рублей и дастъ вамъ гривну, назовете ли вы его своимъ благодѣ-

телемъ? А многіе за подобную щедрость удостоились этаго названія!

Вотъ, на примѣръ, человѣкъ, торгующій виномъ, или табакомъ: онъ слыветъ благотворительнымъ, потому-что пожертвовалъ на бѣдныхъ много тысячь; но самъ онъ нажилъ милліоны тѣмъ, что множество народу лишилъ имѣнія, или здоровья. Онъ благотворитъ десяткамъ, доводя до нищенства сотни и тысячи. Но его благотворительность на виду передъ всѣми; а вредъ, имъ причиненный, остается скрытымъ, да и не приписывается ему, потому-что не онъ первый виновникъ зла — онъ только его орудіе.

Вотъ богатый мануфактуристъ, основатель разныхъ благотворительныхъ заведеній. Домъ его блещетъ серебромъ и золотомъ. Онъ держитъ открытый столъ и пользуется общественнымъ уваженіемъ. У него тысячи работниковъ—и всѣмъ онъ платитъ исправно по договорной цѣнѣ. Но отъ чего же всѣ они такъ бѣдны? отъ чего ихъ здоровье такъ скоро разстраивается? Отъ чего такъ многіе изъ нихъ становятся въ послѣдствіи бременемъ для общества? Отъ чего ихъ дѣти увеличиваютъ собою толпы нищихъ, или мошенниковъ? Отъ того, что первая мысль мануфактуриста — о себѣ; первое его желаніе — блистать роскошью и пользоваться славою хлѣбосола, благотворителя и пр. Если бы онъ былъ дѣйствительно человѣколюбивъ, что̀ бы мѣшало ему уменьшить число рабочихъ часовъ, не уменьшая платы, и увеличить число работниковъ? Что̀ бы мѣшало ему у-

строить свои заводы и фабрики такъ, чтобы работники могли находить на нихъ и удовлетвореніе настоящихъ потребностей и какое-нибудь обезпеченіе будущаго? Но тогда онъ, продавая свои произведенія по той же цѣнѣ, долженъ бы издерживать болѣе на добываніе ихъ, и доходъ его сталъ бы, можетъ быть, менѣе; и тогда онъ не могъ бы ни блистать роскошью, ни даже жертвовать столько на благотворительныя заведенія! Но тогда-то онъ былъ бы истиннымъ благотворителемъ, потому-что жертвовалъ бы гораздо болѣе, нежели теперь — и притомъ его щедрость была бы наградою труда, а не праздности, и останавливала бы разливъ нищенства.

Вотъ еще владѣлецъ огромныхъ помѣстьевъ. Люди, воздѣлывающіе его землю, уже изнурены и разорены. Но онъ продолжаетъ разорять ихъ еще болѣе, чтобы добыть какъ можно больше денегъ на удовлетвореніе своихъ роскошныхъ фантазій. Мелкопомѣстный тянется подражать ему — и считаетъ умѣренность ниже собственнаго достоинства.

Такимъ-то образомъ возникаютъ въ обществѣ условныя понятія о томъ, что̀ считать необходимымъ въ домашнемъ быту человѣка, стоящаго на такой-то степени Требованія приличій возрастаютъ съ каждымъ годомъ — и на удовлетвореніе ихъ не щадятъ никакихъ средствъ: обманъ, кража, грабительство и всякія жестокія несправедливости становятся обыкновенными. Человѣкъ, отнявшій кусокъ хлѣба у людей, умиравшихъ съ голоду, укравшій деньги, назначенныя для нищихъ, оправдываетъ

себя тѣмъ, что это было необходимо для того, чтобы онъ могъ жить *прилично*—и даже совѣсть его успокоивается подобнымъ оправданіемъ! При такомъ состояніи общества деньги становятся идоломъ каждаго; все дѣлается для денегъ: первою заботою является желаніе *казаться* блистательнымъ—а *быть* позволяется какимъ угодно! Нравственное достоинство человѣка теряетъ цѣну.

Такъ-то роскошь наноситъ государствамъ вредъ, и нищенство является только однимъ изъ слѣдствій роскоши. Можно по всей справедливости сказать, что *роскошный* богачь гораздо вреднѣе цѣлой толпы нищенствующихъ. А изъ этаго слѣдуетъ, что нищенство, справедливо пугающее своимъ возрастаніемъ, можетъ быть уничтожено не иначе, какъ уничтоженіемъ роскоши, которая его производитъ.

Изъ Исторіи извѣстно, что многія сильнѣйшія государства были разорены роскошью, пали съ высоты своего величія — и запустѣніе явилось на мѣстахъ, гдѣ блистала роскошь. Извѣстно также, что правительственныя мѣры, которыя иногда принимались противъ роскоши, мало приносили пользы и не останавливали зла въ его развитіи. Да и въ самомъ дѣлѣ онѣ не могли остановить, потому-что направлялись прямо противъ роскоши, а не противъ причины, ее производящей. Человѣкъ, думающій остановить зло, дѣйствуя на него поверхностно, похожъ на того, кто надѣется осушить рѣку, черпая воду близъ ея устья. По-этому важно опредѣлить при-

чину роскоши. А эта причина заключается въ недостаткѣ нравственнаго воспитанія.

Человѣкъ съ нравственнымъ воспитаніемъ не будетъ цѣнить требованія, такъ называемыхъ, приличій выше справедливости и блага общаго. Какъ истинный Христіанинъ, онъ будетъ любить ближняго какъ самаго себя. Тщеславіе не можетъ гнѣздиться въ душѣ человѣка, нравственно воспитаннаго—и дурныя привычки не могутъ укорениться въ немъ. Но когда воспитаніе ограничивается одною внѣшностію, однимъ пріобрѣтеніемъ такихъ-то и такихъ познаній; когда образованіе сердца считается чѣмъ-то лишнимъ, а весь бытъ, окружающій насъ, внушаетъ превратныя понятія: тогда роскошь должна родиться и усиливаться, производя всѣ ужасныя слѣдствія своего существованія. Единственное средство остановить разливъ нищенства и язву роскоши состоитъ въ томъ, чтобы доставить народу нравственное воспитаніе. Остановить зло въ началѣ гораздо легче, нежели бороться съ нимъ послѣ. Излечивать болѣзни труднѣе, нежели предупреждать ихъ. Всѣ издержки и труды, употребляемые для нравственнаго воспитанія всѣхъ сословій народа, съ избыткомъ вознаграждаются пользою отъ такаго воспитанія. Основаніе благоденствія и могущества народовъ заключается въ его нравственныхъ силахъ, а не въ многочисленности и богатствѣ, какъ это каждому должно быть извѣстно.

У нынѣшнихъ Европейскихъ народовъ есть животворное начало, которое вѣрно не допуститъ, чтобы

роскошь произвела надъ современными государствами тоже, что она сдѣлала со многими, погибшими отъ нея. Это животворное начало заключается въ чистомъ ученіи Христіанскомъ, которое одно представляетъ вѣрную основу нравственности и единственное средство для надлежащаго воспитанія. Роскошь и ея слѣдствіе — возрастающее нищенство — будутъ еще увеличиваться, пока не превзойдутъ степени, за которою уже невозможно существованіе государства. И когда мѣра зла переполнится, тогда народы собственнымъ страданіемъ купятъ убѣжденіе въ необходимости вытти на истинный путь. Блаженна страна, въ которой правительство заблаговременно принимаетъ дѣятельныя мѣры и, не дожидаясь крайности, заботится о нравственномъ воспитаніи всѣхъ сословій, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ!

С. Барановскій.

22 Апрѣля, 1846 г.
Гельзингфорсъ.

О СОВЕРШЕНСТВАХЪ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ, ОТКРЫТЫХЪ ВЪ ДОНЪ-КИХОТѢ СЕРВАНТЕСА.

Удивительно свойство истиннаго генія: все, къ чему только прикоснется онъ своимъ магическимъ жезломъ, все вмигъ оживаетъ, отрывается, такъ сказать, отъ земли и мчится за нимъ въ его мощномъ полетѣ. Никогда, подобно посредственности, не останавливается геній на половинѣ пути въ области искуства: онъ доходитъ до самой вершины— и оттуда господствуетъ надъ нимъ. «Откуда Корнель научился военному дѣлу?» говаривалъ Конде. «Откуда творецъ *Цинны* научился политикѣ?» спрашивалъ Наполеонъ. И мы въ свою очередь спросимъ: откуда и Шекспиръ, и Шиллеръ, и Кальдеронъ, и Гёте, и Альфіэри научились всему тому, чему научаемся мы, читая ихъ творенія? Какъ могли они въ своихъ созданіяхъ вмѣстить такую глубокую, всеобъемлющую науку, что каждое новое столѣтіе, каждое новое поколѣніе сызнова изучаетъ ихъ — и сызнова находитъ новый, еще непочатой предшественниками и для себя полезный запасъ свѣдѣній? Въ наукѣ, въ наукѣ вѣковой—потому-что вся жизнь ихъ была трудъ и наука—научились эти геніальные люди тому, чему научаемся мы, читая ихъ произведенія—и результатомъ этаго изученія жизни

и человѣка наполнили они свои творенія: отъ того они вѣчно новы и вѣчно драгоцѣнны для всего читающаго міра. Геній трудится всегда добросовѣстно; ничего не упускаетъ онъ изъ виду при изученіи предмета; ничего не бросаетъ на вѣтеръ — и, не думая о плодахъ трудовъ своихъ, онъ думаетъ только о томъ, какъ бы лучше удобрить почву науки, и лучше и глубже разработать ее.

Этѣ мысли невольно пришли намъ въ голову, когда мы прочитали въ сочиненіи *Пюибюска:* Histoire comparée des littératures espagnole et française», разборъ сочиненія извѣстнаго Мадритскаго доктора *Гернандеса Мореіона: «О совершенствахъ практической медицины, открытыхъ въ удивительныхъ приключеніяхъ рыцаря Донъ-Кихота Ламанчскаго.»*

Съ перваго взгляда читатель можетъ принять это заглавіе за парадоксъ; а извѣстное остроуміе Мореіона можетъ заставить его усумниться въ искренности мнѣнія доктора относительно избранной имъ темы. Но, прочитавъ всѣ его доводы, нельзя не найти ихъ столь важными и столь убѣдительными, что невольно переходишь отъ сомнѣнія къ искреннѣйшему удивленію предъ универсальнымъ геніемъ Сервантеса.

«Сервантесъ, говоритъ Мореіонъ, умѣлъ читать въ головѣ человѣка такъ же хорошо, какъ умѣлъ читать въ его сердцѣ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ свѣтильниковъ науки, которые озаряютъ собою всѣ стороны ума человѣческаго; однимъ изъ тѣхъ анатомовъ-мыслителей, которые уловляютъ самыя сокро-

венныя тайны интеллектуальнаго организма. Мономанія Донъ-Кихота не есть безуміе фантастическое. Она изображена такъ строго-систематически, что никакъ не могла быть плодомъ однаго воображенія писателя. Она является результатомъ его глубокихъ наблюденій и остроумнѣйшихъ соображеній надъ самыми отвлеченными явленіями природы; однимъ словомъ: безуміе Донъ-Кихота — самое нормальное.»

«Сервантесъ, въ выбранномъ имъ предметѣ, показалъ выводъ аналитическихъ трудовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ Самъ Иппократъ и Боэргавъ не описали съ бòльшею, какъ онъ, точностію настоящаго состоянія раздраженнаго органа и причинъ, его раздражающихъ передъ началомъ припадка. Сервантесъ опередилъ Пиннели и всѣхъ новѣйшихъ практиковъ въ примѣненіи нравственныхъ средствъ къ леченію умственнаго разстройства; еще больше: онъ открылъ путь къ *гомеопатическому леченію.* Родъ безумія, избранный имъ для опыта, уже по самой своей рѣдкости представляетъ чрезвычайныя затрудненія для изученія; но Сервантесъ прослѣдилъ его даже въ самомъ крайнемъ его развитіи.»

Мореіонъ не ограничился одними возгласами. Въ подробнѣйшемъ разборѣ всѣхъ физіологическихъ явленій этой мономаніи, которыя съ такимъ искуствомъ сведены между собою Сервантесомъ, онъ оправдываетъ и доказываетъ и истинность своихъ словъ и правоту своего энтузіазма. Вотъ главныя мысли изъ этаго разбора.

Причины и предрасположенія, характеризующія

собою тотъ родъ безумія, которому былъ подверженъ рыцарь Ламачнсскій.

1. *Желчный и меланхолическій темпераментъ.* Донъ-Кихотъ, высокій ростомъ, желтый, сухой, оброслій волосами, скорбѣлъ и сокрушался о своей худобѣ.

2 *Зрѣлый возрастъ; кризисъ въ лѣта возмужалыя.* Донъ-Кихоту было около 50 лѣтъ.

3. *Развитіе и плодовитость умственныхъ способностей.* У Донъ-Кихота были необыкновенныя умственныя способности, счастливая память и образованіе столь многостороннее, что можно его считать энциклопедическимъ.

4. *Наслѣдственная гордость; тщеславныя притязанія.* Донъ-Кихотъ былъ *Гидальго* и *Манчего;* происходилъ по прямой линіи отъ Варрона Алькурнійскаго и Гуэтіера Квеяда, побѣдителя сыновей Графа Сенъ-Поля.

5. *Усиленныя тѣлодвиженія и излишняя ходьба.* Донъ-Кихотъ любилъ охотиться и, что еще важнѣе, охотиться за зайцами.

6. *Быстрый переходъ отъ дѣятельности къ бездѣйствію.* Донъ-Кихотъ забывалъ по-временамъ не только свои домашнія обязанности, но даже свою страсть къ охотѣ.

7. *Пища возбуждающая, вязкая и питательная.* Донъ-Кихотъ въ скоромные дни ѣлъ рубленое мясо, сильно приправленное пряностями; по пятницамъ за ужиномъ употреблялъ чечевицу; въ субботу забывалъ пищу для трудовъ, а въ воскресенье, къ

обыкновенной пищѣ прибавлялъ молодыхъ голубей.

8. *Лѣтнее солнцестояніе и осеннее равноденствіе.* Самые сильные припадки бывали у Донъ-Кихота 28 Іюля, 17 Августа и 3 Октября.

9. *Любовная страсть.* Донъ-Кихотъ до того былъ влюбчивъ, что могъ обожать предметъ своей страсти, никогда даже не обладая имъ.

10. *Излишнее чтеніе.* Донъ-Кихотъ продавалъ весь запасъ ячменю и ржи для того, чтобы на вырученныя деньги покупать себѣ рыцарскія повѣсти и эротическія стихотворенія.

11. *Слишкомъ частыя и продолжительныя бдѣнія.* Донъ-Кихотъ, прочитавъ, при лунномъ свѣтѣ, всю ночь напролетъ, никогда не старался уснуть днемъ—и такимъ образомъ, очень много читая и почти совершенно не засыпая, онъ дошелъ до того, что изсушилъ свой мозгъ и потерялъ разсудокъ.

Переходя отъ перечисленія причинъ этой мономаніи къ указанію ея симптомовъ, докторъ Мореіонъ говоритъ слѣдующее:

«Слово *безуміе* есть слово *родовое*, а потому подъ нимъ разумѣются разные виды помѣшательства. Свойства припадковъ относительны. Они зависятъ отъ различія причинъ, ихъ произведшихъ. Донъ-Кихотъ, потерявъ способность сужденія, потерялъ способность отличать ложное отъ истиннаго. Имъ начало управлять одно воображеніе — и онъ сталъ вѣрить всему, что запомнилъ изъ читаннаго прежде. Онъ началъ мечтать объ однихъ только воинственныхъ приключеніяхъ и подви-

гахъ, объ однихъ только любовныхъ страданіяхъ и объясненіяхъ — и этѣ мечты, мало-по-малу, превратились для него въ такую дѣйствительность, что онъ сдѣлался рыцаремъ для того, чтобы имѣть возможность гоняться по дорогамъ за ними. Въ этомъ заключается особенность его страннаго безумія. Особенность же припадковъ и всѣхъ соединенныхъ съ ними обстоятельствъ образуетъ собою то, что медики называютъ syndrôme symptomotologique. Недугъ Донъ-Кихота ни на минуту не скрывается изъ виду наблюдателя. Онъ, даже въ видимой безпорядочности своихъ проявленій, развивается вполнѣ согласно съ сущностью своей натуры, обнаруживается ли въ порывѣ бѣшенства, или въ надменной выходкѣ, или въ воинственномъ стремленіи, или въ похоти страсти. Каждый пароксизмъ доказываетъ, что внѣшніе предметы, почему-либо пришедшіе въ соотношеніе съ чувствами больнаго, вмѣсто того, чтобы возбуждать въ немъ правильныя впечатлѣнія и ощущенія, только раздражаютъ его разсудокъ, представляясь его воображенію въ той формѣ, которая соотвѣтствуетъ степени разстройства его мозга въ извѣстную минуту.»

За описаніемъ недуга слѣдуетъ изложеніе средствъ, употребленныхъ къ его врачеванію. Для успѣшнѣйшаго врачеванія безумія моральными средствами необходимо нужно глубокое изученіе сердца и ума человѣка — въ особенности же необходимо въ этомъ случаѣ узнать врачу все, относящееся до больнаго. А кому же было лучше знать Донъ-Кихота, какъ

не Сервантесу? Развѣ не въ его рукахъ развился и этотъ характеръ, и этотъ темпераментъ, и этотъ умъ? За то посмотрите, съ какою заботливостію ухаживаетъ Сервантесъ за своимъ дѣтищемъ; какъ умѣетъ онъ угадывать тѣ средства и лекарства, къ которымъ необходимо прибѣгнуть для его исцѣленія.

Шесть лицъ дѣйствуетъ въ Сервантесовомъ апологѣ — и каждое изъ нихъ, выполняя отдѣльную роль, способствуетъ, согласно предписанію Боэргава, двоякому вліянію на больнаго. Деревенскій священникъ, цирюльникъ Николай и Самсонъ Карраско вникаютъ въ безуміе бѣднаго рыцаря и потворствуютъ всѣмъ его слабостямъ, тогда, какъ канонисса Толедская, трактирщица и племянница обязаны явно возставать противъ этаго безумія и до послѣдней крайности сопротивляться ему.

Врачеваніе начинается съ удаленія отъ больнаго главной причины, развившей въ немъ недугъ: рыцарскія и любовныя книги преданы огню; кирпичною стѣною уничтожено сообщеніе между комнатою Донъ-Кихота и его прежнею библіотекою. При этомъ не забыли распустить слухъ, что новая стѣна — дѣло силъ волшебныхъ. Мудрый Мугнатонъ въ густомъ облакѣ, сидя на драконѣ, прилеталъ въ домъ Донъ-Кихота, выстроилъ стѣну и вылетѣлъ черезъ крышу, наполнивъ дымомъ цѣлый домъ.

Если чумная цѣпь, которою Сервантесъ съ такимъ умѣньемъ обвелъ больнаго, порвалась; то причиной тому вѣтренность племянницы, смѣшавшей имя Фрестона съ именемъ Мугнатона, или Тритона—

и результатомъ этаго является то важное замѣчаніе, что, при обращеніи съ безумными, не должно ничѣмъ пренебрегать; что, обманывая ихъ, должно избѣгать и тѣни неправдоподобія, и что, подъ опасеніемъ напрасно потерять труды свои, должно остерегаться того подозрительнаго чутья со стороны безумныхъ, которое постоянно у нихъ на стражѣ.

Когда Донъ-Кихотъ, котораго безуміе достигло высшей степени, упорствуетъ оставаться на Сіэррѣ-Моренѣ; то хитрость, которую тогда употребляютъ, чтобы заставить его сойти оттуда, состоитъ въ томъ, что всѣ окружающіе поддерживаютъ переодѣваніемъ его сумасбродныя мечтанія. Священникъ надѣваетъ на себя бархатное платье, обшитое бѣлымъ атласомъ; а цирюльникъ привѣшиваетъ себѣ рыжую бороду, которую самъ же смастерилъ изъ хвоста коровы; потомъ является прекрасная, но несчастная Доротея. Она бросается къ ногамъ странствуюшаго рыцаря; открываетъ ему, что она несчастная принцесса; расказываетъ о всѣхъ своихъ несчастіяхъ, и заклинаетъ его отмстить за нее тѣмъ, кто оскорбилъ ее. Обманутый Донъ-Кихотъ выходитъ изъ своего дикаго убѣжища и безпрекословно позволяетъ вести себя въ гостинницу, гдѣ тяжелый сонъ, прерываемый припадками сомнанбулизма, постепенно ослабляетъ въ немъ порывы изступленія и доводитъ его до слабости. Тогда имъ овладѣваютъ — и вы видите, какъ онъ возвращается домой, сидя на тѣлегѣ, запряженной волами. Взоры его неподвижны; онъ молчитъ; голова его

поникла — и во всѣхъ своихъ пріемахъ въ эту минуту онъ подобенъ человѣку, еще не очнувшемуся послѣ тягостнаго сна, который круглую ночь томилъ его.

Ничто не могло быть благоразумнѣе поведенія священника и цирюльника, которые, изъ боязни напомнить Донъ-Кихоту прошлое, рѣшаются цѣлый мѣсяцъ не показываться ему на-глаза.

Противодѣйствіе больному ведется съ необходимою грубостію. Трактирщица дѣйствуетъ прямо, безъ всякихъ разсужденій. Ея невѣріе въ болѣзнь Донъ-Кихота обнаруживается проклятіями, когда она говоритъ о ней. Она требуетъ, чтобы ей и не говорили о проказахъ Донъ-Кихота — иначе она будетъ жаловаться самому Королю, самому Богу, если это возможно, требуетъ, чтобы какъ-нибудь да уняли этаго сумасброда. Племянница дѣйствуетъ на больнаго еще прямѣе, а въ слѣдствіе этаго — еще сильнѣе. Въ ея рѣчахъ преобладаетъ иронія: все, что расказываютъ о странствующихъ рыцаряхъ — по ея словамъ, не больше, какъ басня и выдумка; книги же, въ которыхъ описываются ихъ подвиги, по ея мнѣнію, должны быть торжественно сожжены на площади; а такъ-какъ, къ несчастію, ауто-да-фе вышло изъ употребленія, то этѣ книги должны быть прибиты къ позорному столбу, съ надписью: *негодныя—потому-что развращаютъ добрыхъ людей!*... Можно себѣ представить впечатлѣніе, которое должна была произвести на крайне-щекотливую честь рыцаря Ламанчскаго одна

только мысль о подобномъ безчестіи! Къ этимъ средствамъ моральнаго вліянія на болѣзнь, ослабляющимъ мало-по-малу ея силу, Сервантесъ, повременамъ, смотря по состоянію больнаго, присоединяетъ физическія потрясенія: раздражаетъ до послѣдней степени безуміе Донъ-Кихота — для того, чтобы этимъ самымъ ослабить его; заставляетъ его безпрестанно обманываться въ мечтахъ, и тѣмъ постепенно разочаровываетъ его въ нихъ. Потому-то несчастный Гидальго теряетъ свою Розинанту и просыпается, странно сидя верхомъ, только не на конѣ; потому-то онъ повѣшенъ за кулакъ на слнѣ Мариторны; выбитъ изъ сѣдла Самсономъ Карраско, который дѣлаетъ ему вызовъ, то въ качествѣ рыцаря зеркалъ, то въ качествѣ рыцаря луны; потому-то, наконецъ, на исходѣ безумія, въ періодѣ просвѣтленія разсудка, когда всѣ идеи принимаютъ направленіе спокойное, баккалавръ, желая принудить Донъ-Кихота начать вести пастушескій родъ жизни, увѣряетъ его, что онъ сочинилъ эклогу и купилъ у Квинтенарскаго пастуха двухъ чудесныхъ собакъ, которыя названы славными именами: *Барсино* и *Бутронъ*.

Моральные феномены, означающіе собою возвращеніе разсудка, слѣдуютъ одинъ за другимъ въ такой изумительной прогрессивности, и описаны съ такою точностію, что Сервантесъ, по словамъ Морейона, сравнялся съ Ипократомъ и превзошелъ его тѣмъ, что выразилъ свои наблюденія въ дѣйствіи, которое всегда выше описанія, и тѣмъ, что дѣйствователемъ избрано не лице безжизненное, а лице

комическое, всегда, всѣмъ и всякому понятное, и всегда, вездѣ и каждаго интересующее собою.

Въ порывѣ своего увлеченія Мореіонъ восклицаетъ: «О Сервантесъ, въ то время, когда столь-«ко невѣждъ осмѣливается провозглашать себя по-«священными въ тайны медицины, ты, который «былъ рожденъ для нея, ты даже не былъ обле-«ченъ званіемъ, которое бы собою обезсмертилъ! «Но, не смотря на это, каждый изъ насъ, если толь-«ко кто образованъ, если только одаренъ умомъ, «удивляется тебѣ и чтитъ твое имя!»

ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ.

Статья Элеоноры Земенцкой.

Женщина, о которой я хочу говорить, была уже предметомъ безчисленныхъ толковъ и похвалъ. Никто однако жъ изъ современниковъ не оцѣнилъ ея безпристрастно. Одни видѣли въ ней только неистовую женщину, преступную, полную страстей; другіе приписывали ей непостижимый, необыкновенный геній, который всѣ ея заблужденія оправдываетъ, изъясняетъ, даже освящаетъ. И, можетъ быть, первые больше повредили ей, раздражая этотъ дерзкій умъ, нежели сколько послѣдніе способствовали къ развитію и поощренію ея дѣйствительно-рѣдкаго таланта. Зандъ съ быстротою ума получила отъ природы сильный зародышъ гордости. Съ самаго начала въ ней бунтовали два разнородные элемента: страстная чувствительность женщины и высокомѣріе мущины. Чувствительность произвела въ ней поэзію, художническую способность, выразительность характера, лиризмъ и образность импровизаціи, равно-какъ и дѣйствительныя страданія жизни, на которыя непремѣнно должна быть обречена женщина съ такими свойствами. Но въ этихъ страданіяхъ, въ этой борьбѣ съ легковѣрностью сердца вездѣ замѣтенъ другой элементъ ея природы — гордость, которая, подобно темѣ въ музыкѣ, по-

вторяетъ свой мотивъ, постоянно прерываетъ печальную жалобу женщины презрительнымъ обращеніемъ къ себѣ-самой и къ людямъ. Эта-то гордость поддерживала ея отвагу въ трудныхъ путяхъ первой молодости. Она-то внушила ей столько мыслей о стоицизмѣ женщины — говорю о стоицизмѣ, потому-что добродѣтель, проповѣдуемая Зандъ, свойственна болѣе языческому философу, нежели женщинѣ-Христіанкѣ. Она-то наконецъ помогла ей создать столь же печальныя, какъ и вѣрныя картины униженія другой половины человѣческаго рода. Но сочинительница *Индіаны* никогда не доходила до истинныхъ понятій о обязанностяхъ и предназначеніи женщины; не доходила потому именно, что источникъ ея помысловъ не былъ чистъ, что въ немъ такъ много было началъ человѣческихъ. Повѣсти Зандъ приняты были съ необыкновеннымъ восторгомъ Страдающія въ молчаніи сердца вдругъ нашли истолковательницу своихъ чувствъ и смѣлое выраженіе досады, переполняющей заблудшую душу. Вотъ почему ни одинъ писатель не пріобрѣталъ вдругъ столько почитателей, какъ она. Однако жъ добродѣтельная мать семейства, читая первыя произведенія Зандъ, чувствовала во глубинѣ сердца, вмѣстѣ съ удовольствіемъ, какое-то противорѣчіе, какое-то ощущеніе, что произведенія этаго таланта не чистая небесная гармонія, что прелесть ихъ скрываетъ въ себѣ отраву, пагубную для Христіанскаго духа — и когда отъ досады на ничтожество общества, проникающей сочиненія Зандъ, эта мать об-

ращалась къ простому ученію Спасителя, къ сокровищамъ силы, твердости и добродѣтели, какія божественный Наставникъ предлагаетъ самому слабому существу; когда вспоминала свое прошедшее, трудную борьбу съ несчастіями, труды и тихія слезы самопожертвованія, увѣнчанныя въ послѣдствіи спокойствіемъ и побѣдою; когда здравымъ разсудкомъ соображала непреложные законы человѣческой жизни: тогда прелесть неистовыхъ описаній исчезала въ ея воображеніи; тогда гнѣвъ на установленія и обычаи людскіе уступалъ мѣсто досадѣ на геніальный умъ, умѣющій вредные пародоксы облекать въ такой очаровательный обманъ и вливать ядъ злобы и ненависти въ сердца, которымъ вмѣсто того нужно бы придать поболѣе мужества и покорности. Чтеніе сочиненій Зандъ не разнѣжитъ души, какъ старые романы страстныхъ женщинъ. Ея книги воспитываютъ въ душѣ не любовь къ свѣту, не вѣру въ сердечныя связи, а только презрѣніе къ нимъ. Въ нихъ читательница, смѣло разсматривая вмѣстѣ съ авторомъ сердечныя раны, мало-по-малу доходитъ до чувства гордости: слезы останавливаются на холодныхъ щекахъ; гнѣвъ и мщеніе борются съ угасающею уже потребностію любви; наконецъ женщина умираетъ, а на мѣсто ея раждается въ душѣ холодный мущина, полный гордости и эгоизма. Такое превращеніе совершается не вдругъ: оно сперва колоссально выразилось въ жизни Зандъ — а сочиненія женщины всегда отражаютъ вѣрно результаты ея жизни.

Свободное и несистематическое изученіе наукъ

съ обширною начитанностію всякой всячины развило въ ней еще съ первой молодости богатое воображеніе и удивительную дѣятельность мыслительной силы. Что̀ только современная Французская литература представляла важнаго, о чемъ только бредили философы XVIII вѣка — все это Зандъ читала, читала со слезами и съ восхищеніемъ, какъ обыкновенно читаютъ женщины. Руссо, съ которымъ у нея такъ много сходства, былъ въ особенности ея любимцемъ и еще болѣе развилъ въ ней рѣзко обнаружившуюся уже гордость. Все это дѣлалось въ томъ возрастѣ, когда существа обыкновенныя едва переходятъ отъ дѣтскихъ понятій къ юношескимъ. Сильное чувство внушило ей страсть къ познаніямъ; а дѣятельный, обширный умъ скоро приблизилъ ее къ первой эпохѣ идеала и любви. И какъ доселѣ въ области ума она сама-себѣ была госпожею; какъ доселѣ смѣлые порывы ея мыслей руководствовались только волею фантазіи: такъ и въ области чувства желала она власти и господства. Но, увы! здѣсь впервые гордая душа встрѣтилась съ непреоборимою дѣйствительностью. Здѣсь для своей дѣятельности она нашла не возвышенную идеальную природу, а вещественное, эгоистическое и слабое существо. И вотъ двѣ гордыя *мужскія* души вооружились одна противъ другой: была война за владычество—но не было женщины для любви и страданій; не было покорности для того, чтобы людскія отношенія обратить въ ангельскую дружбу. Отсюда родилась въ ней досада на свѣтъ и его постанов-

ленія. Это заставило ее глубоко вникнуть въ характеръ нынѣшнихъ женщинъ, которыя, отъ пагубныхъ и нерелигіозныхъ вліяній, всѣ способнѣе къ эгоистической страсти, нежели къ тихой любви семейной. Въ *Мопрасѣ* наиболѣе выражаются надменныя чувства Зандъ. Тамъ является героиня, вооруженная противъ холодности и эгоизма свѣта, господствуетъ надъ сердцемъ мущины — и ея господство не знаетъ ни границъ, ни жалости. О, нѣтъ! изъ такихъ элементовъ не можетъ образоваться общественное счастіе. Велики дѣйствительно недостатки общества, велика ничтожность его обычаевъ; но единственнымъ оружіемъ женщины въ этомъ хаосѣ, въ этомъ сцѣпленіи эгоизмовъ должны быть непоколебимая кротость, добродѣтель и терпѣніе. Какъ Божія жрица на землѣ, женщина обязана съ твердостью и покорностью проходить по терніямъ жизни. Никакія посороннія отношенія, никакія размышленія о собственныхъ страданіяхъ не должны колебать ея правилъ. Вотъ истинная тайна ея свободы — другой никогда ей не достигнуть. Всѣ усилія, противныя ненарушимости моральныхъ правилъ, могутъ помрачить умы на-время, но неизбѣжно разобьются о непремѣнныя условія человѣческой жизни.

Зандъ, въ *другой эпохѣ* литературной своей дѣятельности, постигла отчасти трудность такой борьбы. Но какъ она всегда смотрѣла на міръ исключительно съ земной точки зрѣнія, то ея направленіе и тутъ было ошибочно. Защитница женскихъ

правъ предъ судомъ справедливости съ этаго времени обратила свои мысли къ общественнымъ вопросамъ, чтобы дѣятельными усиліями приготовить для женщинъ эпоху возрожденія. Но мало-по-малу и эта цѣль исчезала въ гордомъ ея умѣ. По мѣрѣ того, какъ сама она становилась не столь уже чувствительною къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ; по мѣрѣ того, какъ горестные опыты покрывали ея сердце твердою корою привычки и ненависти, она забывала о слезахъ и горькой участи женщинъ—и съ этой-то собственно поры начинается другая эпоха ея жизни, эпоха совершенно мужская, посвященная исключительно наукѣ и идеямъ соціальнымъ.

Остановимся же на этой эпохѣ. Мы видѣли, какъ Зандъ въ дѣтствѣ изучала серьёзныя науки; какъ она жаждущимъ просвѣщенія умомъ схватывала всѣ лучи и элементы вѣка; видѣли, какъ этѣ первыя завязки мыслей были разорваны бурнымъ раздраженіемъ чувствъ; какъ потомъ горестныя впечатлѣнія слились съ привлекательнымъ языкомъ таланта, чтобы сдѣлать громкій вызовъ общественной несправедливости и покрыть поношеніемъ и уничтоженіемъ эгоизмъ мущинъ. Въ эту эпоху произвела она созданія, съ внѣшнею прелестью которыхъ ничто сравниться не можетъ. Даже поэзія Байрона кажется иногда слабою въ сравненіи съ этою безконечною лирикою, гдѣ геній художницы, въ союзѣ съ геніемъ женскаго сердца, сыплетъ передъ нами единственные эпизоды. Но когда остановишь хоть на минуту восхищеніе, когда мѣстами

слабая картина позволитъ успокоиться сердцу читателя, и неподкупный голосъ совѣсти пробьется сквозь этотъ говоръ неистовства, жару и страсти; тогда нельзя не замѣтить, что эта увлекательность основана на обманывающей и чарующей парадоксальности. Вотъ изъ какихъ элементовъ составлена нынѣшняя слава Зандъ. Какъ женщина-поэтъ, Зандъ перейдетъ и въ потомство; но какъ писательница соціальная, какъ моралистка, она и теперь уже отстаетъ отъ самой просвѣщенной части общества. При видимой своей современности, она—дитя XVIII вѣка: она послѣдняя жрица разрушенія, послѣдній, хоть и самый поэтическій, голосъ хищничества, который, даже издыхая, попираетъ все святое, смѣшиваетъ идеи съ людьми, а заблужденія вѣка съ безотносительною цѣнностію истины. Въ *Леліи* впервые становится замѣтною слабость содержанія при обиліи поэтическихъ образовъ. Здѣсь видно послѣднее усиліе поэта закрыть бѣдность содержанія игрою воображенія. Мученіе неувѣренности въ себѣ, чего, можетъ быть, не замѣчаетъ и сама сочинительница, отпечатлѣлось въ мертвой фигурѣ Леліи. Она не знаетъ покою, не знаетъ счастливаго смѣха, потому-что въ ней нѣтъ ни основательнаго мышленія, ни добродѣтельныхъ поступковъ, ни моральной силы, ни благихъ утѣшеній надежды. Все понимаетъ, обо всемъ говоритъ—но говоритъ какъ-будто въ бреду. У нея ни одна мысль не вытекаетъ изъ сердца, проникнутаго вѣрою, ни одна не выдержитъ критики простаго и зрѣлаго разсудка.

Какъ въ первой эпохѣ литературной жизни Зандъ господствовала поэзія, такъ въ другой поражаетъ читателя смѣлость, которая теперь стала ея вдохновеніемъ. Если бы вздумалъ писать въ духѣ послѣднихъ ея сочиненій мущина, тотчасъ нашелъ бы онъ себѣ справедливыхъ и строгихъ критиковъ; потому-что парадоксы въ холодной оправѣ недолго устоятъ противъ правды. Но подъ перомъ женщины софизмы являются въ чуждой имъ одеждѣ и проникаются нѣжнымъ жаромъ женской природы. Впрочемъ и у Зандъ прелесть формы и несравненная поэзія внѣшнихъ украшеній начинаютъ ослабѣвать, когда она, увлекаясь соціализмомъ, отдаляется отъ области чувства—и парадоксальность ея мыслей тѣмъ болѣе производитъ на душу грустное впечатлѣніе, что она бросаетъ ихъ съ добрымъ намѣреніемъ. Ея сердце не совсѣмъ отреклось отъ добродѣтели: оно служитъ заблужденію искренно и съ самопожертвованіемъ. Эта искренность составляетъ послѣдній источникъ ея образности; но, заблудившаяся, запятнанная высокомѣріемъ, никогда она не замѣнитъ той прелести, какую думамъ человѣческимъ сообщаетъ истина.

Хотя и въ первую эпоху своего авторства Зандъ давала женщинамъ преувеличенное значеніе, но тогда оправдывало ее по крайней мѣрѣ то, что она возставала противъ ложныхъ основаній воспитанія женщинъ въ наше время—и, судя по глубокой грусти, отражающейся въ ея *Дорожныхъ письмахъ*, судя по чудному дару видѣть самые тайные оттѣнки чувствъ

и несчастія, можно было думать, что она одною силою размышленія вознесется къ уразумѣнію божественнаго ученія Христова. Я даже увѣрена, что ея сердце къ тому и стремилось — но только умъ, не утвержденный основательнымъ ученіемъ вѣры и жадный современной славы, не могъ устоять противъ господствующихъ въ нашъ вѣкъ теорій, столь блистательныхъ, столь всеобщихъ, столь по-видимому истинныхъ. Дѣйствительно, благодарные современники привѣтствовали ее радушно — и слава Зандъ возросла у нихъ до высшей степени, особенно съ того времени, когда она въ неистовомъ своемъ *Спиридіонѣ* выразила всѣ надежды, всѣ идеалы пантеизма. Только души чистыя, только умы просвѣщенные обширною и истинною философіею, умы, ожидавшіе отъ нея спасительнаго перерожденія, горько были поражены ея паденіемъ—тѣмъ болѣе, что женщина, распространяющая идеи, вредныя Христіанскоу ученію, дѣйствуетъ противъ счастія и достоинства женщинъ, подкапываетъ основаніе ихъ свободы и добродѣтели. Социальныя теоріи, привитыя къ Гегелизму и проповѣдуемыя во Франціи, представляютъ видъ какой-то религіи, видъ самоотверженія и братства. Въ молодыхъ головахъ и нѣжныхъ сердцахъ облекаются онѣ святостію, заимствованною отъ юношескаго жару послѣдователей; но въ сущности истребляютъ онѣ элементы всякой моральной истины, такъ, что, при осуществленіи этѣхъ теорій, не удержались бы самые прекрасные общественные законы супружества, слѣдовательно и семейства.

Женщина, существо, созданное для любви и страданій! тебѣ ли поселять на преходящей землѣ вѣчныя надежды? тебѣ ли забывать о будущности и жить исключительно для свѣта, свѣта, который никогда твоихъ чувствъ не насытитъ? Если бы безсмертная будущность не была обѣтованіемъ человѣку, женщина должна бы сама предузнать ее, должна бы догадаться о ней одною силою своего бѣдствія и горести. Иначе, что же такое эта *покорность*, слово столь великое, столь священное въ характерѣ женщины-Христіанки, если она не обращеніе къ небу существа, страдающаго или подъ бременемъ горькой участи, или отъ людской несправедливости? И чѣмъ замѣнитъ это слово пантеизмъ, который потопляетъ частныя лица въ поколѣніяхъ, а поколѣніями жертвуетъ для другихъ поколѣній?

И такъ, въ этой послѣдней половинѣ своихъ сочиненій Зандъ, кажется мнѣ, заблудилась еще гибельнѣе и уже безъ возврату. Содержанія повѣстей ея нельзя отнести ни къ какой опредѣленной системѣ: нѣтъ въ нихъ даже развитія и логики философовъ Нѣмецкихъ. Это скорѣе практическій раціонализмъ Ленора, или Гейне; это слѣпая вѣра въ земное счастіе, въ возможность безошибочности общества, въ развитіе истины въ дѣйствительности, идеи во времени. Для массы народа это практическое направленіе нео-Спинозизма менѣе вредно, нежели теоретическое заблужденіе въ софизмахъ ума— и, пытаясь построить вдругъ на этѣхъ идеяхъ общественныя правила, основать дѣйствія, прищепить

жизнь, Франція скорѣе истощитъ элементы своей мыслительности, нежели народъ Германскій, который до сихъ поръ блуждаетъ исключительно въ области мысли. Но для отдѣльно-взятаго человѣка не столько вредно глубокое и совѣстливое изученіе теоріи, какъ эмпирическій и ложный взглядъ на практическія условія общественной жизни. Умъ, погруженный въ философическія соображенія, предавшійся имъ съ полною вѣрою, постоянными изслѣдованіями могъ бы еще съ помощью той же самой діалектической нити мало-по-малу освободиться отъ искусно-сотканной теоріи. Довѣренность и правое сердце суть надежныя средства къ дѣйствительнымъ успѣхамъ въ наукѣ философіи. Но Зандъ—славу раздѣлять эмпирическія заблужденія современности—предпочитаетъ скромной заслугѣ изученія предмета съ цѣлію посѣять въ послѣдствіи истинныя и вѣчныя сѣмяна на нивѣ просвѣщенія. Конечно голосъ вѣка силенъ—и еще вѣка такаго гордаго, какъ нашъ. Но кто жъ, если не женщина, можетъ пренебрегать этой силою—женщина, которая такъ часто бываетъ жертвою клеветы — она, у которой противъ злобнаго мнѣнія нѣтъ инаго оружія, кромѣ молчаливаго презрѣнія? Кто знаетъ, не по этой ли причинѣ въ настоящее время пробудилось въ женщинахъ столь пламенное стремленіе къ умственной дѣятельности, къ уразумѣнію главныхъ общественныхъ вопросовъ? Не безъ основанія сказала я въ началѣ моей статьи, что въ характерѣ Зандъ преобладаютъ элементы мужскіе, хотя въ другомъ отношеніи нигдѣ не

видно у нея ни мужскаго систематизма, ни логической непоколебимости. Такое неопредѣленное состояніе вмѣняется высшимъ умамъ въ великое преступленіе — и Зандъ, принявши въ основаніе своего мышленія раціонализмъ, должна по крайней мѣрѣ изучить вполнѣ его развитіе, если не хочетъ подвергаться упрекамъ въ легкомысліи относительно предмета, отъ котораго такъ много зависитъ счастіе человѣка. Роль писателя важная — и кто хочетъ поучать людей, тотъ долженъ сперва на твердыхъ правилахъ основать свои убѣжденія. Мы не вѣруемъ, что человѣчество не ошибается, какъ думаетъ сочинительница Спиридіона — но вѣруемъ, и теперь болѣе, нежели когда-либо, должны вѣрить, что одна ложная мысль, брошенная смѣло на поприще знаній, увлекаетъ за собою толпу—и это-то именно нынѣ называютъ *выраженіемъ предназначенія эпохъ*, тогда, какъ по-нашему это просто *зараза заблужденія*.

Общій характеръ послѣднихъ сочиненій Зандъ, какъ я сказала, обнаруживаетъ ея самоувѣренность, веселость, самодовольство; нигдѣ и тѣни нѣтъ той Христіанской жалости, которая полнымъ милосердія сердцемъ обнимаетъ человѣческія бѣдствія, бѣдствія непремѣнныя, непроходящія, неуничижимыя при всѣхъ самыхъ горячихъ усиліяхъ человѣколюбія. Гдѣ же тѣ пламенныя струны, на которыхъ она наигрывала подобную пѣсню жалости въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ? Гдѣ этотъ даръ обильныхъ слезъ, доказательство милости Божіей, привилегія

нѣжной женской природы? А кому теперь, если не ей, пристала бы такая сильная горесть? Куда стремятся желанія, наполняющія нынѣ исключительно ея сердце? Не ищетъ она ни умственныхъ, ни сердечныхъ соображеній, а кружится только въ области эмпиризма, обморачиваетъ голову свою похвалами современности и наконецъ прибѣгаетъ къ поэзіи, какъ къ средству успокоить бунтующія въ ней страсти и желанія. И-такъ для Зандъ, какъ и для Байрона, поэзія—покровительствующее божество. Но даже и здѣсь не можетъ она найти столько утѣшенія, сколько находилъ его пѣвецъ Альбіона. Его поэзія была индивидуальная, лирическая; то была жертва, приносимая поэтомъ спиритуализму; то было смѣлое возстаніе противъ ничтожества вѣка; то было презрѣніе, полное горечи и грусти. Напротивъ, поэзія Зандъ вполнѣ земная. Ей нужны люди, дѣйствительность, страсть. Эта поэзія не въ состояніи вести одинокой бесѣды съ Богомъ: она скоро бы умолкнула въ безлюдной пустынѣ, умолкнула бы даже въ спокойномъ семейномъ затишьи. Въ ней есть только страсть, волненіе, жажда соціальной дѣятельности — и нигдѣ ни единаго звука о неземномъ мірѣ; нигдѣ нѣтъ тоски о безотносительной истинѣ, къ которой индивидуальная душа могла бъ воззвать изъ глубины своей; нигдѣ религіознаго предчувствія, отличавшиго великихъ людей во всѣ времена; нигдѣ наконецъ раскаянія въ собственныхъ преступленіяхъ, которое воспламеняетъ такимъ огнемъ искреннюю лиру Байрона!

Желаніе людямъ счастія составляетъ главное кажущееся достоинство пантеизма; но Христіанская любовь къ ближнему равно ведетъ къ благороднымъ цѣлямъ касательно земной жизни—и, при всемъ высокомѣріи нынѣшнихъ теорій, ни одна изъ нихъ не достигаетъ дѣятельности Христіанскаго милосердія, ни одна не возбудитъ въ людяхъ такой готовности къ самопожертвованію. Наука, основанная на религіи откровенной, имѣетъ также свою *Философію Исторіи*, какъ и ученіе пантеистическое. Христіанинъ видитъ также успѣхи въ историческомъ ходѣ событій, ибо *искупленіе, очищеніе* для него главная цѣль и вмѣстѣ подпора для всѣхъ его предпріятій и предположеній въ будущемъ—съ тою только разницею, что онъ въ догматѣ своей вѣры почерпнулъ глубокое познаніе падшаго и слабаго существа своего. По-этому *идея грѣха* раждаетъ въ немъ *идею жертвы*, всеобъемлющей, безконечной, какъ безконечна свободная воля души́, какъ безконечны слѣдствія грѣха этой безсмертной души. Отсюда происходитъ законъ самопожертвованія и взаимнаго вспомоществованія; отсюда — причина борьбы, обнимающей всю область событій; отсюда необходимость индивидуальныхъ усилій для очищенія человѣческаго рода; отсюда столь высокая оцѣнка индивидуальной нравственности; отсюда идея зла и добра *безотносительнаго, безусловнаго;* отсюда религіозное возстаніе противъ ученія, которое въ заблужденіяхъ поколѣній и частныхъ лицъ видитъ только переходы, необходимые для успѣховъ человѣче-

ства; отсюда сильное противодѣйствіе здравыхъ умовъ закону *необходимости,* освященному раціонализмомъ. Человѣкъ, силою своей души, можетъ совершить важныя дѣла; изъ этихъ дѣлъ образуются историческіе факты, а факты составляютъ выразительнѣйшія черты, составляютъ какъ бы свѣтильники воспитывающагося здѣсь на землѣ человѣчества. Но эта сила индивидуальнаго духа, окруженная чуждымъ ей міромъ, должна сражаться, должна освобождаться отъ вліянія временныхъ силъ и цѣлаго ряду ложныхъ системъ, чтобы достигнуть развитія своей богатой природы, стремящейся къ соединенію съ Богомъ. Это двойство человѣческой природы есть фактъ, котораго опытъ отвергнуть не можетъ, котораго умъ собственною силою изъяснить не въ состояніи, и отъ опроверженія котораго именно произошли эти ложныя толкованія, будто бы всѣ событія въ жизни частныхъ лицъ и племенъ были необходимымъ явленіемъ истины, исполняющейся въ теченіе вѣковъ. Нѣтъ, истина едина, неизмѣнна, не совершенствующаяся; истина не *живетъ,* а *есть;* истина есть Божество, существующее самобытно, всемогущественно, и *блаженно* за чертою творенія. Будучи *конечностью,* она можетъ выражать только *отрицаніе неконечности.* Таковъ именно и былъ результатъ всѣхъ системъ, которыя хотѣли проникнуть сущность послѣднихъ психологическихъ фактовъ *души* и дойти до первой причины. Современная гордость усильно стремится къ *синтезу;* но, чтобы открыть самобытный синтезъ, нужно быть раз

въ *самою истиною*, постоянною, неизмѣнною, нужно быть Богомъ; а потому всѣ наши синтезы не болѣе, какъ только *объясненіе ума умомъ*, не болѣе, какъ только способъ индивидуальнаго разумѣнія вещей. Постигнуть *Философію* (если можно такъ выразиться) *Откровенія*, постигнуть тайну отношенія человѣка къ Богу — не съ нашими силами; мы можемъ вознестись только до уразумѣнія этой невозможности, до изслѣдованія a posteriori истины фактовъ, какіе намъ преставляетъ догматъ Церкви. Отложимъ же разъ навсегда ложный стыдъ — и сознаемся, что въ сферѣ нашего вѣдѣнія есть *выраженія* не здѣшняго міра, есть *законы*, выдуманные не человѣкомъ, есть *обѣтованія*, для исполненія которыхъ мало земной нашей жизни.— — Но современные геніи, забывая о Богѣ, отъ самаго человѣка ожидаютъ конечнаго развитія нравственной его природы. Горе имъ, горе, если только для славы они отрекаются отъ своего истиннаго назначенія! Генію ли ожидать похвалъ современности, когда въ томъ именно и состоитъ его геніальность, что онъ возвышается надъ толпою, что онъ поставленъ какъ бы таинственнымъ стражемъ своего вѣка? Но въ томъ-то и бѣда, что не такъ понимаютъ геніальность пантеисты, поражающіе проклятіемъ частныя лица, сопротивляющіяся направленію вѣка. Такъ-какъ, по ихъ мнѣнію, истина заключается въ развитіи человѣчества, въ умѣ; то всѣ общественныя событія должны выражаться въ колоссальныхъ размѣрахъ—и въ этомъ отношеніи Зандъ дѣйствительно проповѣд-

ница господствующихъ нынѣ мнѣній. Такое-то употребленіе сдѣлала она изъ своего несравненнаго таланта! Такъ-то эта удивительная, волшебная способность служитъ ей только къ возбужденію идей, противныхъ не только религіи, нравственности, но и тому *успѣху*, который нынѣ составляетъ божество ея—ибо, не смотря на всѣ парадоксы, человѣчество не можетъ итти другою дорогой, кромѣ той, какая назначена ему Богомъ. Ея произведенія способны только останавливать и совращать съ пути человѣчество, совершенствующееся *свободною волею, заглугою и вѣрою*. Kàкъ стоитъ несравненно выше ея силою своего характера и метафизическою глубиною не столь картинная и талантливая сочинительница Коринны! Она одна, въ эпоху хищничества и разоренія, дерзала взывать къ спиритуализму; одна дерзала противопоставлять атеизму, упоснному отрицаніемъ, свое сильное, религіозное убѣжденіе; одна изъ тогдашнихъ писателей не возложила вѣнка на *статую Ума*, которую носили по Парижскимъ улицамъ; одна молилася въ святынѣ, когда ея современники не чувствовали даже и сожалѣнія о религіи. Смѣлымъ умомъ она отличила истину отъ человѣческихъ преувеличеній—и сердцемъ, сильно бьющимся для общаго блага, сердцемъ, полнымъ сочувствія ко всѣмъ истиннымъ улучшеніямъ, защитила отъ уничтоженія живыя основанія нравственности, этой единственной опоры земнаго спокойствія. И такова всегда должна быть женщина—потому-что ей ввѣрено попеченіе о сокровищахъ души, потому-что она, живя исключи-

тельно въ семействѣ, удаленная отъ вліянія социальныхъ страстей, разумѣетъ всею силою женской души *святость долга* — и готова, съ пожертвованіемъ похвалъ, сочувствія современниковъ и даже жизни, защищать религію, которая этотъ долгъ одна и освящаетъ.

РАЗНОЕ.

— Полезно ль просвѣщенье?
Полезно, слова нѣтъ о томъ.
Но просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщенье
И даже нравовъ развращенье.
Такъ надобно гораздо разбирать,
Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять,
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы,
Не разлучить ихъ съ простотой —
И, давши только блескъ пустой,
Безславья не навлечь имъ вмѣсто славы.

Крыловъ.

Эту старую истину нашего мудреца не лишнее дѣло повторять иногда, особенно въ нынѣшнее время. Кто не хлопочетъ теперь о всеобщемъ просвѣщеніи? Когда еще было въ обыкновеніи читать *книги*, тогда просвѣщеніе разливалось содѣйствіемъ зрѣлыхъ и мыслящихъ умовъ. Въ наше время книги брошены; онѣ замѣнены *журналами* да *газетами*. А извѣстно, что для изданія журнала или газеты довольно и коммерческой изворотливости, которая совсѣмъ не то же, что умъ. Отъ того и встрѣчаешь часто, что два издателя разныхъ журналовъ объ одномъ и томъ же дѣлѣ излагаютъ совершенно различныя и даже противоположныя мнѣнія. Вотъ что прочитали мы

въ № 6 *Москвитянина:* «Пробавляющіеся Французскою литературою для удовлетворенія потребностей своей души называютъ нашъ вѣкъ матерьяльнымъ; нѣтъ, они скорѣе могли бы назвать его безнравственнымъ, растлѣннымъ не столько въ поступкахъ людей (и это еще не совсѣмъ было бы опасно, потому-что грязные поступки, оскорбляя приличіе, возбуждаютъ отвращеніе), сколько въ мысляхъ, понятіяхъ, воображеніи. Нынче, гдѣ ни послышишь молодыхъ людей, только и словъ у нихъ: *я знаю жизнь.* А что значитъ это выраженіе на ихъ языкѣ? Оно значитъ тоже, что я прожженъ развратомъ, испыталъ всякаго рода удовольствія, умѣю морочить простодушнаго и обманывать легковѣрнаго. Счастіе еще для человѣчества, что Французская литература, проникшая вездѣ въ *извѣстные* слои общества, недоступна для понятій народовъ — и всякій народъ носитъ въ себѣ зародыши собственной жизни, которыхъ не истребитъ никакое чуждое вліяніе. У меня была (прибавляетъ сочинитель этой статьи) переведена повѣсть *Проспера Мериме.* Недавно, перечитавши еще разъ, я ее разорвалъ. Мнѣ она показалась до того пустою по вымыслу, ничтожною по содержанію, и грязною по изложенію, что я *постыдился предлагать ее Русской публикѣ*, еще столь дѣвственной, особенно въ провинціяхъ (NB. не въ прежнее ли время?). Тѣ, которыхъ свѣтское образованіе поставило въ-уровень съ понятіями Французовъ, могутъ прочитать ее въ оригиналѣ; а простыя Русскія сердца, еще не далеко у-

шедшія отъ патріархальной простоты отцевскихъ нравовъ, не пожалѣютъ, надѣюсь, что не читали такаго произведенія, отъ котораго можетъ сбиться съ толку и не юное воображеніе *(Н. Левитскій)*.» Когда журналъ издается подъ вліяніемъ такаго образа мыслей, то, естественно, сочувствуешь ему. Онъ стремится удержать по-возможности разливъ ложныхъ современныхъ идей, направляя умы къ истинному просвѣщенію. Онъ стыдится ползти за жалкой толпою по грязной дорогѣ. А иные издатели хвалятся тѣмъ, что угадали общій вкусъ и предупреждаютъ желанія людей, сбившихся съ прямаго пути. Безпрерывно повторяя, что весь долгъ свой поставляютъ единственно въ угожденіи публикѣ, они не замѣчаютъ, въ какой мѣрѣ унизительно ихъ положеніе. И ремесленникъ, если онъ дѣйствительно мастеръ своего дѣла, сообразуется съ извѣстными законами вкуса и съ правилами своего ремесла, не подчиняясь слѣпо безтолковой модѣ. Какаго же разбора долженъ быть просвѣтитель общества, т. е. литераторъ, ежели его понятія ничтожнѣе содержателя моднаго магазина? Въ одно время съ Москвитяниномъ редакторъ *Отечественныхъ Записокъ* напечаталъ въ № 8 журнала своего слѣдующія слова: «Занимательный романъ *Поля Феваля*: Сынъ Тайны (le Fils du diable), котораго мы напечатали уже *четыре части,* заимствуя его изъ фёльетоновъ газеты l'Epoque, пока остановился на томъ, что помѣщено въ этой книжкѣ Отеч. Запис. Продолженіе обѣщано съ первыхъ чиселъ Августа — и мы

не замедлимъ представить его читателямъ. Независимо отъ этаго, съ будущаго мѣсяца мы *начнемъ печатаніе* новаго романа *Шарля Бернара:* le Gentilhomme campagnard. Сверхъ того, получивъ первыя *двадцать двѣ главы* новаго романа *Эжена Сю* Martin, l'enfant trouvé, ou les mémoires d'un valet de chambre, издаваемаго особымъ прибавленіемъ при газетѣ le Constitutionnel, *предполагаемъ сдѣлать подарокъ* читателямъ Отеч. Запис., начавъ помѣщать его въ своемъ журналѣ съ слѣдующей же книжки и неизмѣнно держась однажды-навсегда принятаго нами правила — представлять новѣйшія произведенія иностранной бельлетристики вполнѣ, не передѣлывая и не сокращая ихъ, потому-что считаемъ всякую передѣлку *подобныхъ* произведеній литературы неумѣстною и *вредною* для впечатлѣнія, которое *должны* производить они.» И-такъ редакторъ Отеч. Записокъ, въ противоположность мнѣнію благоразумнаго Москвитянина, только и хлопочетъ объ одномъ, чтобы кое-какъ перевалить читателямъ своимъ бредни Французскихъ романистовъ, не заботясь, какія произведетъ послѣдствія это чтеніе И развѣ Франція отечество наше, что поставку ея романовъ въ Русской одеждѣ хвастливо выдаетъ онъ подъ заглавіемъ записокъ *отечественныхъ?* Надобно еще замѣтить, что *Проспер Мериме,* котораго повѣсть г. Левитскій устыдился напечатать для Русской публики, не дюжинный писатель: у него есть талантъ. Но писатели, которыхъ набралъ редакторъ Отеч. Зап., чтобы, по выраженію его, *сдѣлать изъ ихъ романовъ*

подарокъ провинціальнымъ читателямъ своимъ, принадлежатъ къ жалкой школѣ, давно уже въ Парижѣ осмѣянной порядочными людьми. А онъ съ комическою важностію говоритъ, что малѣйшая передѣлка ихъ произведеній вредна для того впечатлѣнія, какое должны производить они. Мы согласны, что они произведутъ свое впечатлѣніе. Но если бы въ редакціи достало времени и (обстоятельство непреодолимое!) умѣнья поочистить отъ грязи эти произведенія; то она, скажемъ къ ея чести, избавила бы читателей отъ этой жалкой *обязанности* принимать *подобныя впечатлѣнія.*

— $\frac{\text{27 Мая}}{\text{8 Іюня}}$ нынѣшняго года скончался въ Женевѣ Родольфъ Тёпферъ, извѣстный литераторъ Французскій, котораго Повѣсти и Описанія путешествій представляли въ наше время образецъ тонкаго ума, прелести слога, и неукоризненной нравственности. Ему было только сорокъ шесть лѣтъ отъ роду. Живопись составляла первоначальное его любимое занятіе, которому онъ предался по призванію. Но слабость зрѣнія принудила Тёпфера оставить это поприще, хотя онъ на немъ оказалъ уже блистательные успѣхи. Въ послѣдствіи времени онъ учредилъ у себя пансіонъ, который представлялъ собою картину счастливаго семейства. Въ лучшее время года воспитанники его отправлялись съ нимъ пѣшкомъ въ путешествіе по окрестнымъ странамъ, чтобы обогатить себя непосредственными наблюденіями и опытами, Тёпферъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые мыслятъ и дѣйствуютъ по

неизмѣннымъ началамъ истиннаго благоразумія, правоты и Христіанскаго ученія. Никакія перемѣны въ понятіяхъ общежитія, вкуса и умственнаго направленія не могли совратить его съ того прекраснаго пути жизни, чувствованій и дѣйствій, на которомъ онъ утвердился по собственнымъ убѣжденіямъ. Это былъ человѣкъ не нашего вѣка — и отъ того немногіе изъ современниковъ умѣли оцѣнить его по достоинству. Въ планахъ его сочиненій, въ характерахъ героевъ его, въ картинахъ природы, въ положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ, въ самомъ языкѣ и слогѣ его столько несовременной намъ простоты, истины, ясности и трогательной убѣдительности, что развѣ только древніе писатели представляютъ въ себѣ черты подобныхъ совершенствъ. Изъ новѣйшихъ одинъ Графъ Ксавье Местръ, можетъ быть, служилъ ему образцемъ. Оба они внесли въ свои классическія созданія тѣ неувядающія красоты воображенія, ума и чувства, которыя такъ поражаютъ насъ въ древнихъ. Это основаніе, для всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ равно прочное, было довершено у нихъ тѣми зиждительными внушеніями, которыя возникаютъ въ душѣ, наполненной истинами Христіанства. Между-тѣмъ, какъ всѣ почти литературы въ настоящее время наводнены сочиненіями, гибельными для сердца, отвратительными для воображенія и жалкими для ума, между-тѣмъ, какъ праздные читатели губятъ за ними время и нравы — небольшія книжки, написанныя Графомъ Местромъ и Тёпферомъ, служатъ отраднымъ чтеніемъ для лю-

дей, постигающихъ достоинство искуства. Этотъ родъ, такъ сказать, задавленный нынѣ, почти неизвѣстенъ позднѣйшему поколѣнію, которое принуждено воспитывать свой вкусъ отвратительными исчадіями послѣдней Французской школы. Для читателей Современника было однако же избрано нѣсколько произведеній, которыя могутъ имъ дать понятіе о чистыхъ красотахъ Тёпфера и Графа Местра. Указываемъ здѣсь для образца на повѣсть, въ нынѣшнемъ году нами напечатанную (т. XLII, стран. 131), подъ названіемъ: *Безропотность.*

— Благодаря издателямъ двухъ превосходныхъ книгъ, изъ которыхъ одна называется: *Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ*, а другая: *Московскій литературный и ученый сборникъ*, въ обществѣ нашемъ и въ литературѣ чаще начали разсуждать объ отечествѣ, языкѣ его, исторіи и соприкосновенныхъ къ тому предметахъ. Собравши множество драгоцѣнныхъ памятниковъ, въ которыхъ является самобытность ума и жизни Славянъ вообще, самобытность, доказывающая, что безотчетное заимствованіе всего, возникающаго въ гражданственности западныхъ Европейцевъ, вредитъ успѣхамъ дѣйствительной образованности нашей, упомянутые издатели намекнули на мысль, что какъ бы хорошо было, если бы Славяне и особенно — ихъ представители — Русскіе сдѣлались внимательнѣе къ поддержанію своей независимости отъ западныхъ Европейцевъ по части литературы, образа мыслей и са-

мыхъ нравовъ общежитія. По-видимому, всего естественнѣе было каждому изъ насъ согласиться съ этою мыслію. Ежели народамъ суждено различаться мѣстностію, климатомъ, образомъ жизни, нравами, языкомъ, промышленностію, законами, правленіемъ и множествомъ другихъ предметовъ; то самое развитіе и проявленіе народнаго духа, который долженъ проникать въ жизни все, по-необходимости подчинено особенностямъ. Уклоненіе же отъ нихъ въ чужія формы только останавливаетъ успѣхи жизни, или сообщаетъ имъ непрочность. Такъ и случилось. Мыслящіе люди, стараго и новаго поколѣнія, единодушно начали теперь поддерживать логическую мысль издателей вышеозначенныхъ двухъ книгъ. Нашимъ читателямъ уже извѣстно (т. XLIII, стран. 106), что одинъ журналъ, наполняемый для забавы провинціаловъ новѣйшими Французскими романами, объявилъ себя безусловнымъ защитникомъ запада. Неудивительно, что онъ, хотя называется Отечественными Записками, и слышать не хочетъ объ отечественномъ или Русскомъ направленіи. Но вотъ что составляетъ новость: одинъ изъ издателей Сѣверной Пчелы, а именно *г-нъ Булгаринъ*, объявилъ себя соратникомъ *г-на Краевскаго*. Они вдвоемъ поражаютъ участниковъ въ томъ и другомъ Сборникѣ—и не называютъ ихъ иначе, какъ *Славянофилами*, хотя оба конечно еще помнятъ, что это прозваніе явилось въ литературѣ нашей для означенія людей, неумѣстно употребляющихъ вмѣсто чистыхъ Русскихъ словъ ржавыя слова Славянскія. Издатели же Сборниковъ въ Москвѣ пишутъ пре-

краснымъ Русскимъ языкомъ. Г-нъ Краевскій пока только прозою доказываетъ, что Славянамъ суждено вѣчно тащиться по пути, пробитому западными Европейцами; а г-нъ Булгаринъ и стихи сочинилъ на защитниковъ Славянской самобытности. Мы помѣщаемъ здѣсь это драгоцѣнное трехстишіе. Поэтъ говоритъ, будто противники его ходятъ

Съ брадою, до груди висящей,
И облекаются въ нарядъ,
Во ужасъ сердце приводящій.

Утѣшительнѣе всего было для издателя Сѣверной Пчелы, что въ его Газетѣ черезъ нѣсколько же дней очень хвалили статью его противъ Славянофильства. Музы видимо полюбили пріютъ г-на Булгарина; потому-что, кромѣ приведенной нами эпиграммы, онъ въ концѣ статьи своей напечаталъ и эпитафію себѣ. Вотъ она:

Отъ Тага до Лапландскихъ скалъ
Онъ *(т. е. г-нъ Булгаринъ)* всюду истины искалъ;
Но тягость наконецъ въ немъ истощила силу —
И съ ношею своей свалился онъ въ могилу.
Друзья, не плачьте вы о немъ!
Онъ былъ глупецъ — некстати квакалъ,
И двадцать лѣтъ о томъ лишь плакалъ,
Что онъ родился не конемъ.

— Съ 22 Іюля Императорскій Санктпетербургскій Университетъ, по истеченіи каникулъ, вступилъ въ ученую дѣятельность свою на 1846—1847 академическій годъ. Болѣе 150 молодыхъ людей явилось на экзамены для поступленія въ студенты Универ-

ситета, не считая воспитанниковъ здѣшнихъ Гимназій, которые принимаются по предъявленіи ими одобрительныхъ аттестатовъ. Въ Университетѣ, со времени преобразованія его, число молодыхъ людей ежегодно до ста увеличивается новыми слушателями, не смотря на то, что едва половина экзаминующихся утверждается въ званіи студентовъ. Молодые люди, кончившіе курсъ наукъ въ Гимназіяхъ Санктпетербургскаго и другихъ округовъ, замѣтно основательнѣе бываютъ приготовлены къ слушанію Университетскихъ лекцій, нежели обучавшіеся дома, въ частныхъ заведеніяхъ и особенно за границею. Древніе языки и математика чаще всего останавливаютъ вступленіе въ Университетъ. Надобно, чтобы родители и воспитатели заблаговременно начинали заботиться о преподаваніи этихъ предметовъ молодымъ людямъ. Въ нынѣшній разъ, изъ экзаминовавшихся, опять почти половинное число не поступаетъ въ Университетъ. На испытаніяхъ, кромѣ Профессоровъ, присутствовали Господинъ Попечитель, Ректоръ Университета и даже постороннія лица. Когда кончены были экзамены и прочія распоряженія передъ окрытіемъ курсовъ, 22 Августа Ректоръ Университета, Профессоры и Студенты собрались въ Университетской Церкви, гдѣ послѣ обѣдни и молебна Законоучитель произнесъ къ присутствовавшимъ назидательную рѣчь объ истинномъ просвѣщеніи. Оттуда перешли всѣ въ большую Университетскую залу. Здѣсь прочитаны были имена всѣхъ студентовъ въ томъ порядкѣ, какъ они распредѣлены на весь

академическій годъ по курсамъ и факультетамъ. Въ заключеніе, Ректоръ изъяснилъ молодымъ людямъ сущность ихъ обязанностей въ отношеніи къ обществу, къ Университету и къ нимъ самимъ. На другой день, въ 9 часовъ утра, началось чтеніе лекцій.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Франція. Книгопродавецъ Гилльоменъ издалъ второй томъ Collection des principaux économistes, contenat les physiocrates: Quesnay, Dupont de Nemours, Mercier de la Rivière, Baudeau, le Trosne.

Вышелъ 1-ый томъ четырнадцатаго изданія Исторіи Французской революціи Тьера.

Вышелъ первый нумеръ Nouvelle Revue encyclopédique, издаваемый братьями Дидо. Она будетъ выходить помѣсячно тетрадями въ 10 листовъ.

Книгопродавецъ Дюбоше издалъ новый томъ Латинскихъ классиковъ, содержащій Цельса, Витрувія, Цензорина и Фронтина съ переводомъ Низара.

Эдгардъ Кине издалъ Mes vacances en Espagne. 1 vol.

У книгопродавца Гилльомена вышло второе изданіе Sophismes économiques, par Fr. Bastiat.

Книгопродавецъ Дидье издалъ сочиненіе Сентъ-Бёва Portraits contemporains. 3 vol.

Г. Лакруа написалъ на степень Доктора слѣдующее сочиненіе: Recherches sur la religion des Romains d'après les Fastes d'Ovide.

Essai historique sur les premiers manuel d'invention oratoire jusqu'à Aristote par Ch. Benoit.

Нельзя не замѣтить слѣдующаго спеціальнаго сочиненія: Essai sur le nombre et l'origine des provinces romaines créées depuis Auguste jusqu'à Dioclétien par A. Poinsignon.

Nicolas de Clemaugis, sa vie et ses écrits, par Ad. Muntz.

Германія. Сцелига издалъ очень любопытную брошюру: Die Organisation der Arbeit der Menschheit und die Kunst der Arbeit der Geschichtsschreibung Schlossers, Gervinus, Dahlmanus und Bruno Bauers.

Извѣстный педагогъ Магеръ издалъ третье изданіе своего сочиненія: Die genetische Methode des schulmässigen Unterrichts in fremden Sprachen und Literaturen.

У книгопродавца Брокгауза вышли Briefe eines deutschen Künstlers. Aus den nachgelassenen Papieren von Erwin Speckter.

Любопытное сочиненіе о Филонѣ: Philo's Lehre von den göttlichen Mittelwesen. Zugleich eine kurze Darstellung der Grundzüge des philonischen Systems von Fr. Keferstein.

По случаю празднествъ въ честь Лейбница вышла его краткая біографія, сочиненіе док. Фогеля.

Теодоръ Мюгге издалъ Streifzüge in Schleswig-Holstein und im Norden der Elbe. 2 Bände.

Lieder aus Rom von Bernhard von Lepel.

Вышла книжка даже о дѣтствѣ Гёте: Aus Goethes Knabenzeit 1757—1759. Von H. Weismann.

Еще другое сочиненіе объ этомъ великомъ мужѣ: Ueber Goethe vom menschlichen Standpuncte, von K. Grün.

Сочиненіе, любопытное для Исторіи Литературы Среднихъ Вѣковъ: Schauspiele des Mittelalters, aus Handschriften, herausgegeben von I. F. Mone. 1 B.

К. Клементъ издалъ историческое объясненіе Шекспировой Бури.

Г. Чуди издалъ любопытное сочиненіе о Перу въ 2 частяхъ.

Гансъ Костеръ издалъ историческую трагедію Ulrich von Hutten.

Извѣстный историкъ Ваксмутъ началъ издавать Исторію новѣйшихъ временъ, подъ заглавіемъ: Das Zeitalter der Revolutionen. Geschichte der Fürsten und Völker Europas seit dem Ausgange der Zeit Friedrichs des Grossen. Теперь вышелъ первый выпускъ.

Англія. Извѣстный литераторъ док. О. Вольфъ въ Іенѣ издалъ выборъ изъ лучшихъ Англійскихъ поэтовъ, подъ заглавіемъ: The poets of Great Britain from Chaucer to Bayly, въ хронологическомъ порядкѣ, съ біографическими и литературными введеніями.

History of the Kings and Queens of England, in Verse, from King Egbert to Queen Victoria. By A. Rossendale. Любопытно было бы прочесть!

Вышло описаніе Ксанфскихъ марморовъ, находящихся въ Англіи: Xanthian Marbles by W. Lloyd.

Философія Исторіи Фр. Шлегеля переведена на Англійскій языкъ.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

52. *Древности, изданныя Временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ*, Высочайше утвержденною при Кіевскомъ Военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губернаторѣ. Томъ Первый. Тетрадь I, II и III. Въ-листъ, въ два солбца; 24 стран. текста на Рус. и Француз. яз.; XI таблицъ литографированныхъ и иллюминованныхъ изображеній разныхъ древностей Кіевъ.

Новый, драгоцѣнный трудъ Коммиссіи. Съ первымъ ея изданіемъ читатели Современника подробно ознакомлены (т. XXXIX, стран. 190—196). На Русскомъ языкѣ, сколько намъ извѣстно, ничто еще не выходило изъ печати въ такомъ великолѣпномъ, въ такомъ роскошномъ видѣ, какъ этѣ Древности. Сѣверныя наши столицы должны по-неволѣ

позавидовать Кіеву, бывшему нѣкогда столицею же на югѣ. Текстъ изданія начинается историческимъ взглядомъ на образованіе и дѣйствія Комиссіи. Съ 23 Мая 1843 года кругъ занятій ея расширился. Государю Императору благоугодно было возложить на нее изысканіе древностей не только въ Кіевѣ (чѣмъ занимался особый Комитетъ, учрежденный при Университетѣ Св. Владиміра и упраздненный нынѣ), но и въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской. Первымъ предметомъ занятій Коммиссіи былъ курганъ Перепетиха, находящійся въ 60 верстахъ отъ Кіева, въ Васильковскомъ уѣздѣ. Читатели встрѣтятъ здѣсь указаніе на грамату (1159 г.) В. К. Андрея Юрьевича Боголюбскаго, гдѣ упоминается объ этомъ курганѣ. За тѣмъ слѣдуетъ народное преданіе о Перепетихѣ, очень занимательное изложеніе. Наружный видъ и внутреннія части кургана описаны обстоятельно. О всѣхъ предметахъ, найденныхъ тутъ въ землѣ, полагается съ надлежащею подробностію. Наконецъ помѣщено объясненіе рисунковъ на семи таблицахъ, представляющихъ курганъ и вещи, въ немъ найденныя. Подобнымъ образомъ изслѣдованы курганы, находящіеся въ 30 верстахъ отъ Кіева, въ селѣ Успенскомъ, принадлежащемъ Генералъ-Адъютанту Бибикову. Нужно ли прибавлять, сколько пользы принесутъ Исторіи разысканія такого рода? Они освѣщаютъ множество темныхъ мѣстъ въ лѣтописяхъ и сообщаютъ полную вѣру народнымъ преданіямъ. Комиссія не довольствуется народными

совершенствомъ рисунковъ, на которыхъ изображены предметы древности: она ученымъ образомъ излагаетъ всѣ обстоятельства, относящіяся къ событіямъ. Послѣ того, что уже совершено Коммиссіею, нельзя сомнѣваться, чтобы ея дѣятельность уменьшилась, или перемѣнила характеръ. Видно, что въ составѣ ея участвуютъ люди, не только съ любовію преданные Исторіи, но и введенные Наукою во всѣ потребности этихъ занятій.

53. *Греческій глаголъ въ своемъ развитіи,* изданный старшимъ учителемъ 1-ой Московской Гимназіи, магистромъ *Игнатіемъ Коссовичемъ.* Въ 8; VIII и 215 стран. Моск.

Языкознаніе какъ бы прививается къ членамъ нѣкоторыхъ семействъ. За нѣсколько времени былъ у насъ случай говорить въ Современникѣ (т. XLII, стран. 79) о молодомъ человѣкѣ, который успѣлъ между прочими изучить языки Еврейскій, Арабскій и Санскритскій. Нынѣ съ замѣчательнѣйшею книгою является въ ученой литературѣ нашей братъ его. Надобно глубоко погрузиться въ филологическія изслѣдованія, чтобы найти удовольствіе серьёзный и долгій трудъ посвятить опредѣленію характера Греческаго глагола. Но блистательные успѣхи только и возможны при подобныхъ спеціальныхъ увлеченіяхъ. Занимающіеся Греческимъ языкомъ получили теперь книгу, которая облегчаетъ имъ путь въ самомъ затруднительномъ мѣстѣ. Сочинитель говоритъ: «Я всегда былъ убѣжденъ, что Греческій глаголъ, какъ и весь языкъ Греческій, легче Латин-

скаго, что въ развитіи его временъ и наклоненій больше логики и простоты, и что все затрудненіе проистекаетъ отъ изложенія.» Мнѣніе И. А. Коссовича мы готовы подтвердить извѣстнымъ уже примѣромъ знаменитаго баснописца Крылова, который, безъ помощи учителя, выучился по-Гречески, а къ Латинскому языку сохранилъ отвращеніе до смерти— и никогда не находилъ въ себѣ мужества и терпѣнія приняться за изученіе его. Въ книгѣ, разсматриваемой нами, ничто не упущено для доставленія избранному предмету ясности и полноты — и, что столь же выгодно для сочиненія, нѣтъ слова лишняго, безполезнаго, не относящагося къ прямому дѣлу. Представивъ подробное обозрѣніе собственно-называемыхъ спряженій, авторъ вводитъ читателя въ уразумѣніе свойствъ разныхъ Греческихъ діалектовъ: безъ этаго и невозможно приступить къ чтенію Греческихъ классиковъ. Мы считаемъ самымъ удачнымъ прибавленіемъ къ его книгѣ внесенный имъ въ нее списокъ неправильныхъ Греческихъ глаголовъ, съ объясненіемъ, изъ какихъ источниковъ вытекаютъ разные виды неправильностей. Словомъ, книга И. А. Коссовича будетъ настольнымъ пособіемъ каждаго, кто учится по-Гречески, и кто, даже выучившись этому языку, занимается изученіемъ классиковъ на немъ.

54. *Руководство къ первоначальному изученію Русскаго языка*, составленное *Ст. Барановскимъ*, соединенное съ прописями. Въ 8; X, 50 стран. и 17 листовъ прописей. Гельсингфорсъ.

Вотъ еще спеціальный трудъ, какъ по назначенію для иностраннаго юношества, такъ и по методѣ, которой сочинитель держался въ изложеніи своего предмета. «Это руководство (говоритъ С. И. Барановскій) составлено для низшихъ двухъ классовъ высшихъ элементарныхъ училищъ въ Финляндіи. Назначенное къ употребленію подъ надзоромъ и съ помощію учителя, оно могло и должно было ограничиться только правилами и упражненіями, ведущими собственно къ изученію Русскаго языка. Положенія, заимствованныя изъ общей грамматики, неумѣстны въ подобномъ руководствѣ. Если же встрѣтятся термины, непонятные ученикамъ, дѣло учителя — объяснить ихъ по примѣрамъ, которыхъ въ этомъ руководствѣ достаточно. Параграфъ о составѣ словъ, цѣликомъ принадлежащій къ общей грамматикѣ, введенъ для того, чтобы объяснить термины, еще не утвердившіеся въ нашихъ грамматикахъ, и познакомить съ идеями, которыя, при всей своей важности для языкоученія, пренебрежены другими грамматиками.» Согласно съ предположеніями своими, здѣсь высказанными, сочинитель дѣйствительно во многихъ мѣстахъ только намекаетъ на правила. И потому его книжка требуетъ со стороны учителя особеннаго вниманія и изученія ея. Главное достоинство здѣсь въ новыхъ указаніяхъ на свойства языка нашего. Естественно, что при такомъ направленіи нельзя было всего представить въ окончательной ясности и въ легкомъ порядкѣ. Но много уже пользы и въ томъ, что книга заставляетъ всматри-

ваться въ языкъ съ новыхъ сторонъ. Извѣстно, что въ нашемъ языкѣ затруднительнѣе всего изученіе глаголовъ. Въ нихъ отъ однаго корня производятся разные виды, отличающіеся значеніемъ. Сочинители новѣйшихъ Русскихъ грамматикъ, исчисляя эти виды, приводятъ примѣры, не сообщая точныхъ указаній, сколько видовъ способенъ принять тотъ или другой глаголъ. Даже глаголы, получившіе особенное значеніе отъ приставленныхъ къ нимъ предлоговъ, разсматриваются въ одной категоріи съ глаголами безъ предлоговъ. Иностранцу это непостижимо. Въ книжкѣ, нами разсматриваемой, подобныя недоразумѣнія не вполнѣ устранены.

55. *Приложеніе практической астрономіи къ географическому опредѣленію мѣстъ*, Доктора *А. Савича*. Напечатано иждивеніемъ Императорскаго Санктпетербургскаго Университета. Въ 8; 492 стран. 9 лист. таблицъ и VI чертежей. Спб.

Профессоръ Императорскаго Санктпетербургскаго Университета, докторъ А. Н. Савичь, за разсматриваемое нами сочиненіе, удостоенъ въ нынѣшнемъ году Академіею Наукъ полной Демидовской преміи. Въ подробномъ разборѣ сочиненія его, между прочимъ, говорится, что въ нынѣшнее время и на иностранныхъ языкахъ нѣтъ по этой части такой книги, которая бы столь ясно, удовлетворительно и современно обнимала важнѣйшія части науки, какъ это сочиненіе. Извѣстно, что книга Боненбергера, изданная въ 1795 г. подъ названіемъ: Anleitung zur geographischen Ortsbestimmung, vorzüglich vermittelst

des Spiegelsextanten, представляла лучшее пособіе для опредѣленія мѣстъ. Но быстрые, неимовѣрные успѣхи астрономіи потребовали обновленія въ ея примѣненіи. А. Н. Савичь окончилъ ученое образованіе свое надъ руководствомъ знаменитаго Струве. Послѣ того онъ совершилъ ученое путешествіе на Кавказъ, и уже нѣсколько лѣтъ преподаетъ астрономію въ здѣшнемъ Университетѣ. Все это вмѣстѣ обогатило наблюдательный умъ его такими соображеніями, которыя пополнили одну изъ важнѣйшихъ вѣтвей науки. Нѣкоторые изъ извѣстныхъ способовъ вычисленій (какъ упоминаетъ онъ самъ въ предисловіи) здѣсь болѣе развиты или относительно частей ихъ примѣненія къ особеннымъ случаямъ, представляющимся, на примѣръ, при употребленіи пасажнаго инструмента внѣ меридіана, или относительно степени приближенія нѣкоторыхъ удобныхъ формъ, какія часто находимъ въ астрономической практикѣ, и между прочимъ въ вычисленіи покрытіи звѣздъ луною по способу Карлини. Остается только желать, чтобы это сочиненіе не замедлило явиться на иностранномъ языкѣ. Мы увѣрены, что оно повсюду заслужитъ то одобреніе, съ какимъ принято у насъ знатоками астрономіи.

56. *Бричка, или обратный путь съ Парнасса* (Басни инаго манера и комедія на другую стать). Сочиненіе писателя, желающаго остаться неизвѣстнымъ. Обнаружены читающей публикѣ *Иваномъ Ваненко*. Изданіе *первое*. Въ 16; 140 стран. Моск.

Подъ этимъ заглавіемъ сочинитель напечаталъ

два собранія пьесъ своихъ. Однѣ изъ нихъ въ стихахъ и называются: Наблюденія на скотномъ дворѣ, или различныя чувствованія нѣкоторыхъ животныхъ; другія въ прозѣ — и названы: Явленія въ кукольной лавкѣ, или нравоизъяснительные разговоры нѣкоторыхъ куколъ. Все это вмѣстѣ, какъ видитъ нашъ читатель, составляетъ одну длинную цѣпь шутокъ. Мудрено, чтобы равная веселость, равная острота господствовали въ цѣлой книгѣ, въ которой авторъ добровольно, такъ сказать, подрядился смѣяться и смѣшить. По крайней мѣрѣ, утомительно заняться нѣкоторое время чтеніемъ пьесъ монотонныхъ, не написанныхъ въ минуту веселости, а придуманныхъ и составленныхъ на темы увеселенія.

57. *Духовноврачебное ученіе,* собранное *Иваномъ Арнгольдтомъ,* изданное въ пользу сиротъ Ивана и Николая А. Въ 8; 213 стран. Спб.

Книга обѣщаетъ болѣе, нежели сколько содержитъ въ себѣ. Въ ней собрано нѣсколько нравоучительныхъ увѣщаній, очень странно по-Русски изложенныхъ. Видно, что авторъ мало знакомъ съ искуствомъ краснорѣчія, не только духовнаго, но и свѣтскаго.

58. *Нравы, обычаи и памятники всѣхъ народовъ земнаго шара.* Изданіе *А. Семена* и *Стойковича,* украшенное множествомъ рисунковъ, отпечатанныхъ и раскрашенныхъ въ Парижѣ. Въ 8; 470 стр. Моск.

Заглавіе изданія, котораго вышелъ теперь первый томъ, такъ неопредѣленно и такъ обширно, что трудно рѣшить, куда сочиненіе пойдетъ со-временемъ.

Здѣсь текстъ обнимаетъ Индустанъ (описанный г. Тютчевымъ) и Загангскій полуостровъ, сочиненіе Стойковича. Этнографія, исторія и статистика служили источниками, изъ которыхъ почерпнуты матерьялы составителями обѣихъ упомянутыхъ статей. Ежели одна Восточная Индія потребовала для себя отъ редакторовъ столько печатныхъ листовъ, то гдѣ покажется предѣлъ подобному описанію всѣхъ земель и народовъ земнаго шара? И сколько пройдетъ по земному шару поколѣній прежде, нежели эта книга доведена будетъ до конца? Ея начало представляетъ всѣ признаки роскоши. Но можно ли будетъ поддержать изданіе въ этомъ видѣ, печатая десятки томовъ? Мы не можемъ не радоваться каждому общеполезному предпріятію. Но въ то же время нельзя не думать и о томъ, суждено ли ему вполнѣ осуществиться, или оно доживетъ вѣкъ свой только въ идеѣ?

59. *Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи* Императорскаго *Московскаго Университета 15 Іюня 1846 г.* Въ 4; 182 стран. Моск.

Первая Рѣчь сочинена профессоромъ Рѣдкинымъ на тему: «Какое общее образованіе требуется со-«временностію отъ Русскаго правовѣдца». Вторая принадлежитъ профессору Оверу и называется: « e arduo medici officio». Разсужденіе г. Рѣдкина развито съ необыкновенною полнотой и содержитъ въ себѣ идеи, богатыя примѣненіями и счастливыя по истинамъ, въ нихъ заключающимся. Сочиненіе г. Овера также выходитъ изъ ряду тѣхъ диссерта-

цій, которыя наполняются или общими мѣстами, или слишкомъ спеціальными подробностями. Авторъ указываетъ на обязанности врача, смотря на нихъ съ высшей точки зрѣнія. Изъ Отчета за прошлый академическій годъ мы узнаёмъ, что слушателей въ Московскомъ Университетѣ было 922 человѣка, изъ которыхъ въ юридическомъ факультетѣ находилось 340; что профессоры Гейманъ, Рулье, Линовскій и Грановскій читали публичные курсы сверхъ Университетскихъ; что въ Университетской типографіи отпечатано 7,267,205 листовъ — и проч. и проч.

60. *Расказъ объ Италіи Александра Бехтѣева,* Двора Его Императорскаго Величества Каммергера, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и разныхъ орденовъ Кавалера, изданный для руководства предпринимающихъ это путешествіе. Въ 8; 228 стран. Моск.

Полезное намѣреніе, съ какимъ авторъ издалъ свой Расказъ, много извиняетъ его въ недосмотрахъ, которые встрѣчаются въ книгѣ и касаются чаще всего правильности Русскаго языка.

61. *Взглядъ на животный магнетизмъ въ отношеніи къ леченію болѣзней.* Сочиненіе *О. П. Вейнтрауба.* Читано въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Физико-Медицинскаго Общества 7 Мая 1845 года. Въ 8; 94 стран. Моск.

Въ книжкѣ, написанной безъ особенныхъ требованій на ученое руководство, сочинитель знакомитъ читателя съ успѣхами магнетизма со времени его открытія Месмеромъ до нынѣшняго состоянія;

а въ слѣдъ за тѣмъ, онъ присоединяетъ замѣчанія, на его собственныхъ опытахъ основанныя, какъ надобно поступать во время магнетизированія.

62. *Курсъ скорописанія по методѣ Карстера, принятой въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.* Составленъ *В. Ходоровскимъ.* Въ 4; 49 стран. Спб.

Особенность этой методы состоитъ въ томъ, что, вмѣсто начертанія буквъ, обучающійся каллиграфіи привыкаетъ прежде чертить разнаго рода прямыя и кривыя линіи, изъ которыхъ образованы буквы. Конечно, благоразумный учитель и прежде обращалъ вниманіе на то, чтобы сохраняема была постепенность въ подборѣ копируемыхъ буквъ, при чемъ простыя предшествовали труднѣйшимъ. Теперь, при готовой для этаго книгѣ, еще легче обучаться искуству, столь необходимому для каждаго.

63. *Чтеніе для юношества,* въ пользу учебныхъ заведеній Московскаго учебнаго округа. Двѣ части. Въ 8; 308 и 357 стран. Моск.

Чтеніе, по многимъ отношеніямъ, столь же важно для юношества, какъ и самое слушаніе учительскихъ уроковъ. Ничто такъ не способствуетъ выясненію идей, пріобрѣтаемыхъ въ классахъ, какъ собственное чтеніе молодыхъ людей. Книги, назначаемыя для чтенія, должны быть многосторонни по предметамъ, строго разсмотрѣны въ ихъ основномъ ученіи, доведены до удобнѣйшей системы изложенія и написаны лучшимъ языкомъ. Разсматриваемая нами книга во многомъ соотвѣтствуетъ означеннымъ требованіямъ. Въ ней содержатся статьи, каса-

ющіяся во 1) природы, 2) исторіи и географіи, 3) технологіи, промышленности и хозяйства, 4) литературы. Между-тѣмъ мы полагаемъ, что собственно называемое *юношество* не можетъ долго довольствоваться этою книгою. Ему надобно приготовить сборникъ, въ которомъ бы находилось болѣе предметовъ развитія и — главнѣйшее дѣло — воззрѣній на нихъ. Этому удовлетворить можно только тщательнымъ и систематическимъ выборомъ разныхъ мѣстъ изъ лучшихъ писателей.

64. *Троянъ и Ангелица.* Повѣсть, расказанная Свѣтлой Денницей Ясному Мѣсяцу. *А. Вельтманъ.* Въ 8; 54 стран. Моск.

Много странностей и прежде являлось въ сочиненіяхъ автора сказки, нами разсматриваемой. Его воображеніе не осматривается, куда несется. Онъ надѣется, что выпутается изъ всякой бѣды. Въ нынѣшнее время предалось оно полету самому отчаянному. Имъ овладѣла картина влюбленныхъ, изъ которыхъ герой таетъ въ буквальномъ смыслѣ какъ воскъ отъ солнечныхъ лучей, а героиня, прижимаясь къ нему, горитъ отъ жара, въ немъ дѣйствующаго. Если бы авторъ основалъ подобный расказъ на какомъ-нибудь народномъ преданіи — мы еще могли бы съ участіемъ слѣдовать за нимъ. Но это плодъ однаго стремленія къ оригинальности вымысла — и отъ того читатель остается равнодушенъ къ дѣйствующимъ лицамъ. Еще сильнѣе высказалась его оригинальность въ размѣрѣ стиховъ, какими написано стихотвореніе. Мы беремъ ихъ полдю-

жины, не размѣщая по строчкамъ каждый стихъ, а только означая ихъ цифрами. Пусть читатели сами полюбуются, что это за размѣръ. «1. Подошли— «и объялъ всѣхъ невольный ужасъ: 2. нѣтъ ни «на Троянѣ, ни на юной дѣвѣ, 3. какъ на привидѣньяхъ, образа и лика. 4. Но чуткое сердце ма«тери узнало 5. кровь свою родную въ юношѣ и «дѣвѣ. 6. Сынъ мой! Ангелица! — и смолкнулъ «$^1/_2$7 голосъ Николіи».

65. *Карманный словарь Французско-Русскій.* Въ двухъ частяхъ. Составленъ по руководству всѣхъ лучшихъ донынѣ извѣстныхъ словарей. Въ 16; 303 и 128 стран. Моск.

При составленіи каждаго новаго словаря естественно и легко сказать, что онъ исправнѣе всѣхъ лучшихъ донынѣ извѣстныхъ словарей. Только оправдать эти слова *трудно*, потому-что они требуютъ дѣйствительнаго, а не воображаемаго сравненія всѣхъ прежнихъ словарей съ тѣмъ, который вновь составляется. И вотъ передъ нами доказательство этой истины.

66. *Нѣмецкая книга въ пользу Россійскаго юношества*, составленная систематически и грамматически по легкой и понятной методѣ *Зейденштикера*, съ прибавленіемъ анекдотовъ, къ чему присоединена первая часть Нѣмецкой грамматики. Изданная *Д — мъ Іенсеномъ*. Въ 8; 158 стран. Спб.

Метода Зейденштикера давно извѣстна въ изученіи грамматики и вообще языка, какъ метода легкая и правильная. Прибавленіе анекдотовъ не лиш-

нее дѣло: они доставляютъ возможность пріучать дѣтей къ расказамъ, очень облегчающимъ привычку къ практикѣ на иностранномъ языкѣ. Что касается до первой части грамматики, приставленной здѣсь какъ самый скучный анекдотъ, мы желали бы ее видѣть полною, но въ особой книгѣ.

67. *О настоящемъ состояніи хозяйства у крестьянъ*, съ показаніемъ причинъ, препятствующихъ его развитію, съ указаніемъ средствъ къ отвращенію тѣхъ причинъ, и съ присовокупленіемъ краткихъ правилъ земледѣлія для средней полосы Россіи. Сочиненіе *А. А.* Въ 12; 83 стран. Моск.

Добрымъ признакомъ въ этой книжкѣ является уже то, что она берется помочь хозяйству не вездѣ, а въ опредѣленной полосѣ. Бо̀льшая часть подобныхъ сочиненій у насъ издана безъ опредѣленія мѣста, въ которомъ ими можно пользоваться. Сочинитель изложилъ здѣсь со всѣмъ своимъ прямодушіемъ дурныя стороны крестьянскаго быта, отъ которыхъ по большей части зависитъ и дурное состояніе ихъ хозяйства. Если бы крестьяне наши могли прочитать, или прослушали бы все, изложенное для ихъ наставленія въ книжкѣ, вѣрно многіе изъ нихъ воспользовались бы опытностію и свѣдѣніями сочинителя.

68. *Моя — или ничья! Или клятва двухъ преступниковъ*. Повѣсть (1769—1772). Соч. *Ѳ. Г.* Двѣ части. Въ 16; 381 стран. Спб.

Повѣсть, расказанную г-номъ Г., назвать можно результатомъ всѣхъ современныхъ намъ романовъ, переводимыхъ съ Французскаго языка для

провинціальной публики и, какъ видно, читаемыхъ усердно авторомъ въ журналахъ нашихъ. Безвкусныя подробности, неприличныя картины и нескончаемое пустословіе преслѣдуютъ читателя съ начала до конца книги. Надобно пользоваться особеннымъ излишествомъ празднаго времени и привычки къ его тратѣ, чтобы, не говоримъ съ удовольствіемъ, а даже равнодушно терять часы на подобное чтеніе.

69. *Стенька Разинъ, разбойникъ Волжскій.* Драматическія картины въ четырехъ актахъ съ хорами, пѣснями и плясками. Быль XVII вѣка. Сочиненіе *С. Любецкаго.* Въ 8; 106 стран. Моск.

70. *Имѣть и быть.* Романъ. Сочиненіе моего знакомаго. Двѣ части. Въ 16; 249 и 154 стран. Моск.

Какъ ни различны между собою эти два расказа, смотря по дѣйствующимъ въ нихъ лицамъ, по характеру событій и другимъ обстоятельствамъ, но въ художественномъ и литературномъ отношеніи они близки между собою, т. е. равно ничтожны.

71. *Сцены преферанса.* Рифмотвореніе *Н****. Въ 24; 38 стран. Спб.

72. *Лото въ клубѣ, или на который-то номеръ сѣсть.* Фарсъ-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. *А. П. Сл — на.* Въ 18; 53 стран. Спб.

Въ рифмотвореніи ничего не найдете вы, кромѣ рифмъ — и то зачастую бѣдныхъ. Въ фарсѣ сохраненъ характеръ рода, но недостигнуто правдоподобіе.

II.

73. *Всеобщая географія, приспособленная къ пре-*

подаванію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Выпускъ *четвертый.* Въ 8; 401—560 стран. Моск.

74. *Бесѣды Русскаго купца о торговлѣ.* Практическій курсъ коммерческихъ знаній, излагаемый въ Санктпетербургѣ публично по порученію Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, и издаваемый подъ покровительствомъ онаго членомъ его Фридрихсгамскимъ купцемъ *Иваномъ Вавиловымъ.* Часть *вторая* Въ 8; 193 стран. Спб.

75. *Теорія словесности.* Тетрадь *четвертая.* Въ 8; 201 и XI стран. Моск.

76. *Краткій очеркъ исторіи Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка,* или матерьялы въ воспоминаніяхъ и расказахъ для полной исторіи полка, съ портретами и планами Бородинскаго и Лейпцигскаго сраженій. Составлена служившимъ въ баталіонѣ и полку съ 1808 по 1820 годъ *А. Маринымъ.* Книжка *вторая.* Съ пятью литографированными портретами. Въ 8; 157 и 3 стран. Спб.

═

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

8. *О полезныхъ и вредныхъ свойствахъ пищи и напитковъ.* Соч. *Д...ра Гайна.* Пер. *В...ръ Х...нъ.* Въ 12; 228 стран. Спб.

Наибольшая часть болѣзней нашихъ образуется отъ общаго невниманія къ свойствамъ тѣхъ веществъ, которыя мы употребляемъ въ пищу и питье. Конечно, *для* уразумѣнія, полезны ли они, или вредны, каждому понадобилось бы посвятить себя изученію медицинскихъ наукъ. Есть однако же во всемъ середина. И здѣсь можно бы ограничиться, какъ излагаетъ авторъ разсматриваемой нами книги, однимъ существеннымъ, прямо относящимся къ вопросу. Мы полагаемъ, что переводъ этой книги, обнаруживающій въ переводчикѣ умѣнье обращаться съ языкомъ и съ наукою, многимъ принесетъ несомнѣнную пользу.

9. *Правила скотоводства*, относящіяся къ разведенію, содержанію, употребленію и пользованію рогатаго скота. Сочиненіе *А. Блока*. Перевелъ съ Нѣмецкаго *С. Усовъ*. Въ 8; 218 и XV стран. Спб.

Въ переводѣ, который изданъ С. М. Усовымъ, содержится много полезныхъ указаній касательно свойствъ и совершенствованія рогатаго скота, ухода за нимъ, откармливанія и выращиванія его, дохода отъ его содержанія и касательно способовъ предохранять его отъ болѣзней. Нѣмецкое сочиненіе примѣнено къ хозяйству въ Силезіи. Никто не сомнѣвается, что неблагоразумно бы поступили наши помѣщики и вообще сельскіе хозяева, если бы вздумали безъ разбору все иностранное примѣнять къ своему и вводить въ имѣніяхъ своихъ то, что съ пользою принято въ другомъ мѣстѣ. Они по указаніямъ изданной книги должны обратить внима-

ніе на разносторонность заботъ хозяйственныхъ и, пользуясь готовыми примѣрами, основать у себя раціональное хозяйство, остающееся пока у многихъ изъ нихъ подъ владычествомъ застарѣлыхъ привычекъ и невѣжественныхъ понятій.

II.

10. *Странствующій Жидъ.* Романъ *Евженя Сю,* автора Парижскихъ тайнъ. Переводъ съ Французскаго. Части: *X, XI, XII и XIII.* Въ 12; 50, 68, 38 и 100 стран. Моск.

═

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

6. *Новый и полный Французско-Россійско-Нѣмецкій словарь,* составленный по лучшимъ и новѣйшимъ словарямъ. Въ двухъ частяхъ. Изданіе *второе* (Nouveau dictionnaire Français-Russe-Allemand, composé sur les meilleurs dictionnaires nouveaux. Deux tomes. Seconde édition). Въ 8; 1842 стран. Спб.

7. *Опытъ ученія о повальныхъ болѣзняхъ между домашними животными.* Сочиненіе *Всеволода Всеволодова,* Императорской Медикохирургической Академіи Академика и заслуженнаго Профессора, Статскаго Совѣтника и проч. *Второе,* умноженное и исправленное изданіе. Въ 8; XIV и 846 стран. Спб.

СТАРИКЪ И ЮНОША.

Юноша.

О, какъ подавленъ я величіемъ вселенной!
При взглядѣ на нее, душа моя полна
Священнымъ ужасомъ... Скажи, отецъ, она
Сотворена ль, какъ мы, и гибнущей и тлѣнной?
Какъ! этѣхъ чистыхъ искръ, горящихъ въ небесахъ,
Затмиться можетъ свѣтъ? Чье сильно дуновенье
Прервать, иль измѣнить ихъ мѣрное движенье,
Ихъ разнести, какъ вихрь разноситъ горный прахъ?

Старикъ.

Въ разстройство привести порядокъ, тьмой могилы,
Безмолвіемъ смѣнить сіяніе и звукъ —
Не столько, какъ создать и ихъ и насъ, мой другъ,
Не столько нужно силы!
Зерно не червь родилъ — но, какъ гнилую нить,
Червь перегрызъ сей кедръ могучій, сановитой...
Все можетъ Бога власть — сокрыть и угасить,
Зане все сю, другъ, воспалено, раскрыто.
Все можетъ Онъ...

Юноша.

Чего жъ не можетъ?

Старикъ.

Самъ не быть.

Н. Будьдобрый.

Штаремберґъ.

ХРАМЪ СЕРДЦА.

Когда, покинувъ міръ мечты,
Въ свое я сердце погружаюсь,
Я по неволѣ ужасаюсь
Его печальной пустоты.
Какъ храмъ оставленный въ пустынѣ,
Оно забвенью предано —
Безъ ѳиміама, безъ святыни!
Въ немъ все и дико и темно!
Лишь ядовитый змѣй страданья
Ползетъ тропой воспоминанья,
И на поблекшіе цвѣты
Ранопотеряннаго счастья
Отраву льетъ шипучей пастью
Во мракѣ скорбной темноты.
Вездѣ печальныя гробницы
Надеждъ и радостей былыхъ!
И рѣдко, рѣдко лучь денницы,
Какъ лепту, броситъ свѣтъ на нихъ.
А было время: чуднымъ зданьемъ
Здѣсь возвышался жизни храмъ,
И сладкихъ чувствъ благоуханьемъ
Курился сердца ѳиміамъ.
Надежды чистаго елея
Лампада дней была полна,
И все отраднѣй, все свѣтлѣе
Горѣла счастіемъ она.
Но мигъ — и все восколебалось!
Алтарь любви поверженъ въ прахъ!

На опустѣвшихъ ступеняхъ
Воспоминанье лишь осталось.
И день и ночь оно съ тоской
Чего-то ищетъ межъ гробами,
И роетъ пепелъ гробовой,
И плачетъ горькими слезами.

ЖАВОРОНОКЪ.

Подражаніе.

Подъ тѣнью вѣтвистой березы
Красавица-дѣва сидѣла;
Рукой утираючи слезы,
Печальную пѣсенку пѣла,

И вотъ жавороночекъ-птица
По травкѣ, по цвѣтикамъ скачетъ.
«О чемъ это — молвилъ — дѣвица,
О чемъ это красная плачетъ?»

Ахъ, птичка, я плачу невольно,
Проплакала цѣлое лѣто,
А сердцу все больно, да больно:
Нѣтъ друга, нѣтъ солнца, нѣтъ свѣта!

Не скоро, не скоро мнѣ снова
Онъ ясныя очи покажетъ;
Не скоро мнѣ сладкое слово
Устами медовыми скажетъ!

Ахъ, если бы листикъ мнѣ дали
И перышко дали бы въ руки:
Сказала бъ я другу печали,
Сказала бы горькія муки!

Листочка и перышка нѣту!
Лети же, пѣвецъ легкокрилой,
Ты къ милому, къ солнышку, къ свѣту,
И спой ему пѣсню о милой!

Н. Бергъ.

Москва.

ВОЗВРАЩЕНIЕ.

Когда гроза небесной волей
Гремѣла надъ моей главой,
Пренебрегла ты свѣтлой долей,
Дѣлить спѣшила ты со мной
Мою тоску, мои страданья;
Ты не жалѣла юныхъ лѣтъ,
И бури страшнаго дыханья
Не трепетала — нѣжный цвѣтъ;
За мной ты слѣдовать хотѣла.
Но отъ отеческихъ долинъ
Подъ небо чуждаго предѣла
Я устремилъ свой бѣгъ одинъ.
И тамъ, гдѣ рано зрѣютъ нивы,
Гдѣ томно бдѣнье, томны сны,

Подъ сѣнью сладостной оливы
Я ждалъ возврата тишины,
Промчалась буря; часъ свободы,
Часъ избавленія пробилъ —
На мирно-дремлющія воды
Свой челнъ поспѣшно я пустилъ —
И, кинувъ яркое сіянье
И зной полудня, встрѣтилъ я
Вновь Сѣверъ блѣдный, но лобзанье
Твое не встрѣтило меня.
Тогда, какъ я въ чужбинѣ дальной
Тобой живилъ любви мечты,
Разлуки тяжкой и печальной
Не переждавъ, угасла ты.
Съ тоской и ужасомъ взираю
На мраморъ грозный и нѣмой.
Ищу тебя — не обрѣтаю,
Зову — не внемлешь... Богъ съ тобой!

Н. Будьдобрый.

ОПРАВДАНІЕ.

Толпа любовь мою винитъ,
И между-тѣмъ она согласна,
Что мной избранная прекрасна.
О чемъ же буйная шумитъ?
Уже ли чувство — преступленье?
Уже ли долженъ я просить

Какъ подаянья — позволенья
И ненавидѣть и любить?
«Она твоею быть не можетъ!»
Я знаю самъ, и не хочу
Покой души ея тревожить,
И чувство въ сердцѣ заключу.
Сдержу желаній пылкихъ волю,
Мятежный жаръ сомкну въ крови,
Но и въ забвеньи не позволю
Прорваться слову о любви.
И не узнаетъ, не услышитъ
Она о тайнѣ отъ меня —
Что ею только сердце дышетъ,
Что ею только милъ свѣтъ дня.
Но для чего же мнѣ неволить
Влеченье чистое мое,
И молчаливо не позволить
Мнѣ любоваться на нее?
Но для чего же мнѣ украдкой
Волшебныхъ взглядовъ не ловить,
Не услаждаться рѣчью сладкой,
Дыханья устъ ея не пить?...
О, сколько разъ, въ толпѣ безстрастной,
Томимый жаждой красоты,
Я не сводилъ очей съ прекрасной,
Лелѣя свѣтлыя мечты!
Сдержавъ тревожное дыханье,
Забывъ себя, забывъ людей,
Я погружался въ созерцанье
Любви возвышенной моей.
Минуты чудныя! казалось,
Передъ взволнованной душой

Мнѣ небо свѣта открывалось
Съ своею вѣчной красотой.
О, только лишь художникъ-геній,
Ловя чудесный идеалъ
Въ часы божественныхъ видѣній,
Подобный образъ создавалъ!...
И помню я: какъ тополь стройный,
Во цвѣтѣ лѣтъ, облечена
Красой и гордой и спокойной,
Стояла царственно она.
Волнисто-чудной діадимой,
Въ гирляндѣ жемчуга и розъ,
Вился изгибъ неуловимый
Благоухающихъ волосъ.
Сіяло мыслію высокой
Ея лилейное чело;
И все лицо, какъ день востока,
И ясно было и свѣтло.
Во влагѣ блещущей эмали,
Подъ дымкой шелковыхъ рѣсницъ,
Глаза плѣнительно сіяли
Красою сѣверныхъ зарницъ.
И перемѣнно отражались
На нихъ мечты живой игрой:
То блескомъ полдня разгарались,
То въ сумракъ ночи погружались,
Блистая звѣздною слезой.
А этѣ розы щекъ живыя!
А эти — прелесть, красота,
Любви созданье — огневыя
Нектарно-влажныя уста!
Могучеіі силы чарованья

На нихъ положена печать,
И можетъ ихъ одно лобзанье
И вдунуть жизнь и жизнь отнять.
А плечь роскошные разбѣги,
Въ сіяньи млечной бѣлизны!
А груди пышной, полной нѣги,
Двѣ чародѣйскія волны!
Въ нихъ жизнь всю полноту излила,
А прелесть формы обвела,
А страсти пламенная сила
Ихъ горделиво подняла...
Все, все въ ней было обольщенье!
И мнѣ казалось, что она
Олимпа древняго явленье,
Героподобная жена!

* *

КЪ ГУРІИ *.

Аполинаріи Васильевнѣ Ф — ой.

Приди на радость, дѣва рая!
Явись, какъ полная луна;
И, красотой своей блистая,
Какъ добрый ангелъ, для меня

* Это посланіе къ Гуріи извѣстнаго Горскаго поэта Абрека Ибрагима. Оно при переводѣ немного передѣлано мною потому, что на каждой строкѣ встрѣчались зильфляры съ небесными взорами и красотою, съ улыбкою и т. п. Абрекъ Ибрагимъ не дождался своего видѣнія — красавицы: онъ умеръ во время отчаянной битвы въ 1838 году, при взятіи Русскими замка Ахульго. Передо мною цѣлая тетрадь его не переведенныхъ стихотвореній и сказокъ.

Щитомъ стань отъ враждебной пули...
Я видѣлъ взоръ прелестный твой;
И этотъ взоръ забыть могу ли?
Взоръ пылкій, нѣжный, огневой!..

Ты, какъ отрадное видѣнье,
Порой являешься мечтѣ;
И какъ святое вдохновенье
Въ своей небесной красотѣ
Къ страдальцу грѣшному нисходишь;
Я забываю міръ порой,
Когда съ улыбкой неземной
Ко мнѣ взоръ пламенный возводишь!...

О, какъ полна бываетъ грудь,
Въ то время, сладкихъ ощущеній;
И какъ легко могу вздохнуть
Послѣ житейскихъ треволненій...
Приди жъ на радость, дѣва рая,
И мнѣ улыбку принеси —
Твоя улыбка неземная
Меня отъ смерти воскреситъ!...

Ты помнишь ли дѣва, зильфляры * раскинувъ,
Неслася, какъ ангелъ среди облаковъ —
И взоръ твой небесный, всѣ взоры окинувъ,
Пронесся, какъ громъ, мимо вѣрныхъ сыновъ!...
Я жадно страдальческимъ окомъ впивался
Въ невиданный образъ твоей красоты:
И дивный твой образъ со мною остался,
Какъ память былой, перелётной мечты!...

Александръ Марсельскій.

С. Константиновка.
10 Іюля, 1843.

* Кудри, локоны.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Лежала дѣвушка, облитая слезами,
Въ таинственномъ вѣнкѣ, съ закрытыми глазами.
Какъ струйка, обрѣтя непреграждениый путь,
Бѣжали волосы на выпуклую грудь.
Ничьими ласками нетронутыя плечи
Стыдили бѣлизной разставленныя свѣчи,
И ножку нѣжную, какъ лилія садовъ,
Одною складкою затаивалъ покровъ —
И ржа погибшаго коснуться не хотѣла
Роскошной нѣжностью сіяющаго тѣла.

II.

Ни облака. Теряяся въ кустахъ
Журчалъ ручей. Зефиры грѣли вѣя,
И нѣжилась въ раскинутыхъ листахъ
Плѣнительноуханная лилея.

Но торжество полудня и весны
Возмущено. Тамъ гдѣ-то пѣли, пѣли...
Про юности утраченные сны,
Про милыя забавы колыбели.

Присуждено. Въ груди, хотя она
Въ желаемомъ довольствѣ утопаетъ,
Скрывается немолчная струна,
И та струна какъ будто бы рыдаетъ.

III.

Она является въ одеждѣ поселянки:
На головѣ лоскутъ лазоревой серпянки;

Какъ луговую ель взволнованный туманъ
Объемлетъ полотно упруго-нѣжный станъ,
И въ розовыхъ устахъ умышленно-сурово
Переминается подмѣченное слово.
Но одурачили придуманный уборъ
Прозрачная рука и горделивый взоръ.

IV.

На облакѣ, не опуская глазъ,
Воздвигнулась погибельная дѣва
И сѣмена отчаянья и гнѣва
Посыпала, разсыпала на насъ.

И обагренъ зазубренный топоръ
И ржавѣютъ разкрошенныя латы.
Свершилося! Снимаются палаты,
Какъ пастыря изодранный шатеръ.

И я взглянулъ на роковый призракъ
Пронзительно-глядящими очами:
Надъ широко развитыми бровями
Невольнаго посланничества знакъ.

V.

Не изъ однѣхъ грозикъ, но изъ однѣхъ лилей
Сплетается вѣнокъ красавицы моей;
Но радужный тюльпанъ, обвитый васильками,
Приподымается надъ царскими кудрями
И у повѣнчанной не только красота
Да искренней души святая простота,
Но кроткой жалости падучіе алмазы
И милымъ помысломъ внушенные расказы.

Дмитрій Коптѣвъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ XLIII ТОМА.

КОНЕЦЪ СОРОКЪ-ТРЕТЬЯГО ТОМА.